

Московский городской педагогический университет

Всероссийское периодическое издание

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

2021

№ 4 (40)

Выходит 4 раза в год

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

Москва

2021

Системная психология и социология: научно-практический журнал. М.: МГПУ, 2021.
№ 4 (40). 120 с.

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

Редакционная коллегия

Романова Евгения Сергеевна (главный редактор, Москва),
Рыжов Борис Николаевич (зам. главного редактора, Москва),
Витковски Лех (Слупск, Польша), Волкова Елена Николаевна (Санкт-Петербург),
Волковская Татьяна Николаевна (Москва), Вяткин Бронислав Александрович (Пермь),
Дочкал Владимир (Братислава, Словакия), Иванников Вячеслав Андреевич (Москва),
Иванов Денис Васильевич (Новосибирск), Левченко Ирина Юрьевна (Москва),
Леньков Сергей Леонидович (Тверь), Лидак Людмила Валентиновна (Пятигорск),
Прюс Франц (Грайфсвальд, Германия), Рубцова Надежда Евгеньевна (Тверь),
Ткачева Виктория Валентиновна (Москва), Толстикова Светлана Николаевна (Москва)

Редакционный совет

Рыжов Борис Николаевич (председатель, Москва),
Шейнов Виктор Павлович (зам. председателя, Минск, Беларусь),
Абушкин Борис Михайлович (Москва), Аншакова Валентина Васильевна (Астрахань),
Арзуманов Юрий Леонидович (Москва), Бакшутова Екатерина Валерьевна (Самара),
Бершедова Людмила Ивановна (Москва), Георгиева Росица (София, Болгария),
Жданова Светлана Юрьевна (Пермь), Забродин Юрий Михайлович (Москва),
Казак Тамара Владимировна (Минск, Беларусь), Карпова Наталия Львовна (Москва),
Коган Борис Михайлович (Москва), Консон Григорий Рафаэльевич (Москва),
Лобанов Александр Павлович (Минск, Беларусь), Миронова Татьяна Ивановна (Кострома),
Романова Евгения Сергеевна (Москва), Рычихина Элина Николаевна (Москва)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций. Регистрационный номер: ПИ № ФС77–37716 от 29.09.2009 г.

Заключением Президиума ВАК Минобрнауки России № 13–6518 от 01.12.2015 г.
журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук

Учредитель: Московский городской педагогический университет

Подписной индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России»: 80651

Зав. редакцией О. В. Котова

Адрес редакции: Москва, Петровско-Разумовский пр., 27

Тел.: +7 (495) 612-67-16

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Электронная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций.
Регистрационный номер: ЭИ № АС77–37715 от 29.09.2009 г. <http://www.systempsychology.ru>

© ГАОУ ВО МГПУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Психологические исследования

Романова Е.С., Рыжов Б. Н., Котова О. В. Половозрастные особенности самооценки антропоцентрических видов мотивации (продолжение, начало см. № 3 (39), 2021) (с переводом на английский язык).....	5
Бреусенко-Кузнецов А. А. Гносеология психоанализа: натуралистическое, структуральное, феноменологическое, экзистенциальное истолкования	23
Волкова Е. Н. Институты социализации современных подростков и их влияние на подростковый буллинг: системный анализ	35
Алексеев М. С. Роль формальных и неформальных оценок в системном анализе летной подготовки (продолжение, начало см. № 2 (38), 2021).....	48
Волков И. В., Исаева О. М. Возможности теории самодетерминации для изучения организационного поведения	60
Васечко Е. П., Кононова Т. А. Системная оценка стрессоустойчивости курсантов военных институтов	68
Урунтаева Г. А. Психология нравственного развития в детстве в творчестве Леонида Андреева	75

История психологии и психология истории

Иванов Д. В. Системно-психологические идеи в творчестве Н. К. Михайловского.....	92
---	----

Информация

Сведения об авторах журнала «Системная психология и социология», 2021, № 4 (40).....	113
Требования к оформлению статей.....	117

CONTENTS

Psychological Researches

Romanova E. S., Ryzhov B. N., Kotova O. V. Gender and age features of self-assessment of anthropocentric types of motivation (continued, beginning see № 3 (39), 2021) (with translation into English).....	5
Breusenko-Kuznetsov A. A. Epistemology of Psychoanalysis: Naturalistic, Structural, Phenomenological, Existential Interpretations.....	23
Volkova E. N. Institutions of socialization of modern adolescents and their impact on adolescent bullying: system analysis	35
Alekseenko M. S. The role of formal and informal assessments in the system analysis of flight training (continued, beginning see № 2 (38), 2021).....	48
Volkov I. V., Isaeva O. M. Possibilities of self-determination theory for studying the organizational behavior	60
Vasechko E. P., Kononova T. A. The system assessment of stress resistance of military institutes cadets	68
Uruntaeva G. A. Psychology of moral development in childhood in the work of Leonid Andreev	75

History of Psychology and Psychology of History

Ivanov D. V. System-psychological ideas in the work of N. K. Mikhailovsky	92
--	----

Information

Authors of the Journal «Systems Psychology and Sociology», 2021, № 4 (40)	113
Author Guidelines	117

УДК 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.1

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ ВИДОВ МОТИВАЦИИ¹

Е. С. Романова,

МГПУ, Москва,

RomanovaES@mgpu.ru,

Б. Н. Рыжов,

МГПУ, Москва,

RyzhovBN@mgpu.ru,

О. В. Котова,

МГПУ, Москва,

KotovaOV@mgpu.ru

Статья является продолжением исследования половозрастных особенностей мотивационно-ценностной сферы личности в период юности и молодости. Представлены результаты сравнительного анализа показателей антропоцентрических видов мотивации развития и сохранения человека как индивида (витальная мотивация, мотивация самосохранения), а также развития и сохранения человека как личности (познавательная мотивация, мотивация сохранения Я). С позиций системной психологии оценка мотивации по результатам методики «Системный профиль мотивации» (СПМ) получает интерпретацию как Я-реальное, самооценка тех же видов мотивации интерпретируется как Я-идеальное. Целью исследования является определение половозрастных особенностей самооценки антропоцентрических видов мотивации в молодежной выборке и сравнительная оценка полученных в этой выборке показателей Я-идеального с данными диагностики Я-реального.

Исследование проведено в 2020–2021 гг. с использованием теста системного профиля мотивации (СПМ) и методики самооценки мотивационного профиля личности. В обследовании приняли участие 106 мужчин и 146 женщин в возрасте 17–36 лет.

Полученные данные показывают, что у женщин 19–36 лет самооценка индексов витальной мотивации достоверно превышает соответствующие индексы Я-реального. Кроме того, выявлено достоверное занижение самооценки индексов мотивации самосохранения по сравнению с индексами Я-реального в период 17–24 года. В мужской выборке самооценка индексов мотивации самосохранения достоверно ниже индексов Я-реального в период 17–24 года, а также в период 31–36 лет.

Результаты исследования свидетельствуют о влиянии социальных установок на самооценку мотивационно-ценностной сферы личности. При этом сравнение характеристик самооценки антропоцентрических и социопсихических видов мотивации подтверждает вывод о большем влиянии существующих в обществе социальных установок на самооценку мотивации у женщин.

Ключевые слова: системная психология; самооценка; Я-идеальное; Я-реальное; антропоцентрические виды мотивации; половозрастные особенности; витальность; познание; сохранение Я; самосохранение.

Для цитаты: Романова Е. С., Рыжов Б. Н., Котова О. В. Половозрастные особенности самооценки антропоцентрических видов мотивации // Системная психология и социология. 2021. № 4 (40). С. 5–22. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.1

¹ Продолжение, начало см.: 2021, № 3 (39).

Романова Евгения Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и практической психологии, заведующая лабораторией социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru
ORCID: 0000-0002-9032-6869

Рыжов Борис Николаевич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru
ORCID: 0000-0001-8848-3622

Котова Ольга Викторовна, эксперт лаборатории социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: KotovaOV@mgpu.ru
ORCID: 0000-0002-4399-4274

Введение

Самооценка мотивационно-ценностной сферы как ядерного образования личности теснейшим образом связана с одобряемыми обществом моделями поведения, обусловленными полом, возрастом и профессиональной принадлежностью человека. На базе этих моделей формируются установки, которые оказывают существенное воздействие на самооценку, сдвигая ее в направлении имеющих в обществе культурных стереотипов.

Одним из таких социокультурных стереотипов является тенденция к сглаживанию половозрастных различий в общественной и профессиональной жизни человека. Однако радикальная интерпретация этой тенденции может приводить к полному отрицанию связанных с полом различий не только в общественной и профессиональной, но и семейной жизни. В таком случае возникает коллизия социокультурного стереотипа и устойчивых мотивационно-ценностных диспозиций личности и, как следствие, рассогласование самооценки мотивационной сферы (Я-идеальное) и ее объективных характеристик (Я-реальное).

Учитывая, что чаще всего носителями радикальных суждений являются представители молодого поколения, целью исследования является определение половозрастных особенностей самооценки антропоцентрических видов мотивации в молодежной выборке и сравнительная оценка полученных в этой

выборке показателей Я-идеального с данными диагностики Я-реального.

Исследование самооценки личности

Одно из наиболее глубоких и проработанных исследований проблемы самооценки личности человека предложено в трудах советских психологов. В работах А. Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна и их последователей вопрос о специфике становления самооценки рассматривается в контексте развития личности, включенной в систему социальных отношений [2].

Как указывает А. Н. Леонтьев, самооценка включает в себя когнитивный и эмоциональный компоненты. В процессе развития самооценки происходит не только осознание свойств своей личности, но и формирование устойчивого эмоционального отношения к себе². По мнению Л. И. Божович, самооценку следует рассматривать как системное образование. Структурно-динамическая модель самооценки представляет собой принятые личностью ценности, а также степень ориентации на социальные нормы и требования к поведению. Таким образом, самооценка является социальным образованием, функционирующим как компонент самосознания и участвующим в саморегуляции [4].

² Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2005. С. 304.

В работах И. И. Чесноковой подчеркивается взаимосвязь когнитивного и эмоционального компонентов, а самооценка рассматривается через синтез самопознания и возникающих в связи с этим внутриличностных переживаний, посредством которых формируется эмоционально-ценностное отношение к своей личности. «Обобщенные результаты познания себя и эмоционально-ценностное отношение к себе закрепляется в самооценку, которая включается в регуляцию поведения личности как один из определяющих мотивов»³. И. С. Кон определяет самооценку как «общий знаменатель, итоговое измерение “Я”, которое выражает меру принятия или непринятия индивидом самого себя»⁴.

Как систему самоотношения личности, формирующуюся в процессе социализации и несущую отпечаток оценочных суждений со стороны лиц, участвующих в развитии личности⁵, понимает самооценку Б. Г. Ананьев. По замечанию С. Я. Рубинштейна, самооценка представляет собой систему основных качеств личности, в которой отражается направленность деятельности⁶. Исследуя условия развития самооценки, А. В. Захарова предлагает учитывать два важнейших фактора: взаимодействие личности и социума в процессе общения и деятельность личности, детерминированную ценностными ориентациями субъекта⁷.

В наши дни внимание авторов главным образом сосредоточено в области исследования механизмов формирования самооценки. В работе А. В. Гайфулина проводится анализ теоретических направлений с целью определения сущности понятия самооценки [2]. Самооценку как актуальное направление психолого-педагогических исследований рассматривает А. С. Курбатова с соавторами [8].

При этом наибольший интерес у исследователей вызывает уровень реалистичности самооценки, поскольку адекватная самооценка позволяет выработать объективное отношение к собственной личности и способствует пониманию смысложизненных ориентиров. Специфика самооценки личности, а также факторы, оказывающие влияние на ее устойчивость, показаны в работах И. А. Василенко [26] и Е. В. Зинько [5]. В исследовании Л. В. Бороздиной предложена теоретическая схема изучения самооценки в качестве особой функции самосознания [1]. Проблема соотношения особенностей самооценки и причин возникновения неуверенности в себе затрагивается в исследовании М. Уитмена и Ю. Бен-Пората [27]. В ряде работ подчеркивается взаимосвязь самооценки с ценностями личности и мотивацией, а также значимость влияния социальной ситуации развития [7; 12]. Роль саморефлексии и самооценки как необходимого условия изучения структуры ценностей в контексте существующих социокультурных установок освещена в исследовании Л. Бака и С. Смита [16].

В работах ряда авторов индивидуальные мотивационные установки личности рассматриваются в тесной взаимосвязи с системой ценностных ориентаций: С. Бадер [17], К. Бауэр и соавт. [18], Ф. Хеллингер [20], О. В. Кузнецова [22] и др. Человеческая деятельность во многом регулируется социальными установками, которые отражают ценностные ориентиры и определяют поведение личности. Рассматривая проблему формирования мотивационно-ценностной сферы, многие авторы приходят к выводу о преобладании индивидуалистических, т. е. антропоцентрических, ценностных ориентаций в современном обществе [11; 24]. В исследованиях Ю. Оджихары [23], М.-Ё. Кан и др. [21] выявлен рост уровня антропоцентризма и нарастание конфликта между тенденциями индивидуализма и коллективизма. С позиций индивидуалистического типа общественного устройства жизнь отдельно взятой личности более важна, чем жизнь общества в целом, а жизнь благоделительного человека рассматривается в качестве наивысшей ценности [10]. В исследовании А. А. Цапенко выявлено преобладание

³ Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977. С. 89.

⁴ Кон И. С. Открытие Я. М.: Политиздат, 1978. С. 156.

⁵ Ананьев Б. Г. К постановке проблем детского самосознания // Известия АПН РСФСР. 1948. Вып. 18. С. 111–115.

⁶ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1989. С. 108.

⁷ Захарова А. В. Структурно-динамическая модель самооценки // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 5–14.

личного материального благополучия как важнейшей ценности в молодежной среде. При этом наименее значимыми ценностями являются общественно полезная деятельность и работа на добровольных началах [15]. Как отмечает С. П. Иваненков, современное постиндустриальное общество предлагает комфорт в качестве интегральной ценности. Однако безусловное доминирование в молодежной среде лично-центрированных ценностей над коллективистскими свидетельствует о болезни всего социума [6: с. 21].

В литературе остается актуальным вопрос влияния половых особенностей на специфику развития ценностных ориентиров и мотивационных установок личности [19; 25]. В то же время проблема влияния половозрастных различий на самооценку мотивационных диспозиций остается неразрешенной и нуждается в дальнейшей разработке.

С позиций системной психологии мотивационно-ценностная сфера является фундаментальным компонентом структуры личности, так как именно она определяет смысл и направление деятельности человека [14]. Образуя иерархическую композицию, мотивация является ядром человеческой личности [9]. При этом самооценка мотивационно-ценностной сферы личности во многом подвержена социальному влиянию, связанному с санкционируемым обществом моделями поведения различных половозрастных и профессиональных групп [3: с. 62].

Методика исследования

Исследование проведено в 2020–2021 гг. с использованием теста системного профиля мотивации (СПМ) для определения Я-реального и методики самооценки мотивационного профиля личности для определения Я-идеального [14].

В работе представлены результаты сравнительного анализа показателей антропоцентрических видов мотивации развития и сохранения человека как индивида (витальная мотивация, мотивация самосохранения), а также развития и сохранения человека как личности (познавательная мотивация, мотивация

сохранения Я). В рамках предлагаемой концепции оценка мотивации по результатам методики «Системный профиль мотивации» (СПМ) получает интерпретацию как Я-реальное, самооценка тех же видов мотивации интерпретируется как Я-идеальное.

В обследовании приняли участие 106 мужчин и 146 женщин в возрасте 17–36 лет (студенты и слушатели курсов повышения квалификации московских вузов). В соответствии с системно-психологической периодизацией развития возраст 17–18 лет относится к периоду ранней юности; 19–24 года — поздней юности; 25–30 лет — ранней молодости; 31–36 лет — поздней молодости.

Результаты самооценки антропоцентрических видов мотивации

На рисунке 1 представлена динамика усредненных по выборке показателей самооценки индекса витальной мотивации (Я-идеальное), а также динамика усредненных показателей индекса Я-реального этого же вида мотивации. С позиций системной психологии витальная мотивация направлена на развитие человека как индивида. Она представляет побуждение к обеспечению нормальной жизнедеятельности организма.

У мужчин и женщин отмечаются различные тенденции в динамике показателей самооценки витальной мотивации (рис. 1). Самооценка индексов витальной мотивации в женской выборке существенно превышает соответствующие индексы Я-реального. Полученные данные свидетельствуют о завышении ценности витальной мотивации при самооценке. В то время как самооценка индексов этого вида мотивации приближается к среднестатистическому уровню (50 %), индексы Я-реального находятся в зоне депрессивных значений. В женской выборке в период поздней юности и на всем протяжении эпохи молодости показатели самооценки индекса витальной мотивации достоверно превышают соответствующие показатели Я-реального⁸.

⁸ Достоверность различий индексов Я-идеального и Я-реального антропоцентрических мотиваций

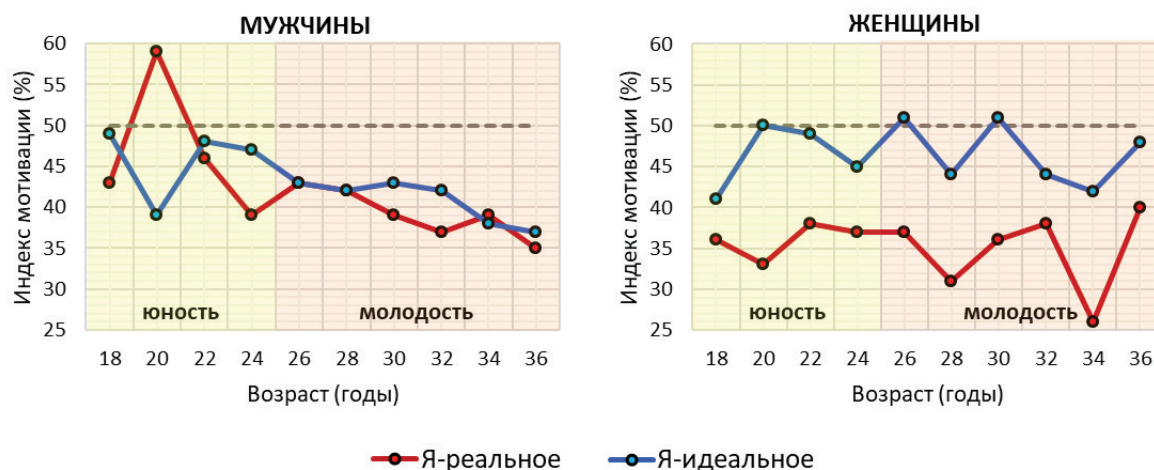

Рис. 1. Витальная мотивация. Динамика средних показателей индекса Я-идеального и Я-реального
Примечание: здесь и далее красной линией обозначена динамика индекса мотивации, полученная по результатам теста СПМ, — Я-реальное; синей линией обозначена динамика самооценки индекса мотивации — Я-идеальное.

Для мужской выборки характерно отсутствие существенных расхождений между показателями самооценки витальной мотивации и Я-реальным этого вида мотивации. У мужчин постепенное падение тренда индекса витальной мотивации выявлено как для Я-идеального, так и для Я-реального. В отличие от женской выборки статистически значимых различий между показателями Я-идеального и Я-реального в мужской выборке нет. На этом основании можно говорить, что для мужчин характерно большее соответствие самооценки витальной мотивации Я-реальному. При этом устойчиво отрицательная динамика индексов Я-идеального и сопутствующее падение индексов Я-реального свидетельствуют о постоянном снижении значимости витальной мотивации на протяжении всего обследуемого периода. Женскую выборку характеризует стабильное положение показателей самооценки витальной мотивации при сохранении стабильного положения индексов Я-реального на всем протяжении эпохи юности и молодости.

На рисунке 2 представлены усредненные показатели самооценки индекса мотивации

самосохранения (Я-идеальное), а также показатели индекса Я-реального этого же вида мотивации. С позиций системной теории мотивации мотивация самосохранения направлена на защиту жизни и здоровья человека. Для обоих полов характерно занижение самооценки индексов этого вида мотивации по сравнению с индексами Я-реального (см. рис. 2). Однако в женской и мужской выборках выявлены различные тенденции в динамике показателей индексов Я-идеального и Я-реального.

На протяжении периодов ранней и поздней юности в женской выборке самооценка индексов мотивации самосохранения существенно ниже индексов Я-реального. При этом показатели Я-идеального находятся на уровне среднестатистических значений в течение всего исследуемого возрастного диапазона, тогда как индексы Я-реального входят в область доминирующих значений. С наступлением периода ранней молодости наблюдается ниспадающий тренд индексов Я-реального при неизменном уровне самооценки индексов мотивации самосохранения. Достоверное занижение показателей самооценки этого вида мотивации по сравнению с соответствующими показателями Я-реального в женской выборке выявлено на всем протяжении эпохи юности, тогда как в эпохе молодости существенных различий не обнаружено.

для обоих полов в ранневозрастной и поздневозрастной период юности и молодости рассчитывается с помощью *T*-критерия Вилкоксона для зависимых выборок ($p \leq 0,01$).

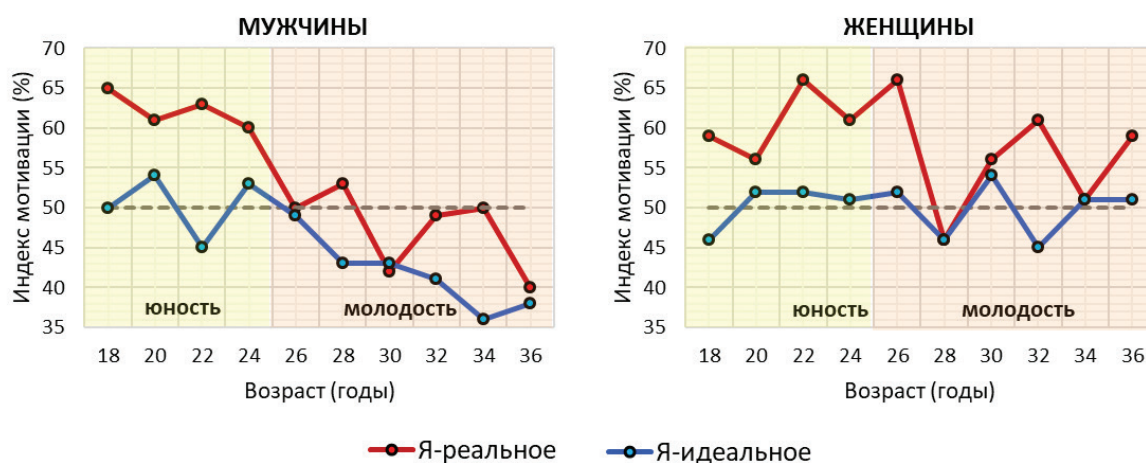

Рис. 2. Мотивация самосохранения. Динамика средних показателей индекса Я-идеального и Я-реального

В мужской выборке самооценка индексов мотивации самосохранения достоверно ниже индексов Я-реального в период ранней и поздней юности, а также в период поздней молодости. В течение эпохи юности индексы Я-идеального располагаются на уровне среднестатистических значений (50 %). Однако в период ранней молодости самооценка индексов мотивации самосохранения приобретает ниспадающий тренд и сохраняет данную тенденцию на всем протяжении эпохи молодости. При этом на всем исследуемом возрастном диапазоне наблюдается падение тренда индексов Я-реального этого вида мотивации.

Познавательная мотивация отражает тенденцию развития человека как личности. Как видно на рисунке 3, самооценка индексов мотивации познания у обоих полов в целом совпадает с индексами Я-реального и располагается на одном уровне. Показатели Я-идеального индекса этого вида мотивации находятся в области доминирующих значений, что объясняется высоким уровнем социальной значимости мотивации познания в эпоху юности и период ранней молодости.

Пиковых значений показатели самооценки индекса познавательной мотивации достигают в период ранней молодости, тогда как индексы Я-реального достигают максимума в период поздней юности. В период поздней молодости у обоих полов наблюдается падение тренда самооценки индексов познавательной мотивации и фиксация на уровне среднестатистических значений (50 %).

Аналогичная тенденция наблюдается в этом же периоде в динамике индексов Я-реального. Статистически значимых различий между индексами Я-идеального и Я-реального ни в женской, ни в мужской выборке не выявлено, что говорит о соответствии самооценки мотивации познания Я-реальному в исследуемом возрастном диапазоне.

На рисунке 4 изображены показатели самооценки индексов мотивации сохранения Я и показатели индекса этого вида мотивации, полученные по результатам теста СПМ. Мотивация сохранения Я представляет побуждение к защите целостности структуры личности и включает в себя комплекс механизмов защиты личности. Самооценка индексов мотивации сохранения Я в целом совпадает с индексами Я-реального как у мужчин, так и у женщин. Статистически значимых различий между индексами Я-идеального и Я-реального на протяжении юности и молодости не выявлено.

Показатели Я-идеального и Я-реального мотивации сохранения Я для обоих полов стабильны и находятся в области доминирующих значений, в связи с чем можно говорить о высоком уровне социальной значимости этого вида мотивации. Однако если в женской выборке самооценка индексов мотивации сохранения Я ниже соответствующих индексов Я-реального на всем исследуемом возрастном диапазоне, то в мужской выборке преобладание индексов Я-идеального над индексами Я-реального в эпоху юности сменяется противоположной тенденцией в эпоху молодости.

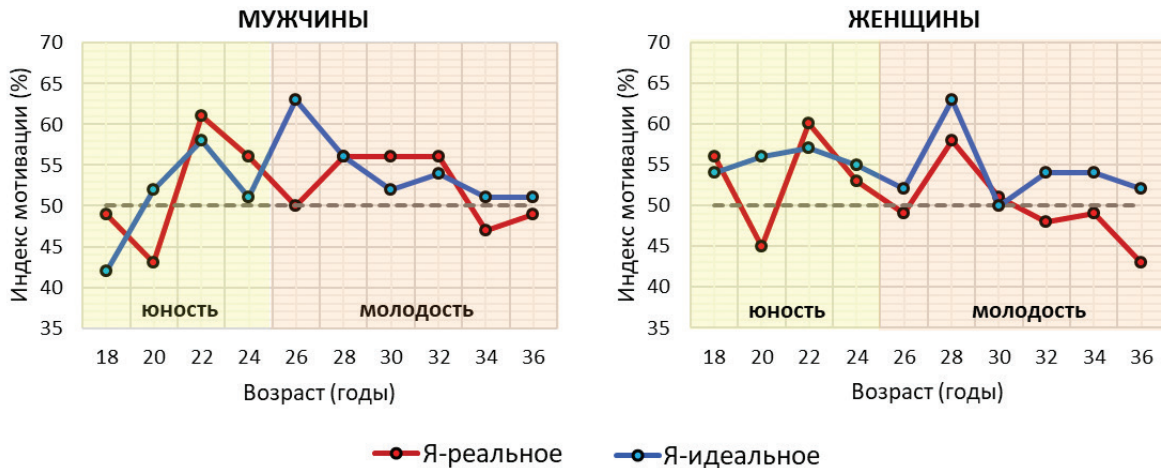

Рис. 3. Познавательная мотивация. Динамика средних показателей индекса Я-идеального и Я-реального

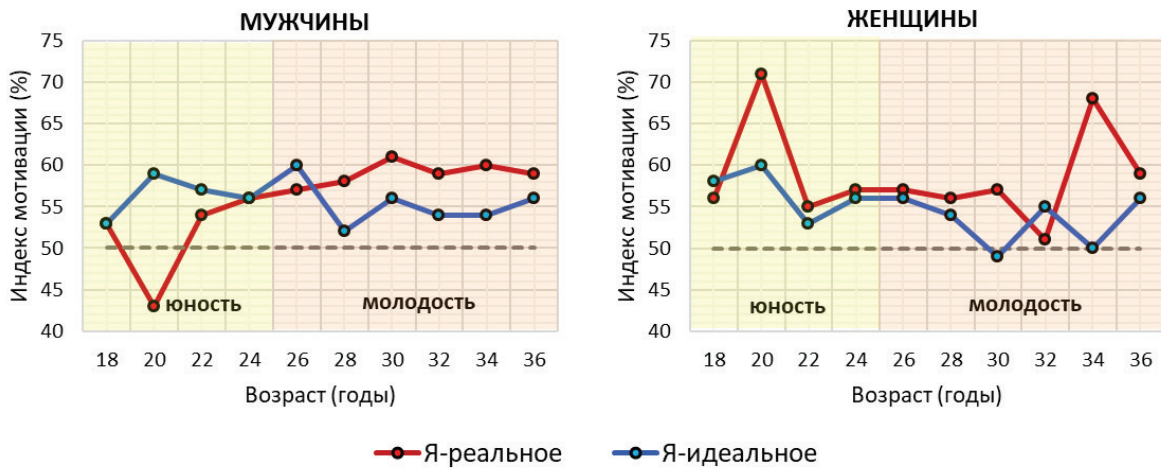

Рис. 4. Мотивация сохранения Я. Динамика средних показателей индекса Я-идеального и Я-реального

Основные тенденции развития самооценки

Полученные данные можно объяснить тем, что в современном обществе придается более высокое значение антропоцентрическим видам мотивации, направленным на развитие (познавательная мотивация) и сохранение (мотивация сохранения Я) человека как личности. В эпоху юности познавательная мотивация является ведущей мотивацией, определяющей основное направление личностной активности. В современных условиях выраженных половых различий познавательной мотивации на этом этапе развития, по-видимому, не существует. Женщины наравне с мужчинами стремятся к развитию своей личности,

что в одинаковой мере вызывает одобрение и поддержку со стороны социума.

Высокий уровень мотивации сохранения Я, направленной на защиту личности человека, также объясняется специфической социальных ориентиров, характерных для антропоцентрических установок общества. В отношении мотивации сохранения Я также не выявлено существенных половозрастных различий.

Сравнительный анализ биологических видов мотивации, направленных на развитие (витальная мотивация) и сохранение (мотивации самосохранения) человека как индивида, показывает наличие достоверных различий между самооценкой этих видов мотивации, формирующейся под влиянием социальных

установок и их положением в мотивационной иерархии Я-реального. Так, для женщин характерно существенное завышение значимости витальной мотивации по результатам самооценки. Полученные данные могут быть объяснены большим влиянием социальных стереотипов на самооценку молодых женщин.

Самооценка мотивации самосохранения как у мужчин, так и у женщин, напротив, оказывается ниже показателей Я-реального. При этом в ходе исследования было установлено, что если в женской выборке самооценка мотивации самосохранения изменяется незначительно, то у мужчин наблюдается монотонное снижение тренда самооценки этого вида мотивации. Показатели Я-реального демонстрируют аналогичную тенденцию. Интерпретация полученных данных может быть связана с присутствием в обществе стереотипа, при котором мотивация самосохранения обладает низким престижем в модели мужского поведения и является нормой в модели женского поведения.

Сопоставление самооценки антропоцентрических видов мотивации и самооценки социоцентрических видов мотивации также указывают на существенные различия в самооценке мужчин и женщин [13]. В женской выборке самооценка социоцентрических видов мотивации достоверно выше соответствующих индексов Я-реального. При этом самооценка индексов социоцентрических видов мотивации, направленных на развитие (репродуктивная мотивация) и сохранение (альтруистическая мотивация)

вида, достоверно ниже индексов Я-реального. Для мужской выборки характерно преобладание самооценки индексов мотивации нравственности над соответствующими индексами Я-реального. Однако самооценка индексов других социоцентрических видов мотивации у мужчин в целом соответствует показателям Я-реального.

Таким образом, результаты исследования показывают, что современные социальные и культурные стереотипы оказывают большее влияние на самооценку мотивации у женщин.

Заключение

Исследование показало, что у женщин в эпоху юности и молодости самооценка витальной мотивации достоверно превышает соответствующие индексы Я-реального. У обоих полов в эту эпоху самооценка мотивации самосохранения достоверно ниже индексов Я-реального. При этом у мужчин имеет место монотонное снижение тренда самооценки этого вида мотивации.

Полученные данные свидетельствуют о влиянии социальных стереотипов на самооценку мотивационно-ценностной сферы личности. При этом сравнение характеристик самооценки антропоцентрических и социоцентрических видов мотивации подтверждает вывод о большем влиянии существующих в обществе социальных установок на самооценку мотивации у женщин.

Литература

1. **Бороздина Л. В.** Сущность самооценки и ее соотношение с Я-концепцией // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. №1. С. 54–65.
2. **Гайфулин А. В.** Различные теоретические подходы в определении понятия самооценки // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 1. С. 73–76.
3. **Геворкян Е. Н., Романова Е. С., Вачкова С. Н.** Психологическое сопровождение семейного образования. М.: Неолит, 2020. 288 с.
4. **Гуткина Н. И.** Концепция Л. И. Божович о строении и формировании личности (культурно-исторический подход) // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 116–128. DOI: 10.17759/chrp.2018140213
5. **Зинько Е. В.** Особенности устойчивой и неустойчивой самооценки // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2005. № 3. С. 35–49.
6. **Иваненков С. П.** Проблемы формирования социально-психологических ценностей у современной российской молодежи // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2007. № 2 (8). С. 19–22.

7. **Коваленко В. А.** Генезис самооценки личности как психологической категории // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2011. № 3. С. 168–172.
8. **Курбатова А. С., Пухова А. Г., Беляева Т. К.** Изучение самооценки как актуальное направление психолого-педагогических исследований // Перспективы науки и образования. 2019. № 1 (37). С. 251–261. DOI: 10.32744/pse.2019.1.18
9. **Леонтьев Д. А.** Понятие мотива у А. Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2016. № 2. С. 3–18.
10. **Пискорская С. Ю., Летунова О. В.** Стандарты социальности индивидуалистического типа общества // Сибирский аэрокосмический журнал. 2006. № 3 (10). С. 131–135.
11. **Прыгин Г. С., Каюмов А. Т.** Проявление социальных установок: «альтруизм-эгоизм», «процесс-результат», «свобода-власть», «труд-деньги» у автономных и зависимых студентов (гендерный аспект) // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. № 2. С. 196–202.
12. **Разуваева Т. Н., Шевченко Е. А.** Исследование отношения к идеалам // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 24 (221). С. 189–193.
13. **Романова Е. С., Рыжов Б. Н., Котова О. В.** Половозрастные особенности самооценки социоцентрических видов мотивации // Системная психология и социология. 2021. № 3 (39). С. 5–20. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.1
14. **Рыжов Б. Н.** Я-реальное, Я-идеальное и Я-скрытое // Системная психология и социология. 2020. № 2 (34). С. 5–20. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.34.2.01
15. **Цапенко А. А.** Молодежь в современном обществе: ценности и деструктивные установки // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2014. № 6. С. 378–382.
16. **Vaca L., Smith S. R.** The role of self-reflection and self-assessment in the psychological assessment process // Diversity-Sensitive Personality Assessment / eds.: S. R. Smith, R. Krishnamurthy. Routledge, 2018. P. 3–24. DOI: 10.4324/9780203551578
17. **Bader S. O.** Classification of value and value-sense orientations of personality // Innovate Pedagogy. 2019. Vol. 14. Iss. 1. P. 18–22. DOI: 10.32843/2663-6085-2019-14-1-3
18. **Bauer K. N., Orvis K. A., Ely K., Surface E. A.** Re-examination of motivation in learning contexts: meta-analytically investigating the role type of motivation plays in the prediction of key training outcomes // Journal of Business and Psychology. 2016. Vol. 31. Iss. 1. P. 33–50. DOI: 10.1007/s10869-015-9401-1
19. **Beauregard A. T.** Perfectionism, self-efficacy and OCB: the moderating role of gender // Personnel Review. 2012. Vol. 41. Iss. 5. P. 590–608. DOI: 10.1108/00483481211249120
20. **Höllinger F.** Value orientations and social attitudes in the holistic milieu // The British Journal of Sociology. 2017. Vol. 68. Iss. 2. P. 293–313. DOI: 10.1111/1468-4446.12255
21. **Kang M.-Y., Kwon J.-W., Ye C.** Regional patterns of individualism in China through the Chinese individualism index // Korea International Trade Research Institute. 2018. Vol. 14. Iss. 5. P. 275–288. DOI: 10.16980/jitc.14.5.201810.275
22. **Kuznietsova O. V.** Value orientations of innovative personality // Habitus. 2020. Iss. 19. P. 133–139. DOI: 10.32843/2663-5208.2020.19.23
23. **Ogihara Y.** Temporal changes in individualism and their ramification in Japan: Rising individualism and conflicts with persisting collectivism // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00695; URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.00695/full> (дата обращения: 12.10.2021).
24. **Ogihara Y., Uchida Y.** Does individualism bring happiness? Negative effects of individualism on interpersonal relationships and happiness // Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.00135; URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2014.00135/full> (дата обращения: 12.10.2021).
25. **Tziner A., Shkoler O., Fein E. C.** Examining the effects of cultural value orientations, emotional intelligence, and motivational orientations: How do LMX mediation and gender-based moderation make a difference? // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.502903; URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.502903/full> (дата обращения: 04.10.2021).
26. **Vasylenko I. A.** Specificity of personality self-assessment // Habitus. 2021. Iss. 23. P. 90–94. DOI: 10.32843/2663-5208.2021.23.15
27. **Whitman M. R., Ben-Porath Y. S.** Distinctiveness of the MMPI-3 self-importance and self-doubt scales // Journal of Personality Assessment. 2021. Vol. 103. Iss. 5. P. 613–620. DOI: 10.1080/00223891.2021.1883628

GENDER AND AGE FEATURES OF SELF-ASSESSMENT OF ANTHROPOCENTRIC TYPES OF MOTIVATION¹

E. S. Romanova,

MCU, Moscow,

RomanovaES@mgpu.ru

B. N. Ryzhov,

MCU, Moscow,

RyzhovBN@mgpu.ru

O. V. Kotova,

MCU, Moscow,

KotovaOV@mgpu.ru

The article is the continuation of the study of the gender and age characteristics of motivational and value sphere of personality in the period of adolescence and youth. The results of a comparative analysis of the indicators of anthropocentric types of motivation for the development and preservation of a person as an individual (vital motivation, self-preservation motivation), as well as the development and preservation of a person as an individual (cognitive motivation, motivation for the preservation of the I) are presented. From the standpoint of system psychology, the evaluation of motivation based on the results of the methodology, the Motivation System Profile Test (SMP) is interpreted as the I-real, self-assessment of the same types of motivation is interpreted as the I-ideal. The aim of the study is to determine the gender and age characteristics of self-esteem of anthropocentric types of motivation in the youth sample and a comparative assessment of the indicators of the I-ideal obtained in this sample with the data of the diagnosis of the I-real.

The research was conducted in the period 2020–2021 using the Motivation System Profile Test (SPM) and the methodology of self-assessment of the motivational profile of the individual. 106 men and 146 women aged 17–36 years took part in the survey. The study showed that in the female sample in the age period of 19–36 years, the self-esteem of vital motivation indices significantly exceeds the corresponding indices of the I-real. Besides, a significant underestimation of self-esteem of self-preservation motivation indices was revealed in comparison with the I-real indices in the period of 17–24 years. In the male sample, the self-esteem of self-preservation motivation indices is significantly lower than the I-real indices in the period of 17–24 years, as well as in the period of 31–36 years.

The data obtained indicate the influence of social attitudes on self-esteem of the motivational and value sphere of personality. At the same time, a comparison of the characteristics of self-esteem of anthropocentric and sociocentric types of motivation confirms the conclusion about the greater influence of existing social attitudes to self-assessment of motivation in women.

Keywords: system psychology; self-esteem; I-ideal; I-real; anthropocentric types of motivation; gender and age characteristics; vitality; cognition; self-preservation.

For citation: Romanova E. S., Ryzhov B. N., Kotova O. V. Gender and age features of self-assessment of anthropocentric types of motivation // Systems psychology and Sociology. 2021. № 4 (40). P. 5–22. DOI: 10.25688/2223-6872. 2021.40.4.1

¹ Continuation, beginning, see 2021, № 3 (39).

Перевод статьи на английский язык выполнен А. А. Волковой, кандидатом педагогических наук, профессором кафедры иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета.

The article was translated into English by A. A. Volkova, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Foreign Languages of the Novosibirsk State Pedagogical University.

Romanova Evgeniya Sergeevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor. Head of the Department of general and practical psychology, Head of the Laboratory of Social-and-Psychological Researches in Education at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-9032-6869

Ryzhov Boris Nikolayevich, Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

ORCID: 0000-0001-8848-3622

Kotova Olga Viktorovna, Expert in the Laboratory of Social-and-Psychological Researches in Education at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: KotovaOV@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-4399-4274

Introduction

Self-assessment of the motivational and value sphere, as the core of personality formation is closely connected to socially approved behavioral models determined by a person's gender, age and professional affiliation. On the basis of these models, attitudes that have a significant impact on self-esteem, shifting it in the direction of cultural stereotypes existing in the society are formed.

One of such sociocultural stereotypes is the tendency to smooth out gender and age differences in a person's social and professional life. However, a radical interpretation of this trend can lead to a complete denial of gender-related differences not only in social and professional, but also in family life. In this case, there is a collision of a socio-cultural stereotype and stable motivational and value dispositions of an individual, and, as a consequence, a mismatch of the self-assessment of the motivational sphere (the I-ideal) and its objective characteristics (the I-real).

Considering that most often the bearers of radical judgments are representatives of the younger generation, the purpose of the study is to determine the gender and age characteristics of self-esteem of anthropocentric types of motivation in the youth sample and a comparative assessment of the indicators of the I-ideal obtained in this sample with the data of the diagnosis of the I-real.

The research of self-esteem of the individual

Perhaps one of the most profound and elaborated studies of the problem of self-esteem of the personality is proposed in the works of Soviet psychologists. In the works of A. N. Leontiev, B. G. Ananyev, S. L. Rubinstein and their followers, the problem of the specifics of the formation of self-esteem is considered in the context of the development of a personality included in the system of social relations [2].

A. N. Leontiev points out that self-esteem includes cognitive and emotional components. In the process of self-esteem developing, there is not only awareness of the properties of one's personality, but also the formation of a stable emotional attitude towards oneself². According to L. I. Bozhovich, the self-esteem should be considered as a systemic formation. The structural-dynamic model of self-esteem represents the individual's values, as well as the degree of orientation to social norms and requirements for behavior. Thus, self-esteem is a social formation functioning as a component of self-awareness and participating in self-regulation [4].

In the works of I. I. Chesnokova, the interrelation of cognitive and emotional components is highlighted, and self-esteem is considered through the synthesis of self-knowledge and the resulting intrapersonal experiences, through which an emotional-value attitude to one's personality is formed. "Generalized results of self-knowledge and emotional-value

² *Leontiev A. N. Activity. Conscience. Personality. M.: Smy'sl; Akademiya, 2005. P. 304.*

attitude is fixed in the self-assessment, which is included in the regulation of behavior of a person as one of the key motives”³. I. S. Kon defines self-esteem as “the common denominator, the final dimension of the I, which expresses the measure of acceptance or non-acceptance by the individual himself”⁴.

B. G. Ananiev understands the self-assessment as a system of the attitude of the individual to himself forming in the process of socialization and bearing the imprint of a value judgment on the part of individuals involved in the development of personality⁵. S. J. Rubinstein notes that self-esteem is a system of basic qualities, which is the focus of activity⁶. Exploring the conditions for the development of self-esteem V. Zakharova proposes to take into account two most important factors: the interaction of the personality and society in the process of communication; personality activities determined by value orientations of the subject⁷.

Nowadays, the attention of the authors is mainly concentrated in the field of study of self-assessment mechanisms. In the work of A. V. Gaifulin, theoretical directions to determine the essence of the concept of self-assessment [2] is analyzed. A. S. Kurbatova and co-authors consider self-esteem as a relevant direction of psychological and pedagogical studies [8]. At the same time, the most important interest among researchers causes the level of self-assessment realism, since adequate self-esteem allows us to develop an objective attitude to his own personality and contributes to the understanding of meaningful benchmarks. The specifics of self-assessment of the individual, as well as the factors affecting its stability, are considered in the works of I. A. Vasilenko [26] and E. V. Zinko [5].

³ Chesnokova I. I. The problem of self-consciousness in psychology. M.: Nauka, 1977. P. 89.

⁴ Kon I. S. The discovery of I. M.: Politizdat, 1978. P. 156.

⁵ Ananyev B. G. On the formulation of problems of children’s self-consciousness // Izvestiya APN RSFSR. 1948. Iss. 18. P. 111–115.

⁶ Rubinstein S. L. Fundamentals of general psychology: in 2 vols. Vol. 1. M.: Pedagogy, 1989. P. 108.

⁷ Zakharova A. V. Structural and dynamic model of self-assessment // Questions of psychology. 1989. № 1. P. 5–14.

In the research work of L. V. Borozdina, a theoretical scheme for studying self-esteem as a special function of self-consciousness is proposed [1]. The problem of the correlation between the features of self-esteem and the causes of self-doubt is touched upon in the study of M. Whitman and Y. Ben-Porat [27].

A number of works emphasize the relationship of self-esteem with personal values and motivation, as well as the importance of the influence of the social situation of development [7; 12]. The role of self-reflection and self-esteem as a necessary condition for studying the structure of values in the context of existing socio-cultural attitudes is highlighted in the study of L. Buck and S. Smith [16].

In the works of a number of authors, motivational attitudes of an individual are considered in close relationship with the system of value orientations: S. Bader [17], K. Bauer [18], F. Hellingner [20], O. V. Kuznetsova [21] and others. Human activities are largely regulated by social attitudes, which reflect value references and determine the behavior of an individual. Considering the problem of forming a motivational value sphere, many authors come to the conclusion about the predominance of individualistic, i.e. anthropocentric value orientations in modern society [11; 24]. In the research of Yu. Ojihara [23], M.-E. Kahn et al. [21] an increase in the level of anthropocentrism and the growing conflict between the tendencies of individualism and collectivism are revealed.

From the standpoint of the individualistic type of social structure, the life of an individual is regarded as more important than the life of society as a whole, and the welfare of an individual is considered to be the highest value [10].

The research of A. A. Tsapenko revealed the predominance of personal material well-being as the most important value in the youth environment. At the same time, the least significant values are socially useful activities and voluntary work [15]. S. P. Ivanenkov notes that modern post-industrial society offers comfort as an integral value. However, the unconditional dominance of personality-centered values over collectivist values in the youth environment testifies to the “disease of the whole society” [6: p. 21].

In the literature, the issue of the influence of sexual characteristics on the specifics of the development of value orientations and motivational attitudes of the individual remains relevant [19; 25]. At the same time, the problem of the influence of gender and age differences on the self-assessment of motivational dispositions remains unresolved and needs further development.

From the standpoint of system psychology, the motivational and value sphere is a fundamental component of the personality structure, since it determines the meaning and direction of human activity [14]. Forming a hierarchical composition, motivation is the core of the human being [9]. At the same time, the self-assessment of the motivational and value sphere of personality is largely affected by social influence related to the behavior of various age and professional socially sanctioned behavioral patterns of various gender, age and professional groups [3: с. 62].

Research methodology

The survey was carried out in the period 2020–2021 using the System Profile of Motivation test (SPM) to determine the I-real and methods of self-assessment of the motivational profile of the personality to determine the I-ideal [14].

The paper presents the results of a comparative analysis of the indicators of anthropocentric types of motivation of the development and preservation of a person as an individual (vital

motivation, self-preservation motivation), as well as the development and preservation of an individual as a personality (cognitive motivation, motivation of the preservation of the I). Within the framework of the proposed concept, the assessment of the motivation based on the results of the methodology Motivation System Profile (SMP) receives interpretation as the I-real, self-esteem of the same types of motivation is interpreted as the I-Ideal.

106 men and 146 women aged 17–36 years (students and listeners of training courses of Moscow universities) took part in the survey. In accordance with the system-psychological periodization of development, age 17–18 years old refers to the period of early adolescence; 19–24 — to the period of late adolescence; 25–30 years — to the period of early youth; 31–36 years old — to the period of late youth.

The results of self-assessment of anthropocentric modes of motivation

Fig. 1 shows the dynamics of the vital motivation index (the I-ideal) averaged over the sample of the surveyed self-esteem indicators.

The same figure shows the dynamics of the average indicators of the I-real index of the same type of motivation. From the standpoint of systems psychology, vital motivation is aimed at the development of a person as an individual. This motivation is an incentive to ensure the normal functioning of the body.

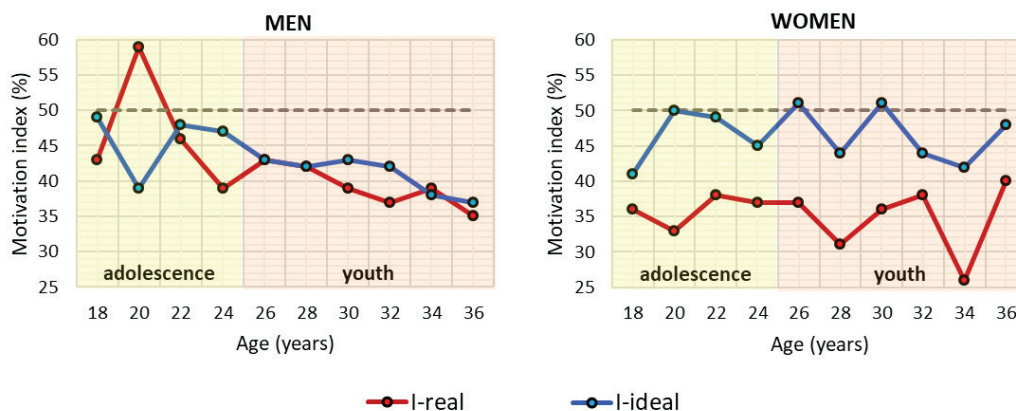

Fig. 1. Vital motivation. Dynamics of the average indicators of the I-ideal and I-real index

Note: here and further, the red line indicates the dynamics of the motivation index obtained by the results of the SPM test — the I-real; the blue line indicates the dynamics of the self-assessment of the motivation index the I-ideal.

As can be seen in fig. 1 various trends in the dynamics of self-assessment indicators of vital motivation in men and women are noted.

The self-assessment of vital motivation indices in the female sample significantly exceeds the corresponding indices of the I-real. The data obtained indicate an overestimation of the value of vital motivation in self-esteem. While the self-esteem indices of this type of motivation are approaching the average level (50 %), the indices of the I-real are in the zone of depressive values. In the female sample during late adolescence and throughout the epoch of youth, the indicators of self-esteem of the vital motivation index significantly exceed the corresponding indicators of the I-real⁸.

men are characterized by a greater correspondence of self-esteem to the vital motivation of the I-real. At the same time, the steadily negative dynamics of the I-ideal indices and the concomitant drop in the I-real indices indicate a constant decrease in the importance of vital motivation throughout the entire period under study. The female sample is characterized by a stable position of vital motivation self-esteem indicators while maintaining a stable position of the I-real indices throughout the epoch of adolescence and youth.

In Fig. 2 the averaged indicators of self-assessment of the index of self-preservation motivation (the I-ideal), as well as the index indicators of the I-real of the same type of motivation are presented. From the standpoint of the system

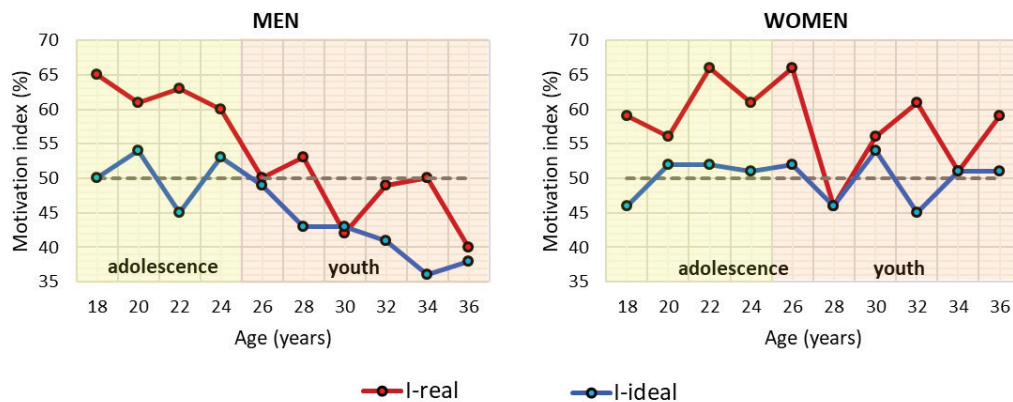

Fig. 2. Self-preservation motivation. Dynamics of the average indicators of the I-ideal and I-real index

For the male sample, there is a lack of significant discrepancies between the indicators of the self-assessment of the vital motivation and the I-real type of motivation. The male sample is characterized by the absence of significant discrepancies between the indicators of self-esteem of vital motivation and the I-real of this type of motivation. In men, a gradual decline in the trend of the vital motivation index was revealed for both the I-ideal and the I-real. Unlike the female sample, there are no statistically significant differences between the indicators of the I-ideal and I-real in the male sample. On this basis, it can be said that

theory of motivation, self-preservation motivation is aimed at protecting the life and human health. As can be seen from Fig. 2 for both sexes, it is characterized by understating the self-assessment of the indices of this type of motivation compared to the indices of the I-real. However, in the female and male samples, different trends in the dynamics of the I-ideal and I-real indices were revealed.

During the periods of early and late adolescence in the female sample, the self-esteem of self-preservation motivation indices is significantly lower than the I-real indices. At the same time, the indicators of the I-ideal are at the average values level throughout the entire age range under study, while the indices of the I-real are in the area of dominant values. With the onset of the period of early youth, there is a downward

⁸ The reliability of differences in the indices of the I-ideal and I-real anthropocentric motivations for both sexes in the early and late age period of adolescence and youth is calculated using the Wilcoxon *T*-test for dependent samples ($p \leq 0.01$).

trend in the I-real indices with a constant level of self-esteem of the self-preservation motivation indices. A significant underestimation of self-esteem indicators of this type of motivation in comparison with the corresponding indicators of the I-real in the female sample was revealed throughout the epoch of adolescence, while no significant differences were found in the epoch of youth.

In the male sample, the self-esteem of self-preservation motivation indices is significantly lower than the I-real indices in the period of early and late adolescence, as well as in the period of late youth. During the epoch of adolescence, the indices of the I-ideal are located at the level of average values (50 %). However, in the period of early youth, self-assessment of self-preservation motivation indices acquires a downward trend and maintains this trend throughout the youth epoch. At the same time, a drop in the trend of the I-real indices of this type of motivation is observed throughout the studied age range.

Cognitive motivation reflects the trend of human development as a personality. As can be seen in Fig. 3 the self-assessment of the indices

The self-esteem indices of the cognitive motivation index reach their peak values during early youth, while the I-real indices reach their maximum during late adolescence. In the period of late youth, both sexes have a drop in the trend of self-esteem of cognitive motivation indices and fixation at the level of average values (50 %). A similar trend is observed in the same period in the dynamics of the I-real indices. Statistically significant differences between the indices of the I-ideal and the I-real were not revealed in either the female or male sample, which indicates the accordance of the self-assessment of cognition motivation of the I-real in the studied age range.

Fig. 4 shows the self-assessment indices of the preservation motivation the I and the index indicators of this type of motivation obtained by the results of the SPM test. The motivation to preserve the I is an incentive to protect the integrity of the personality structure and includes a set of mechanisms for protecting the personality. The self-assessment of the preservation motivation indices of the I generally coincides with the indices of the I-real in both men and women. Statistically significant

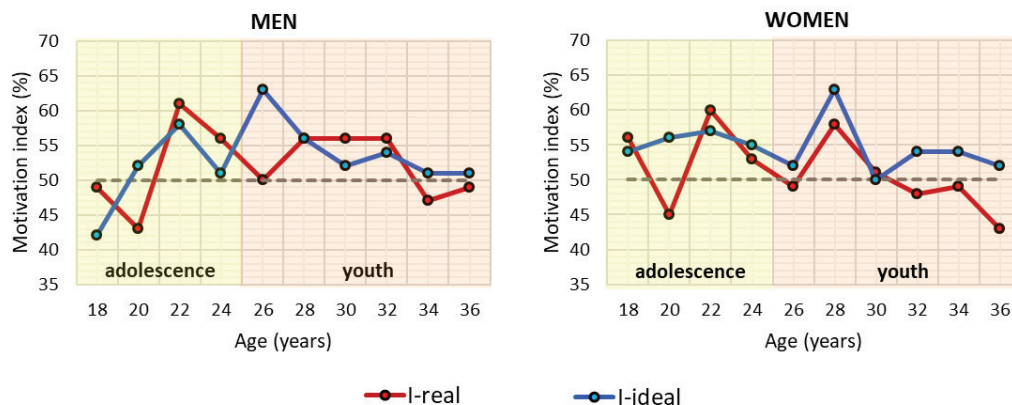

Fig. 3. Cognitive motivation. Dynamics of the average indicators of the I-ideal and I-real index

of cognitive motivation in both sexes generally coincides with the indices of the I-real and is located at the same level. The indicators of the I-ideal index of this type of motivation are in the area of dominant values, which is explained by the high level of social significance of cognition motivation in the epoch of adolescence and early youth.

differences between the indices of the I-ideal and I-real during adolescence and youth were not revealed.

The indicators of the I-ideal and I-real motivation to preserve the I for both sexes are stable and are in the area of dominant values, in connection with which we can talk about a high level of social significance of this type of motivation.

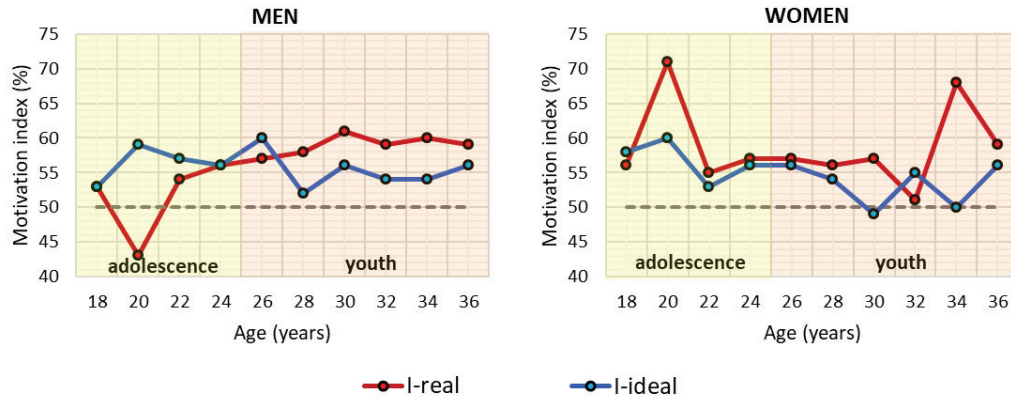

Fig. 4. Motivation to preserve the I. Dynamics of the average indicators of the I-ideal and I-real index

However, if in the female sample the self-esteem of the self-preservation motivation indices is lower than the corresponding the I-real indices throughout the studied age range, then in the male sample the predominance of the I-ideal indices over the I-real indices in the epoch of adolescence is replaced by the opposite trend in the epoch of youth.

Main trends in the development of self-esteem

The data obtained can be explained by the fact that in modern society there is a higher value of anthropocentric types of motivation aimed at the development (cognitive motivation) and the preservation (the preservation motivation of the I of an individual as a personality). In the epoch of adolescence, cognitive motivation is the leading motivation that determines the main direction of personal activity. In modern conditions, there are apparently no meaningful gender differences in cognitive motivation at this stage of development. Women like men, strive for the development of their personality, which equally causes approval and support from society.

The high level of motivation to preserve the I, aimed at protecting the personality, is also explained by the specifics of social attitudes inherent to the anthropocentric attitudes of the society. There were also no significant gender and age differences in the motivation to preserve the I.

A comparative analysis of biological types of motivation aimed at the development (vital motivation) and the preservation (motivation of self-preservation) of an individual as a personality shows the presence of significant differences between the self-esteem of these types of motivation, which is under the influence of social attitudes and their position in the motivational hierarchy of the I-real. Thus, women are characterized by a significant overestimation of the importance of vital motivation based on the results of self-assessment. The data obtained can be explained by the great influence of social stereotypes on the self-esteem of young women.

Self-assessment of self-preservation motivation in both men and women, on the contrary, turns out to be lower than the indicators of the I-real. At the same time, in the course of the study, it was found that if in the female sample the self-esteem of self-preservation motivation changes slightly, men have a monotonous decrease in the trend of self-esteem of this type of motivation. The indicators of the I-real show a similar trend. Interpretation of the data obtained may be related to the presence of a stereotype in the society in which self-preservation motivation has low prestige in the male behavior model and is the norm in the female behavior model.

Comparison of self-assessment of anthropocentric types of motivation and self-assessment of sociocentric types of motivation also allows us to point out significant differences in the self-assessment of men and women [13]. In the female

sample, the self-esteem of sociocentric types of motivation is significantly higher than the corresponding I-real indices. At the same time, the self-assessment of the indices of sociocentric types of motivation aimed at the development (reproductive motivation) and preservation (altruistic motivation) of the types is significantly lower than the indices of the I-real. The male sample is characterized by the predominance of self-esteem indices of moral motivation over the corresponding indices of the I-real. However, the self-assessment of the indices of other sociocentric types of motivation in men generally corresponds to the indicators of the I-real. In general, the results of the research show that modern social and cultural stereotypes have a greater impact on women's self-assessment of motivation.

Conclusion

The research showed that in the epoch of adolescence and youth, women self-esteem of the vital motivation reliably exceed the corresponding indices of the I-real. In both sexes in this epoch, self-esteem of self-preservation motivation is significantly lower than the indices of the I-real. At the same time, men have a monotonous decrease in the trend of self-esteem of this type of motivation.

The data obtained indicate the influence of social stereotypes on the self-esteem of the motivational and value sphere of an individual. At the same time, a comparison of the characteristics of self-esteem of anthropocentric and sociocentric types of motivation confirms the conclusion that the social attitudes existing in the society have a greater influence on the self-esteem of motivation in women.

References

1. **Borozdina L. V.** Sushhnost' samoocenki i ee sootnoshenie s Ya-koncepciej [The essence of self-esteem and its relationship with the self-concept] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psixologiya [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology]. 2011. № 1. P. 54–65.
2. **Gajfulin A. V.** Razlichny'e teoreticheskie podxody v opredelenii ponyatiya samoocenki [Various theoretical approaches in the definition of the concept of self-esteem] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2009. № 1. P. 73–76.
3. **Gevorgyan E. N., Romanova E. S., Vachkova S. N.** Psixologicheskoe soprovozhdenie semejnogo obrazovaniya [Psychological support for family education]. M.: Neolit, 2020. 288 p.
4. **Gutkina N. I.** Konceptiya L. I. Bozhovich o stroenii i formirovanii lichnosti (kul'turno-istoricheskij podxod) [The concept of L. I. Bozhovich on the structure and formation of the personality (cultural and historical approach)] // Kul'turno-istoricheskaya psixologiya [Cultural and historical psychology]. 2018. Vol. 14. № 2. P. 116–128. DOI: 10.17759/chp.2018140213
5. **Zin'ko E. V.** Osobennosti ustojchivoj i neustojchivoj samoocenki [Features of stable and unstable self-esteem] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psixologiya [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology]. 2005. № 3. P. 35–49.
6. **Ivanenkov S. P.** Problemy formirovaniya social'no-psixologicheskix cennostej u sovremennoj rossijskoj molodezhi [Problems of the formation of socio-psychological values among modern Russian youth] // Ucheny'e zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psixologii i social'noj raboty [Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work]. 2007. № 2 (8). P. 19–22.
7. **Kovalenko V. A.** Genezis samoocenki lichnosti kak psixologicheskoy kategorii [Genesis of self-esteem of personality as a psychological category] // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psixologiya [Bulletin of Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology]. 2011. № 3. P. 168–172.
8. **Kurbatova A. S., Puxova A. G., Belyaeva T. K.** Izuchenie samoocenki kak aktual'noe napravlenie psixologo-pedagogicheskix issledovanij [The study of self-esteem as an actual direction of psychological and pedagogical research] // Perspektivy nauki i obrazovaniya [Perspectives of science and education]. 2019. № 1 (37). P. 251–261. DOI: 10.32744/pse.2019.1.18
9. **Leont'ev D. A.** Ponyatie motiva u A. N. Leont'eva i problema kachestva motivacii [The concept of motive in A. N. Leontiev and the problem of the quality of motivation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psixologiya [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology]. 2016. № 2. P. 3–18.

10. **Piskorskaya S. Yu., Letunova O. V.** Standarty` social`nosti individualisticheskogo tipa obshhestva. *Sibirskij aë`rokosmicheskij zhurnal [Standards of Sociality of the individualistic type of society. Siberian Aerospace Journal]*. 2006. № 3 (10). P. 131–135.
11. **Pry`gin G. S., Kayumov A. T.** Proyavlenie social`ny`x ustanovok: «al`truizm-e`goizm», «process-rezul`tat», «svoboda-vlast`», «trud-den`gi» u avtonomny`x i zavisimy`x studentov (genderny`j aspekt) [Manifestation of social attitudes: “Altruism-egoism”, “Process-result”, “Freedom-power”, “Labor-money” among autonomous and dependent students (gender aspect)] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika» [Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]*. 2017. Vol. 27. № 2. P. 196–202.
12. **Razuvaeva T. N., Shevchenko E. A.** Issledovanie otnosheniya k idealam [Study of attitudes to ideals] // *Nauchny`e vedomosti belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki [Scientific statements of Belgorod State University. Series: Humanities]*. 2015. № 24 (221). P. 189–193.
13. **Romanova E. S., Ry`zhov B. N., Kotova O. V.** Polovozrastny`e osobennosti samoocenki socio-centricheskix vidov motivacii [Gender and age features of self-assessment of sociocentric types of motivation] // *Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems psychology and Sociology]*. 2021. № 3 (39). P. 5–20. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.1
14. **Ry`zhov B. N.** Ya-real`noe, Ya-ideal`noe i Ya-skry`toe [Real-self, ideal-self and hidden-self] // *Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems Psychology and Sociology]*. 2020. № 2 (34). P. 5–20. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.34.2.01
15. **Czapenko A. A.** Molodezh` v sovremennom obshhestve: cennosti i destruktivny`e ustanovki [Youth in modern society: values and destructive attitudes] // *Sociologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo [Sociology in the modern world: science, education, creativity]*. 2014. № 6. P. 378–382.
16. **Baca L., Smith S. R.** The role of self-reflection and self-assessment in the psychological assessment process // *Diversity-Sensitive Personality Assessment / eds.: S. R. Smith, R. Krishnamurthy. Routledge*, 2018. P. 3–24. DOI: 10.4324/9780203551578
17. **Bader S. O.** Classification of value and value-sense orientations of personality // *Innovate Pedagogy*. 2019. Vol. 14. Iss. 1. P. 18–22. DOI: 10.32843/2663-6085-2019-14-1-3
18. **Bauer K. N., Orvis K. A., Ely K., Surface E. A.** Re-examination of motivation in learning contexts: meta-analytically investigating the role type of motivation plays in the prediction of key training outcomes // *Journal of Business and Psychology*. 2016. Vol. 31. Iss. 1. P. 33–50. DOI: 10.1007/s10869-015-9401-1
19. **Beauregard A. T.** Perfectionism, self-efficacy and OCB: the moderating role of gender // *Personnel Review*. 2012. Vol. 41. Iss. 5. P. 590–608. DOI: 10.1108/00483481211249120
20. **Höllinger F.** Value orientations and social attitudes in the holistic milieu // *The British Journal of Sociology*. 2017. Vol. 68. Iss. 2. P. 293–313. DOI: 10.1111/1468-4446.12255
21. **Kang M.-Y., Kwon J.-W., Ye C.** Reginal patterns of individualism in China through the Chinese individualism index // *Korea International Trade Research Institute*. 2018. Vol. 14. Iss. 5. P. 275–288. DOI: 10.16980/jitc.14.5.201810.275
22. **Kuznietsova O. V.** Value orientations of innovative personality // *Habitus*. 2020. Iss. 19. P. 133–139. DOI: 10.32843/2663-5208.2020.19.23
23. **Ogihara Y.** Temporal changes in individualism and their ramification in Japan: Rising individualism and conflicts with persisting collectivism // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00695; URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.00695/full> (access date: 12.10.2021).
24. **Ogihara Y., Uchida Y.** Does individualism bring happiness? Negative effects of individualism on interpersonal relationships and happiness // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.00135; URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2014.00135/full> (access date: 12.10.2021).
25. **Tziner A., Shkoler O., Fein E. C.** Examining the effects of cultural value orientations, emotional intelligence, and motivational orientations: How do LMX mediation and gender-based moderation make a difference? // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.502903; URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.502903/full> (access date: 04.10.2021).
26. **Vasylenko I. A.** Specificity of personality self-assessment // *Habitus*. 2021. Iss. 23. P. 90–94. DOI: 10.32843/2663-5208.2021.23.15
27. **Whitman M. R., Ben-Porath Y. S.** Distinctiveness of the MMPI-3 self-importance and self-doubt scales // *Journal of Personality Assessment*. 2021. Vol. 103. Iss. 5. P. 613–620. DOI: 10.1080/00223891.2021.18836

УДК 159.9
DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.2

ГНОСЕОЛОГИЯ ПСИХОАНАЛИЗА: НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЕ, СТРУКТУРАЛЬНОЕ, ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ, ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИСТОЛКОВАНИЯ

А. А. Бреусенко-Кузнецов,
МИГП, Киев, Украина,
br.kuznetsov@gmail.com

Статья посвящена ведущим современным истолкованиям гносеологии психоанализа. Сам психоанализ рассматривается как многоуровневое системное единство, адаптированное к автономному существованию в мирах медицины, психологической науки и философии за счет взаимозависимости трех его уровней: 1) практического (клинического и прикладного); 2) научного; 3) философского. Такой взгляд лежит в русле идеи о необходимости обретения подобной целостности (с выходом в практику и в философию) для любой школы научной психологии, о важности восполнения лакуны в методологическом базисе современной персонологии, связанной с непредставленностью в нем метафизических форм опыта. В качестве философского психоанализа подразумевается метапсихология, но не в выделенных З. Фрейдом аспектах топикки, динамики и экономики (они принадлежат к научному, теоретическому уровню), а содержащиеся в тех же самых метапсихологических текстах идеи онтологического, гносеологического, антропологического планов.

Методологическую основу исследования составил метафизический подход в психологии, учитывающий философско-методологические основания научных теорий. Применены методы анализа литературных источников, реконструкции, типизации. Поскольку гносеология психоанализа не была систематически прописана З. Фрейдом, она является предметом проекций и существует в ряде истолкований: натуралистического, структурального, феноменологического, экзистенциального. Натуралистическое истолкование, акцентируя биологизаторство З. Фрейда, усматривает в его текстах «субъективный материализм» (то есть взгляд на материю, так сказать, изнутри нее; этой внутренней стороной материи и является бессознательное, понимаемое физикалистически (психическая энергия как разновидность материи). Структуральное истолкование актуализирует латентно присутствующий в психоанализе момент трансцендентализма, то есть учения о познании на основе выхода за пределы человеческого опыта. Оно утверждает существование априорных, сверхчувственных форм познания — языковых структур, выступающих трансцендентальными условиями познавательной активности субъекта. Феноменологическое истолкование предлагает рассматривать бессознательное как латентное бытие — специфическую горизонтальную конфигурацию пространства жизненных отношений и поведения личности. Экзистенциальное истолкование открывает в бессознательном универсальные априорные структуры существования и склонно усматривать в воображаемых предметах реально существующие, но в условиях дефицита бытия.

Ключевые слова: психоанализ; философская психология; гносеология; метафизика; натурализм; структурализм; феноменология; экзистенциализм.

Для цитаты: Бреусенко-Кузнецов А. А. Гносеология психоанализа: натуралистическое, структуральное, феноменологическое, экзистенциальное истолкования // Системная психология и социология. 2021. № 4 (40). С. 23–34. DOI: 10.25688/2223-6872. 2021.40.4.2

Бреусенко-Кузнецов Александр Анатольевич, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории психоанализа Международного института глубинной психологии, Киев, Украина.

E-mail: br.kuznetsov@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7951-7325

**EPISTEMOLOGY OF PSYCHOANALYSIS:
NATURALISTIC, STRUCTURAL, PHENOMENOLOGICAL,
EXISTENTIAL INTERPRETATIONS**

A. A. Breusenko-Kuznetsov,
MIGP, Kiev, Ukraine,
br.kuznetsov@gmail.com

The article is devoted to the leading modern interpretations of the epistemology of psychoanalysis. Psychoanalysis itself is understood as a multilevel systemic unity adapted to autonomous existence in the world of medicine, psychological science and philosophy at the expense of the interdependence of its three levels: 1) practical (clinical and applied); 2) scientific; 3) philosophical. This view is in line with the idea of the need for any school of scientific psychology to acquire such integrity (with access to practice and philosophy), the importance of filling a gap in the methodological basis of modern personology associated with the non-representation of metaphysical forms of experience in it. As a philosophical psychoanalysis, metapsychology is meant, but not in the selected areas. Freud's aspects of topics, dynamics and economics (they belong to the scientific, theoretical level), and the ideas of ontological, epistemological, anthropological plans contained in the same metapsychological texts.

The methodological basis of the study was a metaphysical approach in psychology, attentive to the philosophical and methodological foundations of scientific theories. Methods of analysis of literary sources, reconstruction, typification are applied. Since the epistemology of psychoanalysis was not systematically prescribed by Z. Freud, it is the subject of projections and exists in a number of interpretations: naturalistic, structural, phenomenological, existential. Naturalistic interpretation, emphasizing the biologization of Z. Freud sees in his texts "subjective materialism" (that is, a view of matter, so to speak, from within it; this inner side of matter is the unconscious, understood physicalistically (psychic energy as a kind of matter). The structural interpretation actualizes the moment of transcendentalism latently present in psychoanalysis, that is, the doctrine of cognition based on going beyond human experience. It asserts the existence of a priori, supersensible forms of cognition — linguistic structures that act as transcendental conditions for the cognitive activity of the subject. The phenomenological interpretation suggests considering the unconscious as a latent being — a specific horizontal configuration of the space of life relations and behavior of the individual. Existential interpretation reveals universal a priori structures of existence in the unconscious and tends to see real-life objects in imaginary objects, but in conditions of a shortage of being.

Keywords: psychoanalysis; philosophical psychology; epistemology; metaphysics; naturalism; structuralism; phenomenology; existentialism.

For citation: Breusenko-Kuznetsov A. A. Epistemology of Psychoanalysis: Naturalistic, Structural, Phenomenological, Existential Interpretations // Systems Psychology and Sociology. 2021. № 4 (40). P. 23–34. DOI: 10.25688/2223-6872. 2021.40.4.2

Breusenko-Kuznetsov Alexander Anatolyevich, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Theory of Psychoanalysis, International Institute of Depth Psychology, Kiev, Ukraine.

E-mail: br.kuznetsov@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7951-7325

Введение

Психоанализ — организационно автономная школа научной психологии, крайне слабо представленная в академическом сообществе, поскольку

в современном психологическом «схизисе» она принадлежит не к академической, а к практической стороне [6]. В современных интегративных проектах, разрабатываемых академиками, ее редко видят в составе фундамента интеграции [2; 4; 5]. При этом

среди самих психоаналитиков бытуют редуционистские взгляды на психоанализ, сводящие его, например, к одной из психотерапевтических школ в медицине. Цель такого сужения — социальная адаптация в кризисные периоды. Надеясь занять более прочное положение, психоаналитики то отождествляют психоанализ с аналитической терапией, то освобождаются от эмпирически неверифицируемого экономического компонента метапсихологии, либо со всей метапсихологией [18: с. 61]. Но выживание психоанализа обеспечивают отнюдь не компромиссы с господствующими в науке точками зрения и не самозамыкание в сфере клинической практики. Конкурентоспособность психоаналитической терапии на рынке психологических услуг не столь высока, чтобы ею можно было объяснить долгую жизнь психоанализа как научного направления.

Не только теоретическое содержание, но и само историческое бытие психоанализа диалектично: для него характерно положение между «молотом» закона и «наковальней» институтов, удобное, но и уязвимое, сегодня оно сравнительно свободно перед лицом глобализма, подминающего академическую науку, но и рискует вовсе не вписаться в глобальный проект, в связи с чем особую уязвимость своего положения практикующие психоаналитики ощущают в демократических государствах Европы [13; 14; 20].

То, что психоанализ не только терапия, можно проиллюстрировать моделью истории развития психоанализа, предложенной А. Вертемом, в которой выделяются следующие этапы: 1) клинический (1896–1905) — психоанализ как терапия; 2) психологический (1905–1913) — психоанализ как общее учение о человеке (антропология); 3) метафизический (1913–1939) — психоанализ в статусе философско-социологического учения о человеке, культуре, обществе [8: с. 11]. Данная модель соотносима и с предложенной Л. С. Выготским моделью развития психоаналитической идеи бессознательного, каковая: 1) родилась в частных исследованиях по истерии; 2) захватила всю медицинскую психологию; 3) охватила все психологические дисциплины; 4) превратилась в философию [9: с. 65].

Однако разумнее говорить не об этапах развития психоанализа, а о его системном единстве, о взаимозависимости трех его структурных уровней: 1) практического (клинического и прикладного); 2) научного; 3) философского. Это значит — линейная последовательность включения тех или иных сторон психоанализа не является определяющей закономерностью. До момента яркого высвечивания (на своем этапе) каждый из уровней триады уже существует, по крайней мере латентно. Далее каждый из уровней может иметь собственную этапность, а его история начинаться с полностью автономной предысторией внутри своей научной или практической области.

В развернутом варианте предложенной уровневой модели психоанализ предстает:

- 1) как психотерапевтический метод и как школа клинической практики (и как метод и школа критики социокультурных явлений и влияния на них);
- 2) как психологическая метатеория и как школа научной психологии;
- 3) как мировоззрение и как направление философско-психологической мысли.

Говоря о структурном единстве психоанализа, важно отметить, что разноуровневые его компоненты открываются в разные изолированные контексты, пребывая при этом в нерасторжимом единстве, но и встраиваясь в разные контекстные логики: психологической помощи личности, критики культуры, научно- и философско-психологического дискурса. Именно надуровневая целостность позволяет психоанализу успешно конкурировать и в качестве психотерапии (при том что есть более эффективные методы), и в качестве научной школы (при том что вопрос о научности психоанализа решается по-разному в зависимости от критериев), и в качестве философии (при том что психоанализ был основан непрофессиональным философом). Формирование такой практико-научно-философской целостности, образцом которой стал психоанализ, весьма желательна для любого направления в психологической науке. Это важно и в контексте отстаиваемого нами тезиса о необходимости возвращения в современный научный обиход персонологических наработок метафизической традиции в психологии [3: с. 326].

Ядром философского психоанализа, каким он был при жизни З. Фрейда, стала метапсихология — учение, объединяющее основные философские и общетеоретические концепты психоанализа. При этом мы помним, что фрейдовская версия метапсихологии включает три составляющие: топическую, динамическую, экономическую, — а, скажем, расширенная версия Э. Гловера — еще и генетическую, и адаптивную.

Но из того, что философский уровень психоанализа заключен в метапсихологии, следует ли, что топический, динамический и экономический — это и есть философские подходы? Разумеется, нет. Топика, динамика и экономика — точки зрения научно-психологические, выраженные не в философских категориях, т. е. подразделение метапсихологии на именно такие составляющие отвечает именно теоретическому уровню психоанализа как психологического учения. Традиционное же подразделение философской системы на онтологию, гносеологию, аксиологию, космологию, антропологию осуществляется на других основаниях, следовательно, собственно философские составляющие психоанализа на материале метапсихологических (и соотносящихся с ними) работ следует реконструировать. Лишь в итоге такой реконструкции метапсихология психоанализа предстанет перед нами как философская система.

Задачей данной статьи является осмысление гносеологии психоанализа как одной из важных сторон философского уровня психоанализа. Подобно тому, как в статье С. Г. Уваровой онтология психоанализа была раскрыта в ряде истолкований, часть из которых лежит в психоаналитическом поле, а другая за его рамками [19], в настоящей статье речь идет о тех же способах истолкования (о натуралистическом, структуральном, феноменологическом и экзистенциальном) и в отношении гносеологии психоанализа.

Философский уровень психоанализа. Гносеология

Общеизвестны высказывания З. Фрейда о том, что психоанализ — это естественная

наука. Фрейд стремился подчеркнуть, что психоанализ не имеет ничего общего с метафизикой, хотя понятие «бессознательное» вышло из метафизической традиции (Г. Лейбниц, И. Кант, А. Шопенгауэр, Э. Гартман, Т. Липпс). Отрицание этой связи он обосновывал тем, что метафизика рассматривает бессознательное только как физиологическое явление либо абстрактное понятие. Отметим, что в данном утверждении З. Фрейд имел дело не столько с метафизикой как таковой, сколько с фантазией о метафизике, индуцированной позитивизмом.

Профессионалом в философии, неприужденным в оперировании ее категориальным аппаратом, З. Фрейд не был, к тому же он не желал эксплицировать метафизические корни своих идей. В высказывании собственных философских взглядов он — по этим двум понятным причинам — был осторожен. Как результат, его философское мировоззрение представляет собой проективную задачу, допускающую широкий спектр трактовок.

Вульгарно-материалистическая (натуралистическая) — акцентирует биологизаторство З. Фрейда, потому за основу берет раннюю неопубликованную работу «План научной психологии» («Очерк одной психологии»), единственную, где ученый старается толковать психическую деятельность в категориях нервной системы, ведь она ближе всего стоит к идеалу естественной науки. Структуральное понимание реконструирует психоаналитические концепты на базе логических закономерностей, впервые изобретенных в структурной лингвистике. Феноменологическое преодолевает натурализм в психологических теориях, приближает метод психоанализа к гуссерлевской эпохе. Экзистенциальное — строится на феноменологических принципах и ориентирует психодинамику личностей на экзистенциалы и конечные данности. Постмодернистский взгляд усматривает в философском психоанализе одного из своих предшественников в критике предрассудков классической гносеологии, демонстрирует склонность одобрительно отрицать научность психоанализа, подчеркивать аспект искусства. Метафизический взгляд акцентирует в психоанализе умозрительные пути построения

его теорий, а также те философские контексты, которые были вытеснены не только самим З. Фрейдом, но и вышеуказанными взглядами.

По А. Вертелю, специфика психоаналитической философии в том, что внимание уделяется только психологическому значению внешнего мира. Основные составляющие мира не становятся предметом осмысления, не входят в фундамент психоаналитического учения, поскольку главным объектом исследования является специфическая форма реальности. Это бессознательное понимаемое и как сфера психики, и как значимые процессы, влияющие на организацию человеческого бытия [8: с. 13]. По его анализу, в гносеологии психоаналитическая философия З. Фрейда противостоит: а) рационализму, который выводит эмпирическое существование из абсолютной идеи (мирового духа) и б) мистическому иррационализму (растворяющему человеческую сущность в воле, бессознательном начале) [8: с. 12]. С этим можно согласиться, оговорив тот аспект, что основателю психоанализа присущи: а) некие базовые установки просвещенческого рационализма, заметные, например, в его утверждении о том, что на смену Оно придет Я (в смысле направленности на осознание бессознательных содержаний); б) с другой стороны, пессимистический характер психоаналитической философии имеет некоторое сродство с иррационалистическим пессимизмом А. Шопенгауэра. В онтологии же психоаналитическая философия признает материальность мира и не признает: а) объективно-идеалистического и б) субъективно-идеалистического пониманий мира; однако в полемику с философами (объективными идеалистами, субъективными идеалистами) З. Фрейд не вступает, а спорит только с религиозным мировоззрением [8: с. 12]. Гносеология психоанализа — именно та сторона философского его уровня, которая определяет методологическую специфику научного познания в психоанализе.

Гносеология (от греч. γνῶσις — знание, λόγος — разум, слово, мысль, смысл, понятие, число) — философское учение о познании. Хотя чистой, оторванной от психологических реалий человеческого опыта гносеологией З. Фрейд специально не занимался, но всякий

раз, когда в его текстах речь идет о коммуникации между системами психического аппарата, о цензуре, о вытеснении, о реконструкции подлинного содержания сновидений, они так или иначе решают гносеологическую проблему.

Обращаясь к рассмотрению гносеологии психоанализа, заметим, что в связи с тем, что З. Фрейдом она систематически прописана не была, она представляет собой предмет для мировоззренчески различных проекций и существует в ряде истолкований, часть из которых лежит за пределами собственно психоаналитических точек зрения.

Гносеология психоанализа: натуралистическое истолкование

Натуралистическое истолкование опирается на взгляды З. Фрейда раннего периода, полные медицинского материализма, физикализма и биологизаторства, без которых XIX в. не мыслил науку. Следует указать, что большинство значимых гносеологических положений из метапсихологии З. Фрейда на сегодня перетолкованы (и модифицированы) Ж. Лаканом с углублением их философского содержания и значения, а попытки их «долакановского» понимания также требуют определенных реконструкций. Таким образом, рассматривать гносеологию З. Фрейда «не по Лакану» придется, например, «по Косиловой», каковая версия адаптирует ее к естественно-научным идеалам сциентизма.

Гносеологию психоанализа Е. В. Косилова интерпретирует при помощи метафилософского понятия «субъективный материализм» (т. е. взгляд на материю, так сказать, изнутри нее; этой внутренней стороной материи и является бессознательное). Базовым его тезисом признается то, что Я конституирует мир посредством влечения. Данной материалистической гносеологии соответствует онтологический взгляд Е. В. Косиловой на психоанализ, опирающийся на концепцию материи как энергии, энергетическую концепцию психики [11].

Комментируя этот взгляд, можно вспомнить, что, хотя в сознательно декларированном

З. Фрейдом материалистическом мировоззрении сомневаться не приходится, но из этого еще не следует, что разработанная им философская система действительно является именно материализмом. Натуралистическое истолкование философских идей психоанализа наиболее уязвимо в свете сциентистской критики его научности (К. Поппер, А. Грюнбаум).

Гносеология психоанализа: структуральное истолкование

Структуральное истолкование гносеологии психоанализа связано с именем Ж. Лакана, основателя структурного психоанализа. На философском уровне своих построений он находился под влиянием не столько структурной антропологии К. Леви-Стросса, сколько под влиянием Г. Гегеля, с которым его познакомил А. Кожев. Лакан уходит от натурализма, актуализируя латентно присутствующий в психоанализе момент трансцендентализма, т. е. учения о познании на основе выхода за пределы человеческого опыта, которое утверждает существование априорных, сверхчувственных форм познания — языковых структур, выступающих трансцендентальными условиями познавательной активности субъекта.

Вообще, трансцендентализм может быть охарактеризован тем, что между метафизикой объекта (в античной парадигме) и метафизикой субъекта (в классической парадигме) он вставляет промежуточное звено — метафизику опыта, — а это является важным аспектом уже неклассической парадигмы философствования [17], или же соответствующей метадигамы, в терминологии А. В. Юревича.

Разные варианты трансцендентальной установки встречаются в рационализме Р. Декарта, И. Канта, Э. Гуссерля. Так, Р. Декарт в «Рассуждении о методе» трансцендирует, осуществляя последовательные разотождествления с разными сторонами себя, пока не остается мыслящий гносеологический субъект, способный сомневаться, а следовательно, существующий. Важной предпосылкой гносеологии И. Канта выступает тезис, что в нашем опытном знании присутствуют

некоторые априорные компоненты, следовательно, любой опыт содержит в себе как опытные (апостериорные), так и неопытные (априорные) составляющие; понятие «трансцендентальное» относится не к самим этим формам, а к способу познания, основанному на них. Также и в феноменологии Э. Гуссерля мы видим эпоху как метод редукции — не только феноменологической, эйдетической, психологической, но и трансцендентальной.

В этом ряду трансценденталистов З. Фрейд появляется как предшественник идеи *расщепленного субъекта*. Сама идея, строго говоря, принадлежит Ж. Лакану, но последний пришел к ней, переформулируя фрейдовскую идею расщепленного Я (*Ichspaltung*). Главное отличие в том, что Я все-таки являлось эмпирическим (Я как объект опыта), тогда как субъект является трансцендентальным. Расщепление Я на сознательную и бессознательную части у З. Фрейда — это разделение определенной опытной сферы, «места», тогда как аналогичное расщепление чистого субъекта принадлежит к самим условиям получения опыта.

Гносеология психоанализа, перетолкованная Ж. Лаканом, становится более универсальной. Фундаментальной является его идея о том, что человеческая психика составляется из двух различных форм субъектности: 1) *je* как субъекта речи; 2) *moi* как формы его идентификации (объективации) — воображаемого, нарциссического субъекта, того, который формируется на «стадии зеркала». Важный аспект психологической гносеологии Ж. Лакана составляет то, что Я (*moi*) мыслится как иллюзорное, тогда как З. Фрейд такого не утверждал.

Сам расщепленный субъект становится предметом рассмотрения так называемой лакановской топике, где по принципу борромеева узла объединено три регистра (порядка): воображаемое, символическое, реальное. Воображаемый порядок — это сфера иллюзорных субъективных идентификаций *ego*, символический — сфера языка и культуры, реальный — бессознательный мир травматического опыта. Важной с гносеологической точки зрения выступает также типология дискурсов, где положение матем

(S_1 — господское означающее, S_2 — знание, $\$$ — расщепленный субъект, a — объект) в общей структуре дискурса (в ролях агента, истины, другого, продукта) определяет типы дискурса: господский, университетский, истерический, аналитический, либеральный. При переходе от господского дискурса к университетскому на место веляния пришло знание: «Невозможно послушаться повеления, которое оттуда, с места того, что является истиной науки» [12: с. 130]. В этой связи можно заметить, что вся критика психоанализа со стороны академической психологии целиком и полностью охватывается рамками университетского дискурса.

Гносеология психоанализа: феноменологическое истолкование

Феноменологическое истолкование гносеологии психоанализа берет начало с критики Ф. Brentano и Э. Гуссерлем идеи бессознательного. Критика первого из них начинается издали. По Ф. Brentano, сомнения относительно существования феномена, который схватывается в понятии сознания, не возникает и доказывать его существование нет надобности (а потому остается только проблема установления способов применения понятия). Описание обыденного применения понятия сознания, несколько модифицированного академической психологией, указывает на два основных принципа: 1) интеграции переживаний (единства «одновременного существования ментальных феноменов» [22: с. 78]) и 2) направленности на объекты (в последнем смысле понятие сознания синонимично с понятием ментального акта, поскольку ему свойственно обращение на определенный объект, т. е. сознание — это всегда сознание чего-то. Поскольку же «не существует таких ментальных феноменов, которые бы не были, в обозначенном выше смысле, сознанием объектов... <возникает новый вопрос:> или все ментальные феномены сознательные, или, возможно, существуют бессознательные ментальные акты?» [22: с. 78]. Ответа может быть два: 1) исходя из активного способа понимания сознания, когда речь идет

о человеке, который бессознателен по отношению к определенному ментальному объекту (но это бессмыслица, поскольку словосочетание «бессознательные ментальные акты» означает то же самое, что и «бессознательное сознание»; 2) исходя из пассивного способа (как когда мы говорим о вещах, которых не осознаем). Этот второй путь противоречия не содержит [22: с. 78], но вряд ли это и есть путь психоанализа, в котором бессознательное понимается динамично, как акты.

К понятию бессознательного в двух смыслах обращается также Э. Гуссерль: 1) в классическом понимании — как к совокупности конститутивно значимых для опыта, однако неосознанных (темных) представлений; 2) как к неконтролируемому аспекту собственного Я — тому, что невозможно опредметить, невозможно познать.

Вообще же, по мнению А. Вахтеля, бессознательное для Э. Гуссерля — это латентное психическое бытие, которое составляет собою интенциональную модификацию переживаний сознания в состоянии бодрствования [7: с. 93]. Согласно мнению основателя феноменологического психоанализа Т. Фукса, это латентное бытие, в отличие от вертикальной модели глубинной психологии, в феноменологии должно мыслиться горизонтально [23; 24]. Таким образом, речь должна идти не о скрытом от сознания содержании, а о латентных элементах в горизонте феноменального поля.

Бессознательное не является скрытым, оно всегда является наличным, явным. То, что, по мнению З. Фрейда, есть симптомы проявления бессознательного, в горизонтальной модели есть само бессознательное. Так, бессознательные фиксации, хоть и выступают, как пишет Т. Фукс, «определенными ограничениями в пространстве потенциальностей личностей, спродуцированными имплицитным, но всегда наличным прошлым... но проявляют себя скорее в форме “слепых пятен”, “пустых пространств” или искривлений в живом пространстве: в оговорках и ошибочных действиях; в моделях отношений, в которые личность постоянно ошибочно попадает, в действиях, которых бессознательно избегает; в пространствах, в которые не вступает, в предлагаемых жизнью возможностях,

которые не принимает и даже не отваживается увидеть... Они даже могут стать символически или физически присутствующими в невротических или психосоматических симптомах» [23: с. 80]. Следовательно, Т. Фуке предлагает рассматривать бессознательное как специфическую горизонтальную конфигурацию пространства жизненных отношений и поведения личности [23: с. 73]. А. Вахтель добавляет: «с признанием феноменологического бессознательного, существенной реинтерпретации должно подвергнуться также классическое феноменологическое понятие сознания: борьба противоречивых интенций и дуализм явного-скрытого как фундаментальные черты сознательной жизни приводят к справедливому отрицанию сознания в картезианском смысле» [7: с. 96].

Гносеология психоанализа: экзистенциальное истолкование

Экзистенциальное истолкование психоаналитической гносеологии, как и предыдущее, лежит вне рамок психоанализа. Экзистенциальная традиция, по наблюдению А. М. Руткевича, развивалась в направлении от Фрейда к Хайдеггеру. Поскольку же М. Хайдеггер был учеником Э. Гуссерля, а его экзистенциальная онтология была в первую очередь феноменологией, то и не удивительно, что для этих аналитиков (Л. Бинсвангер, М. Босс, Р. Лэйнг и др.) была весьма наглядной ложность натуралистической установки. Даже применяя герменевтический клинический метод З. Фрейда, они не могли принять натуралистическую трактовку фрейдовской метапсихологии. Гарантией самосознания психиатрии как науки должна была стать работа М. Хайдеггера «Бытие и время» (1927).

По М. Хайдеггеру, поисковый метод, направленный на бытие сущего, на смысл бытия вообще, феноменологичен. «Онтология возможна только как феноменология» [21: с. 35]. Разумеется, она доступна лишь привилегированному сущему (тому, которое мы сами) и которое можно обозначить термином «присутствие». Феноменология бытия присутствия (бытия-в-мире) есть герменевтика,

т. е. занятие истолкованием [21: с. 37]. Истолкование — формирование понимания. Понимание наряду с речью и расположением — это размыкание всего основоустройства бытия-в-мире. В прояснении существа понимания как способа размыкания М. Хайдеггер применяет термины «вняtie», «освоение», «вкладывание», «схватывание», «набрасывание», высвечивающие присвоение разомкнутого. «Понять, — комментирует С. И. Голенков, — означает присвоить, сделать своим. Понятое как присвоенное, как освоенное становится своим, “входит”, “встраивается” в строй бытия Присутствия» [10: с. 89]. Как видим, хайдеггеровская феноменологическая гносеология является онтологией по преимуществу. Применение ее к психоанализу существенно меняет мировоззрение и образ действий аналитика. Важно, что обращена она к феноменам. Как и полагается в феноменологической установке, понятие феномена и явления М. Хайдеггер различает. «Феномен — себя-в-себе-самом-показывание — означает особый род встречи чего-то» [21: с. 31]. Явление есть себя-не-показывание, а отсылание (давать знать о себе через нечто, что себя показывает) [21: с. 29].

Дизайн-анализ Л. Бинсвангера (как свободное расширение экзистенциальной онтологии М. Хайдеггера на онтическую плоскость) был призван заменить фрейдовскую метапсихологию «настоящей мета-психологией», т. е. феноменологической антропологией, оправдывающей горизонты научного понимания. Антропология не должна следовать за наукой, ведь сама научная деятельность — один из модусов экзистенции в ряду с моралью, искусством, религией (которые несводимы друг к другу и не выразимы с помощью понятий, взятых из другого «региона существования»).

Зачем Л. Бинсвангер пришел именно к М. Хайдеггеру? «Определяя... основополагающую структуру *Dasein* как бытие-в-мире, Хайдеггер дает в руки психиатра ключ, посредством которого он, независимо от предрассудков какой-либо научной теории, может установить и описать исследуемые им явления во всей полноте их феноменологического содержания и в свойственном им контексте» [1: с. 79]. Значение трудов М. Хайдеггера для психиатрии раскрывается в вопросе

«об актуальности, возможностях и пределах горизонтов понимания, или картины мира психиатрии в целом» [1: с. 80]. Самосознание психиатрии как науки (осознание неотъемлемой структуры, свойственной ей как науке) — вот что дает психиатру «Бытие и время».

Наука автономна (и оправданно защищается от философского вторжения) во всем, что доступно ее опыту, в своем горизонте понимания. Психиатрия, рассматривая больного человека, путается в двух различных горизонтах понимания: в клинико-биологическом (где он предстает как больной организм) и в психотерапевтическом (т. е. в антропологическом аспекте «человеческой бытийности»), оказывается в кризисе, преодолеть который позволит лишь аналитика существования, исследующая бытие целостного человека. Человек составляет функциональное единство всех модусов своего бытия (разделение на душевное и телесное в хайдеггеровской онтологии снимается). Психиатрия же должна только учиться рассматривать человека и его существование по-новому, в их целостности.

В опыте каждого человека Л. Бинсвангеру открываются универсальные априорные структуры существования, формы, названные им самим «изначальными матрицами значений», а Я. Нидлменом (толкователем его работ для издания в США) — «экзистенциальным а priori». Как пишет Я. Нидлмен, «экзистенциальное а priori переводит “пустые” онтологические формулы Хайдеггера в формулы, способные приобрести содержание. Содержанием подобной формулы являются значения — “мама меня любит”, “я ненавижу брата”, “я боюсь отца”» и так далее» [1: с. 270]. Постигание этих экзистенциальных а priori предоставляет терапевту более полное понимание мира пациента, чем, например, психоанализ. Dasein-аналитик ищет не конкретные значения, а определяет способ бытия-в-мире, управляющий этими значениями.

Основатель экзистенциального психоанализа — учения, разработанного в контексте онтологического труда «Бытие и ничто» (1943), — Ж.-П. Сартр [15: с. 577] излагает свою гносеологию в «Воображаемом» (1940) — работе по феноменологической психологии. Согласно взятой им у Э. Гуссерля

идее, не существует отдельных классов объектов восприятия и воображения, а есть единая объектная область, объекты которой могут быть даны сознанию двумя способами. Главную особенность воображения сравнительно с восприятием Ж.-П. Сартр видит в том, что воображение представляет свой объект как определенное его небытие, неприсутствие здесь и теперь. Отсутствие объекта (абсентизм), непосредственно воспринимаемое человеком и конституирующее сущностную структуру его образа, Ж.-П. Сартр называет ирреальностью: «Вообще говоря, ирреальна не только сама материя объекта: этой ирреальности присущи все определения пространства и времени, которым он подчинен» [16: с. 222]. В воображении, стало быть, объект отрицается как существующий, обращается в ничто.

В пессимистическом и нигилистическом характере выстроенной Ж.-П. Сартром феноменологии воображения воплотилось модное увлечение отрицанием (с его революционным пафосом), предполагающее недостаток доверия творческим силам воображения. Такой недостаток доверия происходит от редуктивного понимания воображаемого как иллюзии недостающего (какое-то весьма близко к идее иллюзорной реализации желаний в сновидении и фантазме, восходящей к психоанализу З. Фрейда и затем развитой в структурном психоанализе Ж. Лакана, у которого весь регистр Воображаемого — своего рода царство иллюзий).

Заключение

Философский психоанализ в целом и гносеология в частности выполняют функцию философской методологии психоанализа как научного направления. В этой связи существующие истолкования гносеологии психоанализа необходимо учитывать критикам тех или иных теоретических положений психоанализа, чтобы обоснованно претендовать на адекватность своих заключений.

Наибольшую уязвимость для сциентистской критики психоанализу сообщает натуралистическое истолкование его гносеологии, приметам которого выступают вульгарный

материализм, биологизаторство и физикализм в трактовке бессознательного и либидо (психическая энергия как разновидность материи), субъективный материализм как взгляд на материю изнутри нее, при котором влечение (приравняваемое к естественным процессам) первично по отношению к объекту. Полагаем, что натурализм З. Фрейда нес социально адаптивную функцию (по отношению к сообществу ученых-естественников) и давал ему риторический выигрыш ценой большей логической уязвимости его учения (чьи объяснительные теории опираются на понимающий, герменевтический метод, из данных которого они невыводимы).

Структуральное истолкование гносеологии психоанализа предполагает отказ от материализма и гносеологического эмпиризма в пользу трансцендентализма, т. е. учения о познании на основе выхода за пределы человеческого опыта, которое утверждает существование априорных, сверхчувственных форм познания — языковых структур бессознательного, выступающих трансцендентальными условиями познавательной активности субъекта.

Феноменологическое истолкование гносеологии психоанализа отказывается от вертикальной модели бессознательного, согласно которой оно скрыто в глубине, под уровнем сознания, в пользу горизонтальной модели, сообразно которой бессознательное присутствует в самом горизонте феноменального поля. Таким образом, для адекватного рассмотрения психоанализа необходим методический отказ от причинных объяснений.

Экзистенциальное истолкование психоаналитической гносеологии также опирается на априоризм, но априорными признаются универсальные структуры существования (изначальные матрицы значений). В дазайн-анализе структура этого экзистенциального а priori определяется для конкретного случая, причем в нем становятся действительными экзистенциалы (как возможные формы бытия дазайн). Гносеологически значимой становится также идея о единой объектной области, объекты которой могут быть даны сознанию двумя способами: как существующие (объекты восприятия) и как объекты, отрицаемые как *существующие*, обращаемые в ничто (объекты воображения).

Литература

1. **Бинсвангер Л.** Бытие-в-мире. Избранные статьи с приложением Я. Нидлмена. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ. М.: Рефл-Бук, Киев: Ваклер, 1999. 336 с.
2. **Бреусенко-Кузнецов А.** История проектов интеграции психологического знания: осмысление в свете кризисов научной психологии // Теоретичні дослідження у психології: монографічна серія. 2018. Т. 5. С. 27–75.
3. **Бреусенко-Кузнецов А.** Метафизическая традиция в психологии личности: монография. Киев: Логос, 2016. 384 с.
4. **Бреусенко-Кузнецов А. А.** О бессознательных аспектах интеграции психологического знания // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 3 (114). С. 108–116.
5. **Бреусенко-Кузнецов А. А., Мединцев В. А.** «На хрупких переправах и мостах»: диалог о современных проблемах интеграции психологического знания // Теоретичні дослідження у психології: монографічна серія. 2021. Т. 13. С. 55–77.
6. **Василюк Ф. Е.** Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
7. **Вахтель А. И.** Феноменология і натуралізм: від феноменологічної критики натуралізму до натуралізації феноменології: дис. ... канд. філос. наук: 09.00.01 / М-во освіти і науки України, Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. Київ, 2017. 204 с.
8. **Вертель А.** Філософія психоаналізу: навчальний посібник. Суми: В-во СумДПУ ім. А. С. Макаренка, 2015. 208 с.
9. **Выготский Л. С.** Психология развития как феномен культуры. Воронеж: МОДЭК, 1996. 512 с.
10. **Голенков С.** Феномен «понимание» в фундаментальной онтологии Хайдеггера // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2016. № 1 (19) С. 84–99.

11. **Косилова Е. В.** Энергетическая онтология психоанализа // Аспекты: сб. статей по философским проблемам истории и современности. Вып. IV. М.: Современные тетради, 2006. С. 44–57.
12. **Лакан Ж.** Семинары. Книга 17: Изнанка психоанализа. М.: Гнозис, Логос, 2008. 272 с.
13. **Миелли П.** Аналитический акт, юридический акт: парадоксы, апории, противоречия // Европейский журнал психоанализа. 2015. № 3. С. 117–143.
14. **Рат К.-Д.** Выполняет ли психоанализ порядок? О законе относительно профессии психоаналитика в Германии // Европейский журнал психоанализа. 2015. № 3. С. 99–116.
15. **Сартр Ж.-П.** Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
16. **Сартр Ж.-П.** Воображаемое: феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001. 319 с.
17. **Ставцев С. Н.** Язык и позиция субъекта: Лакановская структурно-семиотическая концепция субъективности // Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 62–78.
18. **Томэ Х., Кэхеле Х.** Современный психоанализ. Т. 1: Теория. М.: Прогресс-литера, 1996. 575 с.
19. **Уварова С. Г.** Онтологія психоаналізу в натуралістичному, структуральному, феноменологічному, екзистенційному тлумаченнях // Теорія і практика сучасної психології. 2019. Т. 1. № 2. С. 108–114.
20. **Факинелли Е.** Психоанализ как профессия, противостоящая обществу и закону // Европейский журнал психоанализа. 2015. № 3. С. 144–155.
21. **Хайдеггер М.** Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
22. **Brentano F.** Psychology from an empirical standpoint. 2 ed. Routledge, 1995. 448 p.
23. **Fuchs T.** Body memory and the unconscious // Lohmar D., Brudzińska J. Founding psychoanalysis phenomenologically. Phenomenological theory of subjectivity and the psychoanalytic experience. Dordrecht; Heidelberg; London; New York: Springer, 2012. P. 69–83.
24. **Fuchs T.** Psychotherapy of the lived space: A phenomenological and ecological concept // Топос: философско-культурологический журнал. 2011. № 1. С. 126–141.

References

1. **Binsvanger L.** By'tie-v-mire. Izbranny'e stat'i s prilozheniem Ya. Nidlmena kriticheskoe vvedenie v e'kzistencial'ny'j psixoanaliz [Being-in-the-world. Selected articles with the appendix of J. Needleman critical introduction to existential psychoanalysis]. M.: Refl-Buk, Kiev: Vakler, 1999. 336 p.
2. **Breusenko-Kuznecov A.** Istoriya proektov integracii psixologicheskogo znaniya: osmy'slenie v svete krizisov nauchnoj psixologii [History of projects of integration of psychological knowledge: comprehension in the light of crises of scientific psychology] // Teoretichni doslidzhennya u psixologii: monografichna seriya [Theoretical research in psychology: monographic series]. 2018. Vol. 5. P. 27–75.
3. **Breusenko-Kuznecov A.** Metafizicheskaya tradiciya v psixologii lichnosti: monografiya [Metaphysical tradition in personality psychology: monograph]. Kiev: Logos, 2016. 384 p.
4. **Breusenko-Kuznecov A. A.** O bessoznatel'ny'x aspektax integracii psixologicheskogo znaniya [On the unconscious aspects of the integration of psychological knowledge] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2020. № 3 (114). P. 108–116.
5. **Breusenko-Kuznecov A. A., Medincev V. A.** «Na xrupkix perepravax i mostax»: dialog o sovremenny'x problemax integracii psixologicheskogo znaniya [“On fragile crossings and bridges”: a dialogue about modern problems of integrating psychological knowledge] // Teoretichni doslidzhennya u psixologii: monografichna seriya [Theoretical research in psychology: monographic series]. 2021. Vol. 13. P. 55–77.
6. **Vasilyuk F. E.** Metodologicheskij smysl psixologicheskogo sxizisa [Methodological meaning of psychological schism] // Voprosy' psixologii [Questions of psychology]. 1996. № 6. P. 25–40.
7. **Vaxtel' A. I.** Fenomenologiya i naturalizm: vid fenomenologichnoï kritiki naturalizmu do naturalizacziï fenomenologii [Phenomenology and naturalism: from the phenomenological critique of naturalism to the naturalization of phenomenology]: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.01 / M-vo osviti i nauki Ukraïni, Kiïv. nac. un-t im. Tarasa Shevchenka. Kiïv, 2017. 204 p.
8. **Vertel' A.** Filosofiya psixoanalizu: navchal'nij posibnik [Philosophy of psychoanalysis: a textbook]. Sumi: V-vo SumDPU im. A. S. Makarenka, 2015. 208 p.
9. **Vy'gotskij L. S.** Psixologiya razvitiya kak fenomen kul'tury' [Psychology of development as a cultural phenomenon]. Voronezh: MODE'K, 1996. 512 p.
10. **Golenkov S.** Fenomen «ponimanie» v fundamental'noj ontologii Hajdeggera [The phenomenon of “understanding” in the fundamental ontology of Heidegger] // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya:

Filosofiya. Filologiya [Bulletin of the Samara Academy of Humanities. Series "Philosophy. Philology"]. 2016. № 1 (19) P. 84–99.

11. **Kosilova E. V.** E`nergeticheskaya ontologiya psixoanaliza [Energetic ontology of psychoanalysis] // *Aspekty` : sb. statej po filosofskim problemam istorii i sovremennosti. Vy`p. IV* [Aspects: Sat. articles on philosophical problems of history and modernity: Issue IV]. M.: Sovremenny`e tetradi, 2006. P. 44–57.

12. **Lakan Zh.** *Seminary` . Kniga 17: Iznanka psixoanaliza* [Seminars. Book 17: The Wrong Side of Psychoanalysis]. M.: Gnozis; Logos, 2008. 272 p.

13. **Mieli P.** Analiticheskiy akt, yuridicheskiy akt: paradoksy`, aporii, protivorechiya [Analytical act, legal act: paradoxes, aporias, contradictions] // *Evropejskiy zhurnal psixoanaliza* [European Journal of Psychoanalysis]. 2015. № 3. P. 117–143.

14. **Rat K.-D.** Vy`polnyaet li psixoanaliz poryadok? O zakone odnositel`no professii psixoanalitika v Germanii [Does psychoanalysis follow order? On the law concerning the profession of psychoanalyst in Germany] // *Evropejskiy zhurnal psixoanaliza* [European Journal of Psychoanalysis]. 2015. № 3. P. 99–116.

15. **Sartr Zh.-P.** By`tie i nichto: Opy`t fenomenologicheskoy ontologii [Being and Nothingness: The Experience of Phenomenological Ontology]. M.: Respublika, 2000. 639 p.

16. **Sartr Zh.-P.** Voobrazhaemoe: fenomenologicheskaya psixologiya vooobrazheniya [The Imaginary: Phenomenological Psychology of the Imagination]. SPb.: Nauka, 2001. 319 p.

17. **Stavcev S. N.** Yazyk i poziciya sub`ekta: Lakanovskaya strukturno-semioticheskaya koncepciya sub`ektivnosti [Language and position of the subject: Lacan's structural-semiotic concept of subjectivity] // *Formy` sub`ektivnosti v filosofskoj kul`ture XX veka* [Forms of subjectivity in the philosophical culture of the XX century]. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2000. P. 62–78.

18. **Tome` X., Ke`xele X.** *Sovremenny`j psixoanaliz. Vol. 1: Teoriya* [Modern psychoanalysis. Vol. 1: Theory]. M.: Progress-Litera, 1996. 575 p.

19. **Uvarova S. G.** Ontologiya psixoanalizu v naturalistichnomu, struktural`nomu, fenomenologichnomu, ekzistencijnomu tlumachennyax [Ontology of psychoanalysis in naturalistic, structural, phenomenological, existential mentalities] // *Teoriya i praktika suchasnoï psixologii* [Theory and practice of modern psychology]. 2019. Vol. 1. № 2. P. 108–114.

20. **Fakinelli E.** Psixoanaliz kak professiya, protivostoyashhaya obshhestvu i zakonu [Psychoanalysis as a profession opposed to society and the law] // *Evropejskiy zhurnal psixoanaliza* [European Journal of Psychoanalysis]. 2015. № 3. P. 144–155.

21. **Xajdegger M.** By`tie i vremya [Being and time]. M.: Ad Marginem, 1997. 451 p.

22. **Brentano F.** *Psychology from an empirical standpoint*. 2 ed. Routledge, 1995. 448 p.

23. **Fuchs T.** Body memory and the unconscious // D. Lohmar, J. Brudzińska. *Founding psychoanalysis phenomenologically. Phenomenological theory of subjectivity and the psychoanalytic experience*. Dordrecht; Heidelberg; London; New York: Springer, 2012. P. 69–83.

24. **Fuchs T.** Psychotherapy of the lived space: A phenomenological and ecological concept // *Topos: filosofsko-kul`turologicheskij zhurnal* [Topos: Philosophical and Cultural Journal]. 2011. № 1. P. 126–141

УДК 159.9
DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.3

ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОДРОСТКОВЫЙ БУЛЛИНГ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Е. Н. Волкова,
РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург,
envolkova@yandex.ru

Статья посвящена системному анализу проблемы подросткового буллинга, которая сегодня находится в фокусе исследовательского интереса психологов. Отличительной особенностью российских исследований является признание социально-психологической природы подросткового буллинга и влияние социокультурного контекста близкого и дальнего окружения подростка на возникновение и поддержание травли. Изучение состояния основных институтов социализации современных подростков позволяет выявить системные закономерности подросткового буллинга, разрабатывать эффективные стратегии и тактики помощи и профилактики.

С целью системного анализа в статье обобщены основные результаты теоретических и экспериментальных исследований институтов социализации современных детей как фактора влияния на подростковый буллинг. Традиционные институты социализации подростков (семья, образовательные учреждения, формальные и неформальные группы сверстников) характеризуются системными изменениями, способствующими возникновению и распространению подросткового буллинга. Появление новых институтов социализации содержат риски возникновения подросткового буллинга. К изменениям относят структурные и функциональные нарушения семьи, габитуализацию феномена неблагополучной семьи; изменение детско-родительских отношений, тип семейного воспитания, насильственные установки родителей; изменения ценностно-смысловых ориентиров современного образования, насильственный контекст образовательной среды, двойственную и противоречивую позицию педагогов по отношению к буллингу; нарушение соотношения и структур формальных и неформальных подростковых групп, изменения в характере подростковой дружбы; негативное влияние СМИ, взаимодействие подростков в социальных сетях, нарушение безопасности общения в Интернете.

Средовая детерминация подросткового буллинга и социально-психологический характер этого феномена оказываются определяющими в разработке программ вмешательства, организации помощи участникам буллинга и его предотвращения. Современное состояние основных институтов социализации подростков выступают провокативным фактором буллинга.

Ключевые слова: институты социализации; системный анализ; социальные изменения; подростки; буллинг.

Для цитаты: Волкова Е. Н. Институты социализации современных подростков и их влияние на подростковый буллинг: системный анализ // Системная психология и социология. 2021. № 4 (40). С. 35–47. DOI: 10.25688/2223-6872. 2021.40.4.3

Волкова Елена Николаевна, доктор психологических наук, профессор Института психологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.

E-mail: *envolkova@yandex.ru*
ORCID: 0000-0001-9667-4752

UDC 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.3

INSTITUTIONS OF SOCIALIZATION OF MODERN ADOLESCENTS AND THEIR IMPACT ON ADOLESCENT BULLYING: SYSTEM ANALYSIS

E. N. Volkova,
Herzen University,
envolkova@yandex.ru

The article is devoted to a system analysis of the problem of adolescent bullying, which is currently the focus of the research interest of psychologists. A distinctive feature of Russian research is the recognition of the socio-psychological nature of adolescent bullying and the influence of the socio-cultural context of a teenager's close and distant environment on the emergence and maintenance of bullying. The study of the state of the main institutions of socialization of modern adolescents allows us to identify system patterns of adolescent bullying, develop effective strategies and tactics of assistance and prevention.

For the purpose of system analysis, the article summarizes the main results of theoretical and experimental studies of the institutions of socialization of modern children as factors of influence on adolescent bullying. Traditional institutions of adolescent socialization (family, educational institutions, formal and informal peer groups) are characterized by system changes that contribute to the emergence and spread of adolescent bullying. The emergence of new socialization institutions contain the risks of teenage bullying. The changes include structural and functional disorders of the family, the habitualization of the phenomenon of a dysfunctional family; changes in child-parent relationships, the type of family education, violent attitudes of parents; changes in the value and semantic orientations of modern education, the violent context of the educational environment, the ambivalent and contradictory position of teachers in relation to bullying; violation of the ratio and structures of formal and informal adolescent groups, changes in the nature of adolescent friendship; negative influence of the media, interaction of teenagers in social networks, violation of the security of communication on the Internet.

The environmental determination of adolescent bullying and the socio-psychological nature of this phenomenon are decisive in the development of intervention programs, the organization of assistance to bullying participants and its prevention. The current state of the main institutions of socialization of adolescents act as a provocative factor of bullying.

Keywords: institutions of socialization; system analysis; social change; adolescents; bullying.

For citation: Volkova E. N. Institutions of socialization of modern adolescents and their impact on adolescent bullying: system analysis // Systems psychology and sociology. 2021. № 4 (40). P. 35–47. DOI: 10.25688/2223-6872. 2021.40.4.3

Volkova Elena Nikolaevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor. The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

E-mail: *envolkova@yandex.ru*

ORCID: 0000-0001-9667-4752

Введение

В последнее время и в России, и во всем мире наблюдается рост количества публикаций, в которых феномен буллинга находится в центре внимания авторов: если в конце 70-х гг. XX в. вслед за монографией Д. Олвеуса¹ в России

вышло несколько работ, посвященных школьным издевательствам и школьной травле, то сегодня только русскоязычная база научных исследований, размещенная в электронной библиотеке eLIBRARY.RU, насчитывает свыше двух тысяч публикаций на эту тему. Однако растущее внимание исследователей к подростковому буллингу не всегда коррелирует с ростом понимания закономерностей его возникновения и распространения. Часто в публикациях, связанных с буллингом,

¹ *Olweus D.* Aggression in the schools: Bullies and whipping boys. London, UK: Hemisphere, 1978. 218 p.

авторы выражают свою обеспокоенность проявлениями травли среди детей и подростков, фиксируют свое внимание на частоте распространения различных видов буллинга в исследовательской выборке. Существенно меньшее количество исследований содержат доказательную теоретическую и эмпирическую базу, позволяющую понять сущность и специфику подросткового буллинга и на этой основе разработать эффективные программы его предотвращения и/или снижения негативных последствий. Серьезный недостаток современная наука и в особенности практика испытывает при изучении проблем кибербуллинга — разновидности буллинга, тесно связанной с ним, но имеющей свои особенности и специфические черты.

В последнее время появились публикации, расширяющие представления российского читателя о природе подросткового буллинга. Прежде всего, это обзоры на русском языке результатов крупных зарубежных исследований [3; 10] о психологических особенностях участников буллинга, факторах его возникновения. Значительное место в данных исследованиях отводится описанию зарубежных программ профилактики буллинга [11; 14]. Другая отличительная особенность нашего времени — появление исследований, направленных на изучение психологических механизмов инициации буллинга², его протекания и вовлеченности в буллинг [5; 8]. В этих исследованиях показаны многие специфические особенности российских подростков — участников буллинга [12; 19]. Существуют публикации о разработке или адаптации к российским условиям измерительных инструментов для оценки распространенности буллинга, личностных и социально-психологических особенностей его участников, влияния факторов и детерминант буллинга³.

Проблема подросткового буллинга сегодня находится в фокусе исследовательского

интереса российских психологов, что, несомненно, представляет собой серьезный ресурс для работы с этим явлением. Отличительной особенностью российских исследований является понимание того, что подростковый буллинг — это, прежде всего, социально-психологический феномен, обусловленный влиянием социокультурного контекста близкого и дальнего окружения подростка⁴. Эта методологическая платформа определяет актуальность анализа изменений, характеризующих институты социализации современного подростка, однако в научной литературе редко встречаются работы, посвященные анализу взаимосвязи основных институтов современных подростков и буллинга. Между тем эта связь определяет феноменологию буллинга среди подростков и понимание закономерностей функционирования традиционных и влияние новых институтов социализации позволяет разработать системные стратегии и тактики вмешательства в процессы деструктивного развития подростков.

Целью данной статьи является обобщение и систематизация основных результатов исследований тех особенностей современных институтов социализации, которые оказывают влияние на подростковый буллинг. При подготовке статьи использовалось несколько источников информации. Во-первых, это результаты теоретических и экспериментальных исследований подросткового буллинга, опубликованные в научных изданиях и отвечающие критериям качественного научного исследования. Во-вторых, это результаты нескольких эмпирических исследований подросткового буллинга, проведенных автором или выполненных под его руководством. Третьим источником информации был опыт подготовки и проведения учебных курсов для психологов (в системе высшего педагогического образования будущих бакалавров и магистров, в системе повышения квалификации педагогов, в тренинговых программах для некоммерческих организаций, работающих с детьми и подростками).

² Гусейнова Е. А., Ениколопов С. Н. Влияние позиции подростка в буллинге на его агрессивное поведение и самооценку // Психолого-педагогические исследования. 2014. № 2. С. 246–256.

³ Бочавер А. А., Жилинская А. В., Хломов К. Д. Школьная травля и позиция учителей // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 1. С. 103–116.

⁴ Собкин В. С., Смылова М. М. Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросскультурного исследования) // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 2. С. 71–86.

Влияние институтов социализации на подростковый буллинг

Традиционные институты социализации подростков (семья, образовательные учреждения, формальные и неформальные группы сверстников) сегодня претерпели серьезные изменения в своем развитии, часть из которых имеет существенное значение при обсуждении проблем подросткового буллинга.

Специалисты в области психологии семьи отмечают изменения в ее структурных характеристиках. Семья становится менее устойчивой: возрастает количество разводов, численность детей, растущих в семьях с одним родителем, количество детей — социальных сирот. Российская семья становится малодетной, появляется все больше семей с новыми формами брачных отношений (гражданский, открытый, гостевой, однополый брак) [17].

Структурные изменения современной семьи меняют содержание отношений в семейной системе: супружеских, детско-родительских, между сиблингами, к старшему поколению и даже к животным, — показывают тенденцию дисфункциональности современной семьи. Отмечается, что многие традиционные функции либо не реализуются в современной семье⁵, либо отличаются дефицитностью и ущербностью [8; 12]. Прежде всего, нарушаются следующие функции: эмоциональная, воспитательная и социального контроля. Это проявляется в возрастающей тревожности семьи, неуверенности в завтрашнем дне, росте насилия в семье, перекладывании ответственности за воспитание детей на других людей (например, на учителей или государство в целом). Отсутствие родительского внимания к детям, теплых доверительных отношений, заботы, дистанцированность от подростков и их проблем повышает риск поведенческих нарушений подростка и способствует росту его агрессивности.

Криминализация и алкоголизация современной российской семьи — еще одно важное

обстоятельство в жизни современной российской семьи, имеющее отношение к проблеме социализации современных подростков и проблеме подросткового буллинга. Несмотря на то что данные Росстата свидетельствуют о том, что в последние годы проблема алкоголизации и наркотизации семьи несколько снижает свою остроту, распространенность в российских семьях алкоголизма и наркомании, а также самодеструктивного поведения, насилия остаются очень высокими⁶. Происходит процесс «закрепления в сознании российских граждан образа неблагополучной семьи как нормальной, типичной; воспроизводства отклоняющейся социализации из поколения в поколение и восприятие ее как нормальной; нарастания тенденции передачи с семейным опытом негативных социальных ценностей и девиантогенных норм, принимаемых как социально одобряемые»⁷.

Для большинства подростков, растущих в алкогольной и криминальной семье, жестокое обращение является нормой повседневной жизни, привычным способом существования. Освоение подростком роли жертвы и агрессора происходит путем осознанного или неосознаваемого копирования социальной модели поведения родителей или других родственников, соотносением себя с объектом подражания и уподоблением ему.

Родители выступают для ребенка первым и референтным представителем социума. Их убеждения, верования, представления транслируются и в прямых речевых высказываниях, и в определенных поведенческих актах и реакциях и имеют для ребенка значение образца, модели, которая принята в данном обществе и социально желательна.

Результаты исследований показывают, что агрессивность подростков обусловлена спецификой внутрисемейных отношений [12].

⁶ Семья, материнство и детство [Электронный ресурс] // Росстат: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 23.12.2022).

⁷ Барсукова Т. И., Галкина Д. В. Дисфункция современной российской семьи и проблемы отклоняющейся социализации подростков // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 8. № 7. С. 91–96.

⁵ Насилие и жестокое обращение с детьми: источники, причины, последствия, решения: учеб. пособие / под ред. Е. Н. Волковой. СПб.: Книжный Дом, 2011. 384 с.

Насилие и конфликтные, асоциальные отношения в семье, холодность, неэмоциональность, отчужденность, негативизм и эмоциональное отвержение подростков со стороны родителей, непоследовательный и противоречивый тип воспитания; установки родителей по отношению к агрессии и насилию в целом, имеющие разрешительный и допустимый характер, определяют риск возникновения подросткового буллинга⁸.

Влияние социально-экономического статуса семьи на вероятность буллинга неоднородно: в одних случаях доказывается, что этого влияния нет [28], в других показано, что бедность и социальное неравенство вносят существенный вклад в актуализацию буллинга и увеличения количества его жертв [24]. Можно предположить, что влияние социальных и социально-экономических характеристик семьи на возникновение подросткового буллинга не прямое, а опосредованное системой отношений в семье [13].

Нормы и правила поведения, усвоенные подростком в семье, закрепляются и проходят проверку на легитимность в образовательной организации, в школе. От школы зависит, будет ли подросток воспринимать те или иные нормы поведения как социально приемлемые, допустимые, разрешенные в обществе [1].

Трансформации института образования сегодня разноплановы и по ценностно-смысловым ориентирам, и по содержанию, и по формату организации процессов. Эти перемены оказывают непосредственное влияние на социализацию подростков.

Одним из краеугольных камней общественного развития является взаимная связь и взаимная обусловленность культуры и образования. «В настоящее время, к сожалению, образование попало в сферу обслуживания населения, и некоторые родители быстро превратились в “клиентов, которые всегда правы”, и стали предъявлять учителю свои претензии, нередко противоречащие смыслу культурного развития ребенка» [9: с. 15]. Потребительское

отношение к школе подменяет задачу нравственного развития и совершенствования задачей присвоения материальных ценностей и обладания ими, а также стимулирует подростка к поиску ресурсов для усиления своего влияния и статусности. Очевидное преимущество рыночных компетенций в сравнении с образовательными способностями и ценностями культуры определяют смысл социализации современных подростков.

Другая особенность современного образования — его широкая вариативность. Теоретически это означает расширение возможностей выбора ребенка, учет его индивидуальных особенностей и интересов и должно способствовать позитивности социализации подростков. Однако на практике существующая вариативность образовательных систем усиливает фактическое неравенство возможностей. Например, несмотря на то что доступность бесплатного образования гарантирована законом, существует очевидная зависимость качества образования от платежеспособности родителей, их социального статуса, что влияет на отношение подростка к школе и образованию в целом.

Сегодня идеальная модель выпускника аморфна. По-прежнему неясно, какого гражданина ждет общество после окончания школы: активного или послушного, дисциплинированного или инициативного, доброго или умного и т. д. Неопределенность снижает воспитательное воздействие системы образования. Выбранный в последние годы приоритет знания и академических достижений в ущерб личностному и культурному развитию подростков, их психологическому благополучию и ответственности инвалидизировал школу, снизил ее возможности управления и контроля процессами взросления и социализации. Усложняет эту ситуацию разрыв и противоречие между декларируемыми и реально востребованными и поощряемыми характеристиками и качествами. В условиях неопределенных социальных ожиданий в образовательной системе подростки вынуждены искать надежные ориентиры вне ее, в других сообществах.

Анализ результатов исследований образовательной среды школы, непосредственно

⁸ Воликова С. В., Калинкина Е. А. Детско-родительские отношения как фактор школьного буллинга // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 4 (88). С. 138–161.

влияющих на возникновение буллинга, выявил следующие закономерности. Во-первых, позиция учителей сегодня характеризуется двойственностью в отношении к буллингу: с одной стороны, учителя порицают буллинг и называют его недопустимым, с другой — часто поддерживают буллинг (особенно в неопасных, с их точки зрения, формах, например, в ябедничаниях и доносах), используя его как инструмент поддержания дисциплины. Зачастую школа занимает позицию игнорирования буллинга, что способствует распространению травли в школе⁹ [6].

Во-вторых, учителя склонны искать источники буллинга исключительно в личностных особенностях самих подростков [26]. Между тем исследования отмечают рост агрессивного поведения педагогов в отношении с учащимися, в адрес друг друга и родителей, что способствует развитию буллинга. Агрессивный и порой насильственный контекст образовательной среды провоцирует буллинг [2]. Отсутствие в школе единой антибуллинговой программы и ее действенной реализации способствует распространению буллинга¹⁰ [22; 27].

В-третьих, учителя не осознают степени распространенности буллинга. Зачастую они видят источник травли в социальном статусе жертвы и предпочитают не вмешиваться во внутренние дела класса¹¹. Обескураживающим моментом является признание и авторитетность подростков-обидчиков у многих педагогов школы¹².

Третий важный институт социализации подростков — группы сверстников, существующие как формальные и неформальные объединения. Этот институт отличается

от двух предыдущих уровнем самостоятельности и инициативной активности подростка. Если в семье и в школе подросток осваивает, усваивает и легитимизирует социальные нормы, то в группах сверстников он может инициировать их создание.

Членство в подростковых группах является результатом выбора ребенка. Выбор группы, приверженность ее идеалам и степень вовлеченности в ее деятельность определяется подростком. Исследования агрессивного поведения в подростковых классах показывают, что взаимодействие со сверстниками у подростков связано с буллингом во всех его формах¹³.

Подростковые группы нашего времени отличаются от сообществ предыдущих эпох. Прежде всего, изменилось число формальных, специально организованных групп подростков, и стихийных, неформальных, а также их количественный состав и структурная организация.

В середине и конце XX в. все или почти все подростки входили в формальные группы общей идеологической направленности и структурной организации (по примеру пионерии и комсомола). Неформальные группы появлялись в жизни подростка, когда возникали неудовлетворенность межличностным общением, трудности в выстраивании межличностных отношений в других группах, прежде всего формальных, а также в семье. Например, дворовые объединения подростков выполняли своеобразную психотерапевтическую функцию для многих так называемых трудных детей.

Вхождение в группу ребят во дворе часто служило основой подростковой дружбы и с точки зрения социализации формировало такие качества, как искренность, честность, ответственность, инициативу. Известны многочисленные примеры такой дружбы, продолжавшейся годами и десятилетиями. Другим основанием для появления групп были общие интересы, увлеченность одним делом. Это могли быть формальные объединения на основе кружков, спортивных секций

⁹ Бочавер А. А., Жилинская А. В., Хломов К. Д. Указ. соч.; Salmivalli C. Bullying and the peer group: A review // *Aggression and Violent Behavior*. 2010. № 2 (15). P. 112–120.

¹⁰ Волкова Е. Н., Исаева О. М. Школьное и домашнее насилие: взаимозависимость и взаимная обусловленность // *Психологическая наука и образование*. 2013. № 4. С. 56–64.

¹¹ Salmivalli C. Указ. соч.

¹² Бочавер А. А. Травля в детском коллективе: установки и возможности учителей // *Психологическая наука и образование*. 2014. Т. 6. № 1. С. 47–55.

¹³ Olweus D. *Bullying at school: What we know and what we can do*. Malden, MA: Blackwell Publishing, 1993. 140 p.

и неформальные, часто имевшие наивно-романтическую, но просоциальную направленность (например, защита животных или участие в вокально-инструментальном ансамбле). В основе организации этих групп лежал принцип эмоциональной привлекательности.

Современные подростковые сообщества имеют свои отличительные особенности. Прежде всего, следует отметить большое количество групп, образованных в виртуальном пространстве Интернета и необязательно предполагающих личный и продолжительный контакт. Формальные подростковые объединения существенно варьируются по степени референтности для подростков и значительное их число не оказывают влияния на социальные установки подростков. Неформальные подростковые группы отличаются разнообразием ценностных оснований, неопределенностью норм поведения, непродолжительны. Часто сегодня подростковую группу отличает прагматичная направленность в противовес эмоциональной привлекательности.

Исследователи отмечают изменение характера подростковой дружбы. В психологии для определения количества реальных социальных связей используется так называемый коэффициент Данбара. У современного подростка этот коэффициент превышает нижнюю границу диапазона, характерного для взрослых [16]. Следовательно, у современных подростков социальные контакты широки, количество «френдов», особенно в Сети, в среднем составляет около ста человек. Однако эти отношения отличаются поверхностностью и неустойчивостью, что приводит подростков к разочарованию, чувству одиночества и ненужности. К сожалению, широта социальных контактов оборачивается для современных детей ущербом в глубине и качестве дружбы.

Дружба современных подростков отличается и некоторой инфантилизацией. Она строится на принципах дружбы младших школьников и даже дошкольников, когда под ней понимаются бесконфликтные игровые отношения симпатии. Друг рассматривается как источник инструментальной помощи, отношение к нему строится на основе признания его большей состоятельности в выполнении

каких-либо действий¹⁴. Доверие, интимность, душевная близость, равно как и ответственность и честность перед другом, в дружеских отношениях современных подростков представлены далеко не всегда. Возможно, это связано с повышением референтности семьи у современных подростков, что снижает уровень референтности отношений со сверстниками.

Новый массовый канал социализации подростков — средства массовой информации, макрофактор¹⁵, — сегодня оказывается одним из самых мощных и может рассматриваться как равноценный и порой превосходящий по влиятельности институт социализации современных подростков.

Негативное влияние СМИ следует рассматривать в контексте информационного насилия, которое коррелирует с сенсорной перегрузкой подростка, когда объем, содержание и качество циркулирующей информации, время и пространство воздействия и т. д. не отвечают возможностям растущего человека. Содержательная и структурная избыточность информации приводит к атрофии эмоций и рефлексии у детей, лишает их критического подхода к окружающему миру, не дает возможности самоопределиться в интеллектуальном, познавательном и нравственном отношении. В исследованиях отмечают насильственный контент медиасодержания, плотность и перегрузку информационных потоков, не отвечающих перцептивным и личностным возможностям детей [18].

Телевидение по-прежнему играет в жизни подростка заметную роль. Несмотря на то что начиная с 2012 года, с появлением социальных сетей в Интернете, влияние телевидения начало ослабевать, оно занимает второе место по силе воздействия на подростковую аудиторию [7]. Ценности современного общества: рыночность и конкурентность, публичность любой ценой, гламурность, неопределенность,

¹⁴ *Мохова Е. Е.* Возрастная динамика представлений о друге и дружбе в младшем школьном возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 25 с.

¹⁵ *Мудрик А. В.* Социализация человека: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2011. С. 130.

ситуативность и следствие этого — нестабильность и поверхностность — транслируются в телевизионных передачах с завидным постоянством и весьма образно. Модели поведения с экрана телевизора привлекают подростков своей наглядностью, доступностью исполнения и демонстрацией получаемого результата. Драматичные и наполненные конфликтами, актуальные и конкретные информационные случаи воспринимаются подростками как социально приемлемые и используются ими как руководство к действию.

Телевидение и информационные каналы Интернета выступают для подростка источником информации о социальном взаимодействии и поведении в обществе. Вместе с этим социальные сети Интернета выступают не только как средство массовой информации, но прежде всего как средство массовой коммуникации подростков. Социальные сети можно рассматривать как самостоятельный институт социализации, обладающий специфическими механизмами и средствами воздействия на подростковую аудиторию.

Сегодня взаимодействие в социальных сетях для подавляющего большинства подростков составляет основу их социальной жизни и общения со сверстниками. Социальные сети «ВКонтакте», Instagram, Twitter, Facebook и «Одноклассники», а также мессенджеры WhatsApp и Telegram занимают существенно больше времени подростка, чем чтение книг (25,7 % подростков), посещение кинотеатров (25,3 %), факультативов и кружков (11,5 %), музеев и выставок (8,0 %), концертов (6,1 %), театров (5,2 %) [15].

Кибербуллинг и net-дружба представляют собой новые феномены социализации в цифровом информационном пространстве. Net-дружба привлекает подростков прежде всего отсутствием обязательств перед виртуальным собеседником [21]. Потребность быть услышанным и понятым, принадлежать к некоторому сообществу остается ведущим мотивом net-дружбы. Однако дефицитарность полноценного общения, поверхностный характер отношений, отсутствие ответственности за поведение в Сети оборачивается для подростка возможностью нанесения ущерба и разрушения границ безопасности.

Особую актуальность приобретает проблема кибербуллинга — травли в виртуальном пространстве. Данные исследований показывают, что подростки активно осваивают способы агрессивного поведения в Интернете и эти попытки совершают и обидчики, и жертвы, и свидетели школьного буллинга [4; 20]. Можно предположить, что для подростков кибернападение имеет особый смысл: и как реакция на агрессию по отношению к себе в школе, и как получение опыта агрессивного поведения. Для обидчиков кибербуллинг представляет вариант закрепления неконструктивной разрушительной роли. Для жертв кибербуллинг может выступать способом нового поведения в позиции агрессора: эти дети пробуют свои силы в роли агрессора в виртуальном пространстве. Это важное обстоятельство делает изучение буллинга в школе особенно актуальным. Сегодня перенос деструктивной активности подростков в виртуальное пространство плохо контролируется взрослыми (педагогами, родителями), недоступен их наблюдению и вмешательству, в то время как на проявления школьного буллинга могут воздействовать педагоги, психологи, родители.

В 2015 г. Международная ассоциация детских телефонных линий (Child Helpline International) зафиксировала свыше 16 000 обращений детей за помощью по поводу кибербуллинга¹⁶. В докладе той же ассоциации, сделанном в Европарламенте в 2013 г., кибербуллинг был назван причиной обращений в 7 % случаев. В исследовании российских ученых, выполненном в рамках проекта EU Kids Online II Фонда развития Интернет¹⁷, показано, что около 10 % детей подросткового

¹⁶ Child Helpline International. Voices of children and young people: heard and unheard. 2015 Data from Child Helplines in Europe. Amsterdam, 2016. URL: <https://www.childhelplineinternational.org/data-overview/data/voices-children-young-people-2016-global-data/> (дата обращения: 12.10.2021).

¹⁷ Дети России онлайн: риски и безопасность. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России / Г. Солдатова и др. М., 2012. [Электронный ресурс] // Дети России Онлайн: [сайт]. URL: http://detionline.com/assets/files/helpline/RussianKidsOnline_Final%20ReportRussian.pdf (дата обращения: 23.09.2021).

возраста стали жертвами кибербуллинга. Данные Центра исследований кибербуллинга демонстрируют тенденцию к увеличению частоты кибербуллинга среди подростков до 68 %¹⁸. В российских исследованиях количество подростков, вовлеченных в кибербуллинг, определяется как 74 % [19].

Кибербуллинг имеет ряд особенностей, изменяющих механизмы социализации подростков. Скрываясь за никнеймом или аватаром, подросток-агрессор в отсутствие непосредственного контакта с жертвой чувствует себя увереннее. Несмотря на то что эта анонимность мнимая (благодаря логам или скриншотам можно отследить развитие ситуации в Сети с начала ее возникновения), как правило, жертвы знают своих обидчиков в реальной жизни [25]. Отличительной особенностью кибербуллинга является снижение и/или отсутствие контроля. В Сети по умолчанию нет авторитета, который мог бы остановить кибербуллинг.

Для действий в Сети характерна потеря атрибуции к собственному Я: агрессор думает, что не несет ответственности в той же мере, что и за действия в реальной жизни. Это дезориентирует подростков с точки зрения уровня реалистичности травматических действий. Одновременно у подростков в кибертравле происходит размывание личной ответственности и перекладывание ее доли на других участников процесса [23].

В случае кибербуллинга насилие может произойти в любой момент, что определяет его неограниченный риск. Если жертва буллинга в реальной жизни может убежать от обидчиков, отправиться в другой город или укрыться дома, то жертву кибербуллинга можно найти везде, где есть хотя бы мобильная связь. Кроме того, любая информация, распространенная в Сети, не исчезает отсюда и хранится всегда. Несмотря на то что существуют способы ограничения информации и доступа к ней, тотальное ее уничтожение невозможно. При этом негативное

воздействие кибербуллинга может быть существенно ослаблено через воздействие на школьный буллинг [4].

Заключение

Подростковый буллинг является мультифинальным процессом, в котором схожие начальные условия приводят к различным проявлениям. Особенности семьи и семейного окружения, школа, отношения со сверстниками в реальной жизни и интернет-пространстве оказывают сильное влияние на подростковый буллинг. Однако влияние этих факторов будет различным в зависимости от содержания отношений подростка со взрослыми и сверстниками. Трансформация традиционных институтов социализации и появление новых характеризуется сегодня изменениями старых или возникновением новых отношений подростка с родителями, педагогами, сверстниками. Подростковый буллинг представляет собой, на наш взгляд, своеобразный способ освоения новых отношений. Это социально-психологический по своей природе феномен.

Результаты исследований показывают преимущественное влияние факторов микро- и макросоциальной среды на подростковый буллинг. Индивидуальные факторы играют важную роль в подростковом буллинге. Но индивидуальные факторы, и особенно индивидуально-типологические характеристики подростка, почти не подвержены изменению, а значит, внешнему влиянию и воспитательному воздействию. Их можно и нужно учитывать в организации профилактической работы, но невозможно или почти невозможно изменить. По генезу агрессивного поведения индивидуальные факторы представляют собой предпосылки, а не причины. Это относится к особенностям пола, возраста, темперамента и другим индивидуально-типологическим характеристикам подростка. Индивидуальные особенности ребенка, несомненно, влияют на подростковый буллинг, однако они являются, скорее, зависимыми переменными и отражают реакцию подростка на воздействия среды. Сегодня становится очевидно, что средовая детерминация бул-

18 Patchin J. W., Hinduja S. Summary of cyberbullying research (2004–2016). [Электронный ресурс] // Cyberbullying Research Center. URL: <http://cyberbullying.org/summary-of-our-cyberbullying-research> (дата обращения: 03.11.2021).

линг и социально-психологический характер этого феномена оказываются определяющими в разработке программ вмешательства, организации помощи участникам буллинга и его предотвращения.

Литература

1. **Алединова Ф. Д.** Особенности агрессивного поведения дезадаптированных подростков и условия его коррекции в образовательной среде // Форум молодых ученых. 2018. № 4 (20). С. 82–87.
2. **Баева И. А.** Психологические проблемы обеспечения безопасности в образовании // Мир психологии. 2020. № 2 (102). С. 184–190.
3. **Бочавер А. А., Хломов К. Д.** Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149–159.
4. **Волкова Е. Н., Волкова И. В.** Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга // Вестник Мининского университета. 2017. № 3 (20). С. 17. DOI: 10.26795/2307-1281-2017-3-17
5. **Волкова Е. Н., Волкова И. В.** Социально-психологические и личностные особенности подростков — свидетелей буллинга // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8. № 4. С. 10. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-4-10
6. **Волкова И. В.** Подростковый буллинг и стиль общения педагога // Научное мнение. 2017. № 5. С. 56–63.
7. **Голубева Н. А.** Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2020. № 1. С. 130–150. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-1-130-150
8. **Гришина Т. Г.** Виктимизация детей подросткового возраста: взаимосвязь буллинга и семейного насилия // Социальная работа в области защиты семьи и детей: традиционные подходы и инновационные технологии: сб. материалов II Международной научно-практической конференции (Москва, 25–27 февраля 2019 г.) [Электронный ресурс] / отв. ред.: Н. М. Комарова, Т. Ф. Сулова. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 43–47. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
9. **Дубровина И. В.** Непрерывное образование в контексте культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 2. С. 8–17. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-2-8-17
10. **Молчанова Д. В., Новикова М. А.** Противодействие школьному буллингу: анализ международного опыта. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 72 с. (Современная аналитика образования. № 1 (31)).
11. **Новикова М. А., Реан А. А.** Влияние школьного климата на возникновение травли: отечественный и зарубежный опыт исследования // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 78–97. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-2-78-97
12. **Реан А. А., Кошелева Е. С., Новикова М. А.** Ретроспективное восприятие буллинга студентами: социоэкономические, гендерные и семейные факторы // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 63–74.
13. **Реан А. А., Новикова М. А.** Буллинг в среде старшеклассников: распространенность и влияние социо-экономических факторов // Мир психологии: научно-методический журнал. 2019. № 1 (97). С. 165–177.
14. **Реан А. А., Ставцев А. А.** Позитивные психологические интервенции как профилактика школьного неблагополучия, агрессии и буллинга // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 37–59. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-37-59
15. **Собкин В. С.** Современный подросток в социальных сетях // Педагогика. 2016. № 8. С. 61–73.
16. **Солдатова Г. У., Теславская О. И.** Особенности межличностных отношений российских подростков в социальных сетях // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 (31). С. 12–22.
17. СоциоДиггер. 2020. Сентябрь. Т. 1. Вып. 2: Семья и родительство / под ред. Ж. Черновой, Л. Шпаковской [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/wciom_sociodigger_092020.pdf (дата обращения: 01.10.2021).
18. **Федосеева Т. Е.** Проблема влияния средств массовой информации на развитие личности современных подростков / Т. Е. Федосеева и др. // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 57 (7). С. 336–342.

19. **Хломов К. Д., Давыдов Д. Г., Бочавер А. А.** Кибербуллинг в опыте российских подростков // Психология и право. 2019. Т. 9. № 2. С. 276–295.
20. **Шейнов В. П.** Кибербуллинг в молодежной среде: предикторы и последствия // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы XIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1. М.: РУДН, 2020. С. 103–107.
21. **Щекотуров А. В.** Net-дружба в структуре конструирования виртуальной идентичности подростков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3-1. С. 441–445.
22. **Aldridge J. M., McChesney K., Afari E.** Relationships between school climate, bullying and delinquent behaviours // Learning Environments Research. 2018. Vol. 21. № 1. P. 153–172. DOI: 10.1007/s10984-017-9249-6
23. **DeHue F., Bolman C., Völlink T.** Cyberbullying: Youngsters' experiences and parental perception // CyberPsychology & Behavior. 2008. Vol. 11. № 2. P. 217–223. DOI: 10.1089/cpb.2007.0008
24. **Due P.** Socioeconomic inequality in exposure to bullying during adolescence: a comparative, cross-sectional, multilevel study in 35 countries / P. Due et al. // American Journal of Public Health. 2009. Vol. 99. № 5. P. 907–914. DOI: 10.2105/ajph.2008.139303
25. **Kowalski R. M., Limber S. P.** Psychological, physical, and academic correlates of cyberbullying and traditional bullying // Journal of Adolescent Health. 2013. Vol. 53. № 1. P. 13–20. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2012.09.018
26. **Laftman S. B., Östberg V., Modin B.** School climate and exposure to bullying: A multilevel study // School Effectiveness and School Improvement. 2017. Vol. 28. № 1. P. 153–164. DOI: 10.1080/09243453.2016.1253591
27. **Ma X.** Bullying in middle school: Individual and school characteristics of victims and offenders // School Effectiveness and School Improvement. 2002. Vol. 13. № 1. P. 63–89. DOI: 10.1076/sesi.13.1.63.3438
28. **Olweus D.** Familial and temperamental determinants of aggressive behavior in adolescent boys: A causal analysis // Developmental Psychology. 1980. Vol. 16. № 6. P. 644–660. DOI: 10.1037/0012-1649.16.6.644

References

1. **Aledinova F. D.** Osobennosti agressivnogo povedeniya dezadaptirovanny`x podrostkov i usloviya ego korektsii v obrazovatel`noy srede [Features of aggressive behavior of maladapted adolescents and conditions for its correction in the educational environment] // Forum molody`x ucheny`x [Forum of Young Scientists]. 2018. № 4 (20). P. 82–87.
2. **Baeva I. A.** Psixologicheskie problemy` obespecheniya bezopasnosti v obrazovanii [Psychological problems of ensuring security in education] // Mir psixologii [The world of psychology]. 2020. № 2 (102). P. 184–190.
3. **Bochaver A. A., Xlomov K. D.** Bulling kak ob`ekt issledovaniy i kul`turny`j fenomen [Bulling as an object of research and a cultural phenomenon] // Psixologiya. Zhurnal vy`sshej shkoly` e`konomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2013. Т. 10. № 3. P. 149–159.
4. **Volkova E. N., Volkova I. V.** Kiberbulling kak sposob social`nogo reagirovaniya podrostkov na situaciyu bulling [Cyberbullying as a way of social response of adolescents to the bullying situation] // Vestnik Mininskogo universiteta [Bulletin of Mininsky University]. 2017. № 3 (20). P. 17. DOI: 10.26795/2307-1281-2017-3-17
5. **Volkova E. N., Volkova I. V.** Social`no-psixologicheskie i lichnostny`e osobennosti podrostkov – svidetelej bullinga [Socio-psychological and personal features of teenagers - witnesses of bullying] // Vestnik Mininskogo universiteta [Bulletin of Mininsky University]. 2020. Т. 8. № 4. P. 10. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-4-10
6. **Volkova I. V.** Podrostkovy`j bulling i stil` obshheniya pedagoga [Teenage bullying and the style of communication of the teacher] // Nauchnoe mnenie [Scientific opinion]. 2017. № 5. P. 56–63.
7. **Golubeva N. A.** Osobennosti cifrovoj identichnosti podrostkov i molodezhi v sovremennom texnologicheskom obshhestve [Features of the digital identity of adolescents and youth in modern technological society] // Vestnik RGGU. Seriya «Psixologiya. Pedagogika. Obrazovanie» [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series "Psychology. Pedagogy. Education"]. 2020. № 1. P.130–150. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-1-130-150
8. **Grishina T. G.** Viktimizaciya detej podrostkovogo vozrasta: vzaimosvyaz` bullinga i semejnogo nasiliya [Victimization of adolescent children: the relationship between bullying and family violence] // Social`naya rabota v oblasti zashhity` sem`i i detej: traditsionny`e podxody` i innovacionny`e texnologii: sb. materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 25–27 fevralya 2019 g.) [Social

work in the field of family and child protection: traditional approaches and innovative technologies. Collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference] [E`lektronnyj resurs] / otv. red.: N. M. Komarova, T. F. Suslova. M.: IIU MGOU, 2019. S. 43–47. 1 e`lektron. opt. disk (CD-ROM).

9. **Dubrovina I. V.** Nepreryvnoe obrazovanie v kontekste kul`tury` [Continuous education in the context of culture] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psixologicheskie nauki [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences]. 2020. № 2. P. 8–17. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-2-8-17

10. **Molchanova D. V., Novikova M. A.** Protivodejstvie shkol`nomu bullingu: analiz mezhdunarodnogo opy`ta [Opposition to school bullying: analysis of international experience]. M.: NIU VShE`, 2020. 72 s. (Sovremennaya analitika obrazovaniya [Modern analytics of education]. № 1 (31)).

11. **Novikova M. A., Rean A. A.** Vliyanie shkol`nogo klimata na vozniknovenie travli: otechestvenny`j i zarubezhny`j opy`t issledovaniya [The impact of the school climate on the emergence of bullying: domestic and foreign research experience] // Voprosy` obrazovaniya [Education issues]. 2019. № 2. P. 78–97. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-2-78-97

12. **Rean A. A., Kosheleva E. S., Novikova M. A.** Retrospektivnoe vospriyatie bullinga studentami: socio`ekonomicheskie, genderny`e i semejny`e faktory` [Retrospective perception of bullying by students: socioeconomic, gender and family factors] // Nacional`ny`j psixologicheskij zhurnal [National Psychological Journal]. 2020. № 2 (38). P. 63–74.

13. **Rean A. A., Novikova M. A.** Bulling v srede starsheklassnikov: rasprostranennost` i vliyanie socio`ekonomicheskix faktorov [Bulling among high school students: the prevalence and influence of socio-economic factors] // Mir psixologii. Nauchno-metodicheskij zhurnal [The world of psychology. Scientific and methodological journal]. 2019. № 1 (97). P. 165–177.

14. **Rean A. A., Stavcev A. A.** Pozitivny`e psixologicheskie intervencii kak profilaktika shkol`nogo neblagopoluchiya, agressii i bullinga [Positive psychological interventions as prevention of school disadvantage, aggression and bullying] // Voprosy` obrazovaniya [Education issues]. 2020. № 3. P. 37–59.

15. **Sobkin V. S.** Sovremenny`j podrostok v social`ny`x setyax [Modern teenager on social networks] // Pedagogika [Pedagogy]. 2016. № 8. P. 61–73.

16. **Soldatova G. U., Teslavskaya O. I.** Osobennosti mezhlchnostny`x otnoshenij rossijskix podrostkov v social`ny`x setyax [Features of interpersonal relations between Russian teenagers on social networks] // Nacional`ny`j psixologicheskij zhurnal [National Psychological Journal]. 2018. № 3 (31). P. 12–22.

17. SocioDigger. 2020. Sentyabr`. Vol. 1. № 2: Sem`ya i roditel`stvo / pod red. Zh. Chernovoj, L. Shpakovskoj [E`lektronny`j resurs]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/wciom_sociodigger_092020.pdf (access date: 01.10.2021).

18. **Fedoseeva T. E.** Problema vliyaniya sredstv massovoj informacii na razvitie lichnosti sovremenny`x podrostkov [The problem of the influence of the media on the development of the personality of modern adolescents] / T. E. Fedoseeva et al. // Problemy` sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems of modern pedagogical education]. 2017. № 57. P. 336–342.

19. **Xlomov K. D., Davy`dov D. G., Bochaver A. A.** Kiberbulling v opy`te rossijskix podrostkov [Kiberbulling in the experience of Russian teenagers] // Psixologiya i pravo [Psychology and law]. 2019. Vol. 9. № 2. P. 276–295.

20. **Shejnov V. P.** Kiberbulling v molodezhnoj srede: prediktory` i posledstviya [Cyberbullying in the youth environment: predictors and consequences] // Vy`sshaya shkola: opy`t, problemy`, perspektivy`: materialy` XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2-x chastyax. Ch. 1 [Higher school: experience, problems, prospects: materials of the XIII International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Part 1]. M.: RUDN, 2020. P. 103–107.

21. **Shhekoturov A. V.** Net-druzhba v strukture konstruirovaniya virtual`noj identichnosti podrostkov [Net-friendship in the structure of the construction of the virtual identity of adolescents] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]. 2013. № 3-1. P. 441–445.

22. **Aldridge J. M., McChesney K., Afari E.** Relationships between school climate, bullying and delinquent behaviours // Learning Environments Research. 2018. Vol. 21. № 1. P. 153–172. DOI: 10.1007/s10984-017-9249-6

23. **DeHue F., Bolman C., Völlink T.** Cyberbullying: Youngsters` experiences and parental perception // CyberPsychology & Behavior. 2008. Vol. 11. № 2. P. 217–223. DOI: 10.1089/cpb.2007.0008

24. **Due P.** Socioeconomic inequality in exposure to bullying during adolescence: a comparative, cross-sectional, multilevel study in 35 countries / P. Due et al. // *American Journal of Public Health*. 2009. Vol. 99. № 5. P. 907–914. DOI: 10.2105/ajph.2008.139303
25. **Kowalski R. M., Limber S. P.** Psychological, physical, and academic correlates of cyberbullying and traditional bullying // *Journal of Adolescent Health*. 2013. Vol. 53. № 1. P. 13–20. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2012.09.018
26. **Laftman S. B., Östberg V., Modin B.** School climate and exposure to bullying: A multilevel study // *School Effectiveness and School Improvement*. 2017. Vol. 28. № 1. P. 153–164. DOI: 10.1080/09243453.2016.1253591
27. **Ma X.** Bullying in middle school: Individual and school characteristics of victims and offenders // *School Effectiveness and School Improvement*. 2002. Vol. 13. № 1. P. 63–89. DOI: 10.1076/sesi.13.1.63.3438
28. **Olweus D.** Familial and temperamental determinants of aggressive behavior in adolescent boys: A causal analysis // *Developmental Psychology*. 1980. Vol. 16. № 6. P. 644–660. DOI: 10.1037/0012-1649.16.6.644

**РОЛЬ ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ОЦЕНОК
В СИСТЕМНОМ АНАЛИЗЕ ЛЕТНОЙ ПОДГОТОВКИ²**

М. С. Алексеенко,
НИИЦ (АКМ и ВЭ), Москва,
ulitsapesen@gmail.com

Настоящая статья является продолжением работы по созданию модели системного психологического обеспечения летной деятельности. Исследование посвящено изучению взаимосвязи между интегральными оценками профессионально важных качеств (когнитивных, личностных, мотивационных) и оценками подготовки летных экипажей, т. е. тому, в какой степени применяемая система отбора позволяет точно прогнозировать эффективность обучения пилотов и выполнения полетов. Профессионально важные качества (ПВК) понимаются как индивидуальные качества субъекта деятельности, влияющие на эффективность деятельности и успешность ее освоения. В работе устанавливается взаимосвязь между уровнем развития ПВК и параметрами успешности летной деятельности. Акцент сделан на различиях между формальными и неформальными оценками экспертов (инструкторов и психологов).

Системный анализ принципов, лежащих в основе оценки летной подготовки, показал, что общая оценка, которую пилот получает в ходе прохождения тренажера или выполнения полета, во многом носит формальный характер. В свою очередь, комментарии инструктора дают более точное представление о действительном уровне развития не только летных, профессионально важных качеств пилотов, но и психологических. Качественный анализ данных показал, что применение единой четырехбалльной системы формальных оценок летных и психологических качеств целесообразно применять по двум причинам: она наименее формальна и максимально сопоставима с результатами летной деятельности. Как показано в работе, основной акцент необходимо делать на неформальной оценке экспертов.

Ключевые слова: системный анализ; профессиональный психологический отбор; формальные и неформальные оценки летной подготовки; профессионально важные качества (ПВК); система оценки летной подготовки; CAE; CRM.

Для цитаты: Алексеенко М. С. Роль формальных и неформальных оценок в системном анализе летной подготовки // Системная психология и социология. 2021. № 4 (40). С. 48–59. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.4

Алексеенко Мария Сергеевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник НИИЦ (АКМ и ВЭ), преподаватель авиационно-учебных центров «Школа Аэрофлота» и S7 Training, специалист по профессиональному психологическому отбору военных летчиков и пилотов гражданской авиации, Москва.

E-mail: *ulitsapesen@gmail.com*

ORCID: 0000-0003-0152-7026

² Продолжение, начало см. 2021, № 2 (38): *Алексеенко М. С.* Модель системного психологического обеспечения летной деятельности.

THE ROLE OF FORMAL AND INFORMAL ASSESSMENTS IN THE SYSTEM ANALYSIS OF FLIGHT TRAINING³

M. S. Alekseenko,
RISRI (AKM and VE), Moscow,
ulitsapesen@gmail.com

This article is a continuation of the work on the creation of a model of systemic psychological support for flight activities. The research is devoted to the study of the relationship between integral assessments of professionally important qualities (cognitive, personal, motivational) and assessments of flight crew training. That is, the extent to which the selection system used allows you to accurately predict the effectiveness of pilot training and flight operations. Professionally important qualities (PVK) are understood as individual qualities of the subject of activity that affect the effectiveness of the activity and the success of its development. The paper establishes the relationship between the level of development of PVK and the parameters of the success of flight activities. Emphasis is placed on the differences between formal and informal assessments of experts (instructors and psychologists).

A system analysis of the principles underlying the assessment of flight training has shown that the overall assessment that a pilot receives during the passage of a simulator or flight is largely formal. In turn, the instructor's comments give a more accurate idea of the actual level of development of not only the professionally important flight qualities of pilots, but also psychological ones. A qualitative analysis of the data showed that the use of a single 4-point system of formal assessments of flight and psychological qualities is advisable for two reasons: it is the least formal and much more comparable with the results of flight activities. As shown in the paper, the main emphasis should be placed on the informal assessment of experts.

Keywords: system analysis; professional psychological selection; formal and informal assessments of flight training; professionally important qualities (PVK); flight training assessment system; CAE; CRM.

For citation: Alekseenko M. S. The role of formal and informal assessments in the system analysis of flight training // Systems psychology and sociology. 2021. № 4 (40). P. 48–59. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.4

Alekseenko Maria Sergeevna, PhD in Psychology, Senior Researcher of the Research Institute of the Scientific Research Institute (AKM and VE). Teacher of the Aeroflot School and S7 Training aviation centers. Specialist in professional psychological selection of military pilots and civil aviation pilots, Moscow, Russia.

E-mail: *ulitsapesen@gmail.com*
ORCID: 0000-0003-0152-7026

Введение

Существенны ли риски, связанные с ошибками при выборе пилота? Результаты исследований показывают, что прогнозируется глобальный дефицит пилотов [17]. Числа ошеломляют: только США к 2033 г. потребуется набрать 95 000 пилотов [19: с. 36], причем, если учитывать количество желающих связать свою жизнь с авиацией, прогнозируемая нехватка пилотов будет составлять 35 000 человек.

Первая причина нехватки пилотов — рост авиакомпаний, вторая — отток пилотов в зарубежные компании, третья — уход на пенсию большого количества пилотов [13], которые начали свою карьеру в период развития авиации (1980-е гг.). Очевидно, нехватка пилотов — это глобальная проблема. Говорит ли это о том, что требования к отбору и подготовке можно снижать? Конечно, нет: безопасность полетов не должна быть заложницей дефицита кадров. Усилия специалистов, ответственных

³ Continuation, beginning see 2021, № 2 (38): *Alekseenko M. S.* Model of system psychological support of flight activity.

за обеспечение летной деятельности, необходимо направлять на поиск взаимосвязи эффективности летной подготовки и ее предиктами [3; 9]. В будущем это позволит видоизменить процедуру отбора, усилив внимание к тем качествам, которые могут обеспечить высокий уровень стабильности деятельности и профессионального долголетия [11]. Ввиду того что система профотбора в России принципиально не менялась с 70-х гг. XX в., доверие людей, занимающихся кадровой политикой в авиакомпаниях, к отбору практически утеряно. Существует мнение, что современные воздушные суда принципиально отличаются от своих предшественников, уровнем автоматизации, составом экипажа и др., именно поэтому методы отбора должны идти в ногу с развитием авиации. Для подтверждения данной точки зрения необходимо было определить взаимосвязь между показателями летной подготовки и результатами профессионального психологического отбора пилотов. Настоящая работа посвящена изучению роли формальных и неформальных оценок в системном анализе эффективности летной подготовки. Исследование проводилось на современной выборке пилотов высокоавтоматизированных воздушных судов российской авиакомпании.

Оценка технических и нетехнических навыков

Понятие «оценка» подразумевает под собой мнение о ценности, уровне или значении чего-либо. Общепринятой оценкой является оценка формальная, основанная на принципах соблюдения формальностей, т. е. произведенная в принятом, законном порядке. Формальная оценка предполагает соответствие внешней форме в ущерб существу дела. Дж. Свифт усматривал в желании всеобщей формализации, которую пропагандировал Г. Лейбниц, профессиональное чудачество. В одном из путешествий Гулливер оказывается в академии наук города Лагадо³. В этом

городе ученые вместо нечетких и расплывчатых мыслей носили с собой мешки, в которых находились предметы их научных суждений. Это помогало им достичь однозначности в предмете исследования. Громоздко, но просто и однозначно. Существующая система оценки уровня летной подготовки очень напоминает такой подход. Попробуем разобраться в системе формальных оценок, принятых в современной авиационной практике.

Система оценки уровня подготовки членов летных экипажей регламентирована нормативными документами авиакомпаний и включают оценку качества: а) выполнения процедур; б) техники пилотирования; в) навигации (самолетовождения); г) CRM (управление ресурсами экипажа, организация совместной деятельности); д) фразеологии радиообмена. Все качества, кроме CRM (Crew Resource Management), относятся к техническим навыкам. Оценка уровня летной подготовки (практических и теоретических аспектов) производится в процессе тренировочных и(или) проверочных полетов на воздушном судне и(или) на FSTD (Flight Simulation Training Devices). Результатом оценки уровня подготовки пилота являются два показателя: общая оценка («прошел/не прошел») и дополнительная (комментарии и выводы инструктора, проводившего тренировку).

Оценка уровня летной подготовки (технических навыков) в разных авиакомпаниях и учебных центрах отличается. Процедура оценки подразумевает оценку уровня летной подготовки пилота в процессе прохождения задач, которая производится назначенным проверяющим на основании собственных знаний (наблюдений) за работой/действиями проверяемого пилота. Оценка качества выполнения процедур производится в полном объеме при проведении квалификационных проверок и самостоятельных полетов в производственных или аэродромных условиях и полетов на тренажере. Они включают в себя процедуру предполетной подготовки, процедуру выполнения полета, послеполетные процедуры, контроль за работой систем и переход на ручное пилотирование, оценку качества навигации. Оценка качества техники пилотирования проводится на участках ручного

³ Свифт Д. Путешествия Гулливера. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Svift_Puteshestviya_Gullivera.pdf (дата обращения: 16.10.2021).

пилотирования (визуального, по приборам) при квалификационных проверках, самостоятельных полетах и на тренажере; участки ручного и автоматического пилотирования задаются пилотом-экзаменатором на основе принятой в компании системы оценки качества техники пилотирования и выполнения процедур.

Нетехническими навыками, или, правильнее говорить, навыками CRM, принято называть умение управлять ресурсами экипажа, организовывать совместную деятельность, поддерживать высокий уровень осознанности действий в процессе выполнения полета. Уже в 2006 г. исследователи отмечали, что несмотря на повсеместное распространение CRM в мире авиации, его влияние на работу и безопасность остается неопределенным [12]. Оценки эффективности обучения CRM, как отмечает Э. Салас с соавт., часто ограничены и недостаточно тщательны [18]. Кроме того, на общую безопасность организации CRM влияет недостаточно для того, чтобы его использовать в качестве критерия оценки летной успеваемости [10]. Система оценок психологических профессионально важных качеств в разных авиакомпаниях также отличается: зарубежные источники предлагают авиационным психологам переключить внимание на оценку социальных навыков или компетенций.

В основе настоящего исследования лежит подход, разработанный учеными Научно-исследовательского испытательного института авиационно-космической медицины Д. В. Гандером, А. А. Вороной [2], В. А. Пономаренко, В. В. Лапой [5], Б. Л. Покровским [4] и др. Личностные, мотивационные и когнитивные качества человека рассматриваются системно [7: с. 145]. В перспективе установить взаимосвязь между личностными особенностями и оценками навыков CRM также представляется возможным при качественном анализе структуры личности и оценок по следующим блокам: коммуникации, принятия решений, работа в команде и показатели лидерства. Подчеркивается, что валидность и надежность применения оценок личности до сих пор заставляет сомневаться в возможности их использования в практике летной подготовки. Что касается прогнозирования успеха летной

подготовки [8; 14], тесты на когнитивные, психомоторные способности и тест на имитаторах рабочих задач дают более точный прогноз успешности деятельности [9; 15].

Подходы к оценке уровня летной подготовки

При оценке отдельных элементов подготовки, с целью определения уровня квалификации (рейтинга) пилота, авиакомпания «Сибирь», например, использует бинарную и пятибалльную систему оценок — Inadequate, Unsatisfactory, Satisfactory, Good, Excellent⁴, где приемлемым уровнем оценки по отдельным элементам является оценка Satisfactory. Члены летных экипажей, показавшие уровень подготовки по отдельным элементам на эту оценку, полностью подготовлены в соответствии с требованиями государства и авиакомпании, обеспечивают приемлемый уровень безопасности полетов и могут выполнять полеты без ограничений. Неприемлемым уровнем оценки по отдельным элементам являются Inadequate и Unsatisfactory. Члены летных экипажей, показавшие знания по отдельным элементам на оценку Inadequate и (или) Unsatisfactory, прекращают прохождение подготовки по данной задаче и не допускаются к выполнению полетов. При использовании оценки отдельных элементов в рамках оценки уровня летной подготовки по бинарной системе соотношение пятибалльной и бинарной системы определяется следующим образом (см. рис. 1).

В авиакомпаниях «Россия», «Победа», «Роял Флайт» существует практика применения трехбалльной системы: S (5) — отсутствие критических ошибок в пилотировании, знание процедур, четкое, своевременное выполнение действий; SB (4) — пилот допускает ошибки, но замечает их и может на послеполетном разборе самостоятельно их проанализировать; US (3) — пилот допускает ошибки, не видит их и не исправляет даже после замечания инструктора (см. рис. 2).

⁴ Данная система описана во внутренних документах авиакомпании.

Соотношение систем оценок	
Бинарная система оценки общего уровня лётной подготовки	Пятибалльная система оценки дополнительных элементов подготовки
Fail	Inadequate (I)
	Unsatisfactory (U)
Pass	Satisfactory (S)
	Good (G)
	Excellent (E)

Рис. 1. Соотношение оценок пятибалльной и бинарной системы.
Источник: внутренние документы авиакомпании «Сибирь»

Нормативы качества выполнения полетов / Grading explanation

S (5)	SATISFACTORY / ОТЛИЧНО
SB (4)	SATISFACTORY WITH BRIEFING / ХОРОШО
US (3)	UNSATISFACTORY / НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО

Рис. 2. Нормативы качества выполнения полетов по трехбалльной системе.
Источник: внутренние документы авиакомпании «Сибирь»

Что касается общего подхода к подготовке летного состава в России, ошибочные действия пилота встают во главу угла и становятся главным критерием в определении качества выполнения полетов [4; 6]. Системный подход к обучению в такой парадигме оценок автоматически исключается. Пилоты обесценивают собственную роль в кабине самолета [2]. Комментарии инструктора практически всегда негативны, позитивные оценки принято считать несущественными («Все хорошо, нет ошибок» — значит «Предмета для оценки нет»). Человеческий фактор (ЧФ), ошибка пилота и вина пилота становятся равнозначными понятиями. Летный состав попадает в замкнутый круг: снижение влияния ЧФ на безопасность полетов возможно лишь тогда, когда будет минимизирована ошибка пилота, но ошибки естественны на определенных этапах освоения любой деятельности, а значит, их невозможно исключить. Эффект выученной беспомощности, мотивация избегания неудач становятся центральными феноменами подобного подхода.

Наиболее эффективная система оценок уровня летной подготовки разработана специалистами CAE (Canadian Aviation Electronics). В своих авиационных учебных центрах они применяют четырехбалльную систему: Not Proficient — недостаточный прогресс в приобретении знаний и навыков для достижения мастерства; Progressing — минимум

мастерства, знания и навыки улучшаются в соответствии с ожиданиями инструктора; Standart — уровень профессионала, упражнения освоены, результат стабилен; Exemplary — демонстрируемые навыки превосходят ожидания инструктора (рис. 3). Четырехбалльная система позволяет оценить положительные качества пилота, обращая внимание на степень надежности его деятельности, а также выявить потенциал его развития. Авторы методики CAE предполагают, что «абсолютных» систем оценок не существует и любая оценка предполагает систематический контроль и периодическую коррекцию.

Результатом проверки уровня летной подготовки является неформальное заключение инструктора, включающее положительную оценку сильных сторон обучающегося; перспективы развития его слабых сторон и общего вывода (рис. 4). Суммарная оценка содержит информацию о степени критичности замечаний и готовности пилота к выполнению полетов.

Исходя из теоретического анализа упомянутых выше подходов, принятых в различных авиакомпаниях, был определен наиболее подходящий для реализации задач настоящего исследования. Мы предполагаем, что результаты профессионального психологического отбора сопоставимы с четырехбалльной оценкой уровня летной подготовки CAE.

Competency Grading Guide			
1 "Not Proficient"	2 "Progressing"	3 "Standard"	4 "Exemplary"
Insufficient progress in acquiring the knowledge and skills to achieve proficiency.	Minimum proficiency, knowledge and skills are improving in line with expectations.	Proficient. The exercise has been mastered and performance is consistently repeatable	Performance demonstrated exceeds expectations.

Рис. 3. Четырехбалльная система оценки летных навыков САЕ.
Источник: внутренние документы авиакомпании «Сибирь»

Positive	<i>Good crew co-ordination and situational awareness</i>
Developmental	<i>No issues.</i>
Summary	<i>Very good session.</i>

Рис. 4. Пример заключения о проверке уровня подготовки пилота в учебном центре САЕ.
Источник: внутренние документы авиакомпании «Сибирь»

Методика исследования

Исследование формальной и неформальной роли оценок в системном анализе летной подготовки проводилось с августа 2020 г. по октябрь 2021 г. в крупной гражданской авиакомпании московского аэроузла. Основной метод исследования — системный анализ летной подготовки. В эксперимент были включены пилоты по следующим признакам: мужчины в возрасте от 22 до 35 лет (28 летных экипажей); гражданские пилоты российской авиакомпании, имеющие среднеспециальное и/или высшее летное образование, прошедшие первоначальную подготовку в количестве 150 часов, летающие после окончания училища на высокоавтоматизированных самолетах семейства Airbus-320 с системой fly by wire [20], без перерывов в летной деятельности, имеющие заключение корпоративного психолога об уровне развития когнитивных, личностных и мотивационных профессионально важных качеств. Для отбора экспериментальной группы был применен метод снежного кома, когда каждый исследуемый пилот подбирал следующего по указанным выше характеристикам. Летный экипаж состоял из двух пилотов, занимающих разные должности — командира воздушного судна и помощника командира, второго пилота. Пилоты с заданными качествами, объединенные в экипаже сложно организуемы, поэтому максимально доступное число экипажей составило 56 человек (28 экипажей).

Общее заключение об уровне развития ПВК включало сопоставление уровня развития когнитивных, личностных и мотивационных качеств.

Когнитивные ПВК изучались с помощью многомерного исследования особенностей мышления Амтхауэра (субтесты 2–9), компасов (оценка пространственных способностей), шкал, ЧКТ Горбова (переключение и распределение внимания). Личностные ПВК оценивались с помощью опросника Шмишека и 16 ФЛО; мотивация — теста Хекхаузена. Исследование когнитивных и личностных ПВК позволяет получать интегральную оценку развития ПВК (шкала оценки от 0 до 1), а также дает общий вывод по четырехбалльной шкале, где 1-я группа — годные в первую очередь, 2-я — годные, 3-я — условно годные, 4-я — негодные. Оценка характерологических и личностных особенностей по опроснику Шмишека производилась в два этапа. На основе первичных баллов выстраивается профиль личности, далее проводится качественное сопоставление профиля личности с профессиограммой пилота гражданской авиации. Психолог делает общий вывод о степени сформированности характерологических и личностных особенностей, применяя четырехбалльную систему по аналогии с системой оценки САЕ, выставляет окончательную оценку (далее — оценка личности). Интерпретация системы оценки личностных ПВК представлена ниже:

- Not Proficient — недостаточный уровень развития качеств личности пилота, который может отрицательно влиять на его подготовку или даже препятствовать ей;

- Progressing — качества личности не препятствуют развитию профессионала;

- Standart — уровень развития личностных качеств способствует летному обучению;

- Exemplary — личностные качества свидетельствуют о высоком потенциале развития в профессии⁵.

Для перевода мотивации в четырехбалльную систему применялся следующий алгоритм:

- Not Proficient — недостаточный уровень мотивации или высокий уровень мотивации избегания неудач, который может существенно снизить эффективность обучения;

- Progressing — средний уровень мотивации, преобладает мотивация избегания неудач;

- Standart — средний уровень мотивации преобладает или равно выражена мотивация достижения успеха;

- Exemplary — высокий уровень мотивации, преобладает мотивация достижения успеха.

Для оценки уровня летной подготовки применялся подход CAE:

- Not Proficient — недостаточный прогресс в приобретении знаний и навыков для достижения мастерства;

- Progressing — минимум мастерства, знания и навыки улучшаются в соответствии с ожиданиями инструктора;

- Standart — уровень профессионала, упражнения освоены, результат стабилен;

- Exemplary — демонстрируемые навыки превосходят ожидания инструктора.

Таким образом, в исследовании использовалась четырехбалльная система оценки летной подготовки, включающая показатели technical и non-technical skills. Формальные оценки дают информацию о летной успеваемости на основе оценок в стандартизированной части бланка

(чек-листа), тогда как неформальные оценки отражаются в разделе «Комментарии инструктора», носят качественный характер и не имеют стандартных инструментов для оценки. В свою очередь, система оценки психологических ПВК содержит оценку формальную — интегральный показатель по системе АСПО-2007, и неформальную — оценку экспертную.

Соотношение формальных и неформальных оценок

На первом этапе анализа данных необходимо было установить взаимосвязь между традиционными для профессионального психологического отбора (ППО) группами и оценками, выставленными с использованием четырехбалльной системы. Выявлено, что пилоты из первой группы ППО чаще получают оценку Exemplary (78 %), пилоты из второй группы — Standart (67 %), а оценки третьей группы варьируются от Progressing (61 %) до Not Proficient (9 %). Самая малочисленная четвертая группа — Not Proficient (85 %). Таким образом, есть основания предполагать наличие связи между указанными системами оценок.

Сравнение данных по неформальным оценкам, представленное на рисунке 5, доказывает наличие достоверных различий в 1-й и 2-й группах ППО. В первой группе общее число положительных неформальных оценок составляет 67 % от общего числа комментариев; во второй — 42 %. Различия между второй и третьей группами также достоверны. Наибольшее количество неформальных отрицательных оценок оказалось в 4-й и 3-й группах ППО. Более половины пилотов из второй группы ППО не получили никаких комментариев относительно выполненных элементов полета: вероятно, это свидетельствует о нейтральном отношении инструктора к стандартному выполнению задач. Это подтверждается тем, что группы 1 и 4 в 100 % случаев получают комментарий, так как действия пилотов с высокими и низкими когнитивными качествами не оставляют инструктора равнодушным. Наблюдается следующая тенденция

⁵ Критерии соответствия личностных качеств требованиям летной деятельности в полной мере впервые описаны Н. Ф. Лукьяновой: *Бодров В. А., Лукьянова Н. Ф. Личностные особенности пилотов и профессиональная эффективность // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 51–65.*

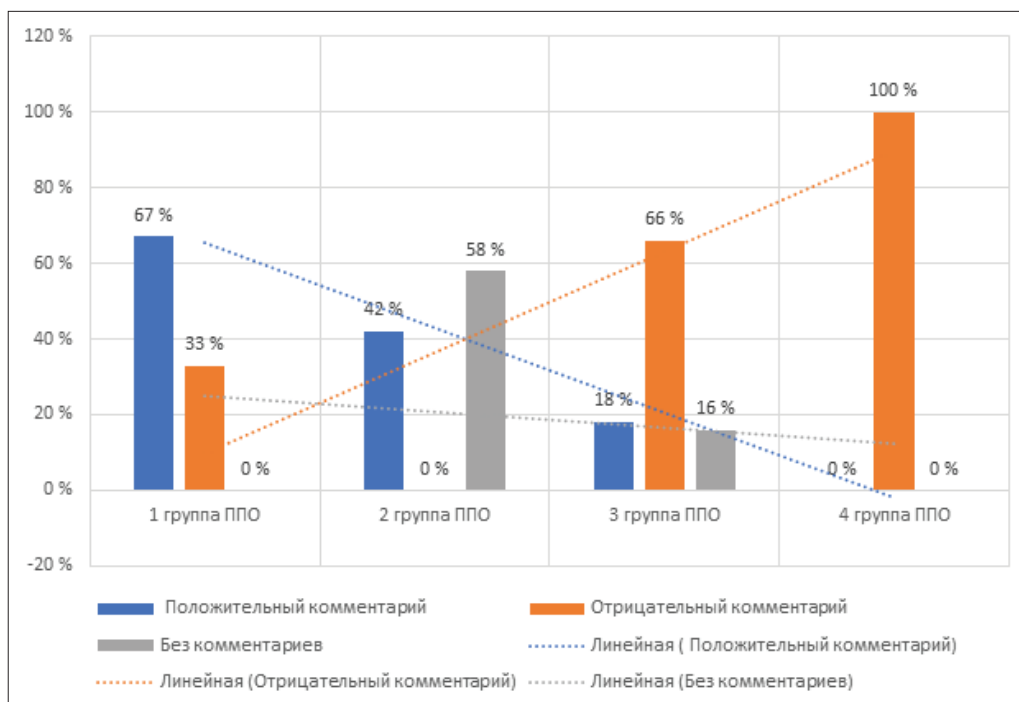

Рис. 5. Соотношение неформальных оценок в группах ППО

при движении от 1-й к 4-й группе ППО: количество положительных неформальных оценок значительно снижается, а отрицательных — повышается. Следовательно, можно зафиксировать наличие взаимосвязи между неформальными оценками инструктора и группами ППО.

На рисунке 6 представлены различия средних значений в группах ППО. Из приведенных данных видно, что значения в первой и второй группах ППО достоверно отличаются только по интегральным показателям ($p = 0,002$), данный факт очевиден, так как группа ППО базируется на различии интегральных показателей. На основании формальных оценок 1-я и 2-я группы ППО достоверно не отличаются, однако различия в этих группах очевидно имеются [1]. Достоверно различаются все показатели между 1-й и 3-й группами ППО, за исключением показателей мотивации и личности. Четвертая группа отлична от других и имеет минимальные показатели по уровню летной подготовки и критично низкую общую оценку. Интересен тот факт, что оценка CRM в 3-й группе ППО не совпадает с оценкой личности (завышается оценка CRM), тем более что навыки

управления работой экипажа, несомненно, определяются уровнем развития личностных ПВК. При этом она полностью совпадает с оценкой летной подготовки в условиях реального полета. То же наблюдается и в других группах. Взаимосвязь оценки навыков CRM установлена только с одним показателем — интегральной оценкой за выполнение реального полета ($r = 0,8$). Это значит, что инструкторы, формально оценивая навыки CRM, исходят из общего впечатления о проделанной работе — «Экипаж жив — полет удался» — высокий уровень навыков CRM, если нет — низкий. Поэтому дальнейшее сопоставление этих оценок нецелесообразно.

Как видно из рисунка 6, формальные оценки в меньшей степени отражают специфику развития профессионально важных качеств, многие положительные качества пилотов сложно дифференцировать, применяя подобную систему оценок. Принципы обучения и проверки, сложившиеся в инструкторской среде российских авиакомпаний, не могут быть компенсированы только за счет изменения формы оценки (перехода на четырехбалльную систему), необходимо менять сами принципы оценки, раскрывая преимущества подхода CAE.

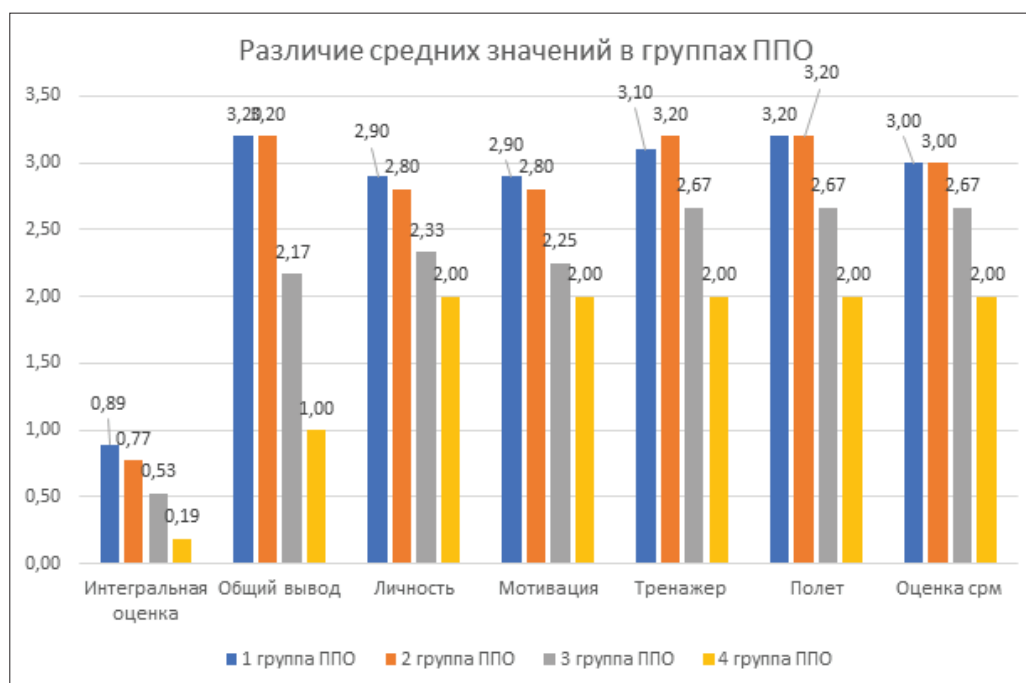

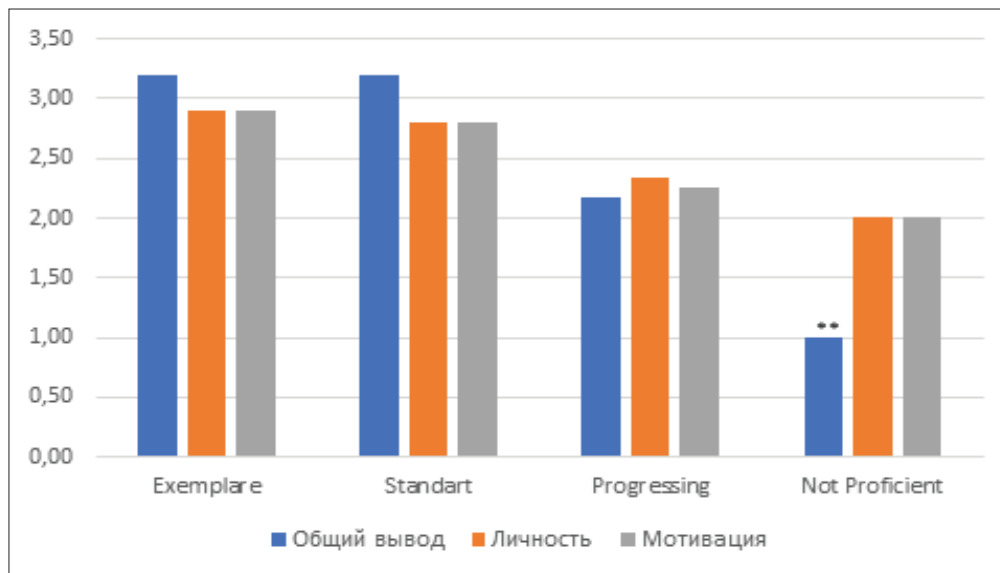
Рис. 6. Сравнение средних значений в группах ППО
(по результатам профессионального психологического отбора и данным летной подготовки)

Что касается формализации личностных и мотивационных показателей, они взаимосвязаны только в первых трех группах ППО, в 4-й — общие оценки достоверно отличаются. Действительно, можно предположить, что уровень развития когнитивных качеств более значим для оценки, нежели данные о развитии личности и мотивации, при этом подобная закономерность характерна только для ситуаций, когда речь идет о критически низких значениях развития когнитивных способностей. Практика показывает, что насколько бы ни была высока мотивация летной деятельности, без необходимого уровня развития внимания, памяти, пространственных способностей сохранить ее в течение долгого времени не получится. Постоянные неудачи в процессе летной подготовки приведут к ее понижению или развитию мотивации избегания неудач: и в том и в другом случае пилот становится ненадежен, а значит, это начинает отражаться на безопасности полетов.

При высоких показателях развития личностных качеств и мотивации неформальная психологическая оценка об уровне развития профессионально важных качеств несколько завышается, при этом оценки достоверно

не различаются (рис. 7). Обратим внимание, что общие оценки в группе Not Profecient достоверно отличаются, т. е. наличие средних показателей развития личностных профессионально важных качеств у пилотов с низким уровнем развития когнитивных способностей не влияет на общий вывод психолога. Часто в практике встречаются пилоты с критически низкими показателями развития когнитивных ПВК. Наблюдаемое поведение таких кандидатов при устройстве на работу схоже с поведением высокомотивированных пилотов, однако, как правило, внешне высокий уровень мотивации оказывается ничем иным, как проявлением тревожной или демонстративной личности⁶. В процессе летной деятельности такие личности чаще всего сталкиваются с неудачами при освоении воздушного судна и мотивация избегания неудач усиливается, лишая их возможности профессионального

⁶ Наличие в структуре личностных качеств тревожности на фоне высокой гипертимности в норме может обеспечить способность к прогнозированию, что чрезвычайно необходимо пилоту. Однако эти показатели не должны превышать нижних границ среднего уровня (кроме случаев повышенной ситуативной тревожности).

Примечание: ** — достоверность различий $p \geq 0,001$.

Рис. 5. Взаимосвязь между неформальными оценками психолога

роста. Такие люди — проблема в экипаже, дополнительная нагрузка на командира и фактор повышенной опасности для всей авиационно-транспортной системы. Именно поэтому низкий уровень развития когнитивных ПВК в итоговом заключении авиационного психолога нельзя повышать за счет поведенческих характеристик.

Заключение

Таким образом, полученные эмпирические данные позволяют оценить взаимосвязь формальных и неформальных оценок летной подготовки и ПВК пилотов. Как показано в работе, неформальные оценки имеют высокий уровень корреляции. Попытка перевода данных летной подготовки в четырехбалльную систему оценок подтвердила гипотезу о необходимости

пересмотра подхода к системе оценок в российских авиакомпаниях. Неформальные оценки летной подготовки наглядно доказывают связь с уровнем летной подготовки, чего нельзя сказать об оценках формальных, которые уравнивают пилотов с высоким и средним (стандартным) потенциалами. Практический интерес состоит в том, чтобы предложить новый способ представления психологических данных в авиакомпанию. Основной отличительной чертой нового представления данных является их сопоставимость с результатами летной подготовки. Как говорил Анатолий Рапопорт, необходимо осознавать «различие между решением важной задачи и формалистическими бесплодными упражнениями в систематизации» (цит.: по [16]), следовательно, основным требованием к системе оценок является ее сопоставимость с результатами летной подготовки, простота использования и отсутствие формализма.

Литература

1. Алексеев М. С. Модель системного психологического обеспечения летной деятельности // Системная психология и социология. 2021. № 2 (38). С. 97–109. DOI: 10.25688/22236872.2021.38.2.09
2. Гандер Д. В. Психологические особенности профессиональной деятельности пилота воздушного судна / Д. В. Гандер и др. // Проблемы безопасности полетов. 2017. № 9. С. 3–14.
3. Клевцова Е. В., Благинин А. А. Проблема исследования психологических детерминант успешности обучения и профессиональной надежности деятельности пилотов // XXV Юбилейные Царскоевские чтения: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2021 г.). СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. С. 146–155.

4. **Покровский Б. Л.** Психологический отбор в авиации // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 9. М.: Ин-т психологии РАН, 2020. С. 379–389. (Труды Института психологии РАН).
5. **Пономаренко В. А., Ворона А. А., Лапа В. В.** Стратегические направления решения проблемы человеческого фактора в военной авиации // Военная мысль. 2017. № 4. С. 35–41.
6. **Праскурничий Е. А.** Безопасность полетов — новые понятийные и концептуальные авиамедицинские аспекты / Е. А. Праскурничий и др. // Авиакосмическая и экологическая медицина. 2021. Т. 55. № 5. С. 31–39. DOI: 10.21687/0233-528X-2021-55-5-31-39
7. **Рыжов Б. Н.** Системная психология: монография. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
8. **Bailey D. H.** Risky business: Correlation and causation in longitudinal studies of skill development / D. H. Bailey et al. // *American Psychologist*. 2018. № 73 (1). P. 81–94. DOI:10.1037/amp0000146
9. **Burger K.-H., Neg H., Hörmann H.-J.** Lufthansa's new basic performance of flight crew concept: A competence based marker system for defining pilots' performance profile // *Proceedings of the 12th International Symposium on Aviation Psychology*. 2003. Vol. 1. P. 172–175.
10. **Dahlström N., Laursen J., Bergström J.** Crew resource management, threat and error management and assessment of CRM skills. 2008. 54 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/262655038_Crew_Resource_Management_Threat_and_Error_Management_and_Assessment_of_CRM_Skills
11. **Damos D. L., Koonce J. M.** Methodological and analytical concerns on the pilot selection research of Park and Lee (1992) // *Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society*. 1997. № 39 (1). P. 9–13. DOI: 10.1518/001872097778940669
12. **Hendrickson S. M. L., Goldsmith, T. E., Johnson P. J.** Retention of airline pilots' knowledge and skill // *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting*. 2006. № 50 (17). P. 1973–1976. DOI: 10.1177/154193120605001755
13. **Hörmann H.-J., Goerke P.** Assessment of social competence for pilot selection // *International Journal of Aviation Psychology*. 2014. № 24 (1). P. 6–28. DOI: 10.1080/10508414.2014.860843
14. **Hörmann H.-J., Maschke P.** On the relation between personality and job performance of airline pilots // *International Journal of Aviation Psychology*. 1996. Vol. 6. P. 171–178. DOI: 10.1207/s15327108ijap0602_4
15. **Hunter D. R., Burke E. F.** Predicting aircraft pilot-training success: A meta-analysis of published research // *International Journal of Aviation Psychology*. 1994. Vol. 4. P. 297–313. DOI: 10.1207/s15327108ijap0404_1
16. **Kopelman S.** Tit for tat and beyond: The legendary work of Anatol Rapoport // *Negotiation and Conflict Management Research*. 2019. № 13 (1). P. 60–84. DOI: 10.1111/ncmr.12172
17. **Lutte R.** An investigation of the United States airline pilot labor supply // *Journal of Air Transport Studies*. 2014. № 5 (2). P. 53–83. DOI: 10.38008/jats.v5i2.68
18. **Salas E.** Does crew resource management training work? An update, an extension, and some critical needs / E. Salas et al. // *Human Factors*. 2006. Vol. 48. № 2. P. 392–412. DOI: 10.1518/001872006777724444
19. **Shane N.** The relationship of a pilot's educational background, aeronautical experience and recency of experience to performance in initial training at a regional airline // *Theses and Dissertations*. 2016. 343. URL: <https://commons.und.edu/theses/343>
20. **Traverse P.** Airbus Electrical Flight Controls: A family of fault-tolerant systems // *Digital Avionics Handbook*. CRC Press, 2017. P. 502–519. DOI: 10.1201/b17545-31

References

1. **Alekseenko M. S.** Model' sistemnogo psixologicheskogo obespecheniya letnoj deyatel'nosti [Model of system psychological support of flight activity] // *Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems psychology and sociology]*. 2021. № 2 (38). P. 97–109. DOI: 10.25688/22236872.2021.38.2.09
2. **Gander D. V.** Psixologicheskie osobennosti professional'noj deyatel'nosti pilota vozdušnogo sudna [Psychological features of the professional activity of an aircraft pilot] / D. V. Gander et al. // *Problemy' bezopasnosti poletov [Flight safety problems]*. 2017. № 9. P. 3–14.
3. **Klevczova E. V., Blaginina A. A.** Problema issledovaniya psixologicheskix determinant uspeshnosti obucheniya i professional'noj nadezhnosti deyatel'nosti pilotov [The problem of studying the psychological determinants of the success of training and the professional reliability of pilot activities] // *XXV Yubilejny'e Czarskosel'skie Chteniya: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 20–21 aprelja 2021 g.) [XXV Jubilee Tsarskoye Selo Readings]*. SPb.: LGU im. A. S. Pushkina, 2021. P. 146–155.

4. **Pokrovskij B. L.** Psixologicheskij otbor v aviatsii [Psychological selection in aviation] // Aktual'ny'e problemy' psixologii truda, inzhenernoj psixologii i e'rgonomiki. Vy'pusk 9 [Topical problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics. Issue 9]. M.: Institut psixologii RAN. 2020. P. 379–389. (Trudy Instituta psixologii RAN)
5. **Ponomarenko V. A., Vorona A. A., Lapa V. V.** Strategicheskie napravleniya resheniya problemy' chelovecheskogo faktora v voennoj aviatsii [Strategic directions for solving the problem of the human factor in military aviation] // Voennaya my'sl' [Military thought]. 2017. №. 4. P. 35–41.
6. **Praskurnichij E. A.** Bezopasnost' poletov — novy'e ponyatijny'e i konceptual'ny'e aviamedicinskie aspekty' [Flight safety — new conceptual and conceptual aviation medical aspects] / E. A. Praskurnichij et al. // Aviakosmicheskaya i e'kologicheskaya medicina [Aerospace and environmental medicine]. 2021. Vol. 55. № 5. P. 31–39. DOI: 10.21687/0233-528X-2021-55-5-31-39
7. **Ry'zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [Systems psychology]. M.: T8 Izdatel'skie Texnologii, 2017. 356 p.
8. **Bailey D. H.** Risky business: Correlation and causation in longitudinal studies of skill development / D. H. Bailey et al. // American Psychologist. 2018. № 73 (1). P. 81–94. DOI: 10.1037/amp0000146
9. **Burger K.-H., Neg H., Hörmann H.-J.** Lufthansa's new basic performance of flight crew concept: A competence based marker system for defining pilots' performance profile // Proceedings of the 12th International Symposium on Aviation Psychology. 2003. Vol. 1. P. 172–175.
10. **Dahlström N., Laursen J., Bergström J.** Crew resource management, threat and error management and assessment of CRM skills. 2008. 54 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/262655038_Crew_Resource_Management_Threat_and_Error_Management_and_Assessment_of_CRM_Skills
11. **Damos D. L., Koonce J. M.** Methodological and analytical concerns on the pilot selection research of Park and Lee (1992) // Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society. 1997. № 39 (1). P. 9–13. DOI: 10.1518/001872097778940669
12. **Hendrickson S. M. L., Goldsmith, T. E., Johnson P. J.** Retention of airline pilots' knowledge and skill // Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting. 2006. № 50 (17). P. 1973–1976. DOI: 10.1177/154193120605001755
13. **Hörmann H.-J., Goerke P.** Assessment of social competence for pilot selection // International Journal of Aviation Psychology. 2014. № 24 (1). P. 6–28. DOI: 10.1080/10508414.2014.860843
14. **Hörmann H.-J., Maschke P.** On the relation between personality and job performance of airline pilots // International Journal of Aviation Psychology. 1996. Vol. 6. P. 171–178. DOI: 10.1207/s15327108ijap0602_4
15. **Hunter D. R., Burke E. F.** Predicting aircraft pilot-training success: A meta-analysis of published research // International Journal of Aviation Psychology. 1994. Vol. 4. P. 297–313. DOI: 10.1207/s15327108ijap0404_1
16. **Kopelman S.** Tit for tat and beyond: The legendary work of Anatol Rapoport // Negotiation and Conflict Management Research. 2019. № 13 (1). P. 60–84. DOI: 10.1111/ncmr.12172
17. **Lutte R.** An investigation of the United States airline pilot labor supply // Journal of Air Transport Studies. 2014. № 5 (2). P. 53–83. DOI: 10.38008/jats.v5i2.68
18. **Salas E.** Does crew resource management training work? An update, an extension, and some critical needs / E. Salas et al. // Human Factors. 2006. Vol. 48. № 2. P. 392–412. DOI: 10.1518/001872006777724444
19. **Shane N.** The relationship of a pilot's educational background, aeronautical experience and recency of experience to performance in initial training at a regional airline // Theses and Dissertations. 2016. 343. URL: <https://commons.und.edu/theses/343>
20. **Traverse P.** Airbus Electrical Flight Controls: A family of fault-tolerant systems // Digital Avionics Handbook. CRC Press, 2017. P. 502–519. DOI: 10.1201/b17545-31

УДК 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.5

ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОРИИ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

И. В. Волков,

ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород,
vig19@yandex.ru,

О. М. Исаева,

НИУ ВШЭ, Нижний Новгород,
oisaeva@hse.ru

Статья посвящена рассмотрению организационного поведения человека с позиций теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана. Системный анализ возможностей теории самодетерминации позволяет комплексно подойти к решению проблемы формирования внутренней мотивации сотрудников, связанной с рядом факторов: степенью вовлеченности сотрудников в трудовую деятельность, стилями лидерства и управления, удовлетворенностью работой и психологическим благополучием сотрудников организации, климатом в рабочих командах, готовностью персонала к организационным изменениям.

Целью статьи является системный анализ наиболее значимых результатов исследований, проведенных в рамках теории самодетерминации, для изучения организационного поведения и разработки программ его развития. Общая модель организации исследований в рамках теории самодетерминации предполагает изучение в качестве независимых переменных личностные особенности работника и характеристики его рабочего места и условий труда. В качестве медиаторов в исследованиях рассматриваются базовые психологические потребности и характеристики мотивации сотрудников. Результирующие переменные выражаются в количестве, качестве и эффективности выполненной работы, а также в характеристиках благополучия, удовлетворенности трудом и отсутствии заболеваемости.

Теория самодетерминации представляет собой новое, перспективное направление научных исследований и практических действий в изучении организационного поведения. Системный анализ содержания внутренней мотивации и динамики ее воздействия может быть дополнен изучением вопроса локализации контроля действий и ответственности за совершенный выбор.

Ключевые слова: системный анализ; теория самодетерминации; организационное поведение; внутренняя мотивация.

Для цитаты: Волков И. В., Исаева О. М. Возможности теории самодетерминации для изучения организационного поведения // Системная психология и социология. 2021. № 4 (40). С. 60–67. DOI: 10.25688/2223-6872. 2021.40.4.5

Волков Игорь Владимирович, кандидат психологических наук, ассистент кафедры психологии управления Национального исследовательского университета «Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», Нижний Новгород.

E-mail: *vig19@yandex.ru*

ORCID: 0000-0002-5044-7412

Исаева Оксана Михайловна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры организационной психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Нижний Новгород.

E-mail: *oisaeva@hse.ru*

ORCID: 0000-0002-0926-5182

POSSIBILITIES OF SELF-DETERMINATION THEORY FOR STUDYING THE ORGANIZATIONAL BEHAVIOR

I. V. Volkov,

Lobachevsky University, Nizhny Novgorod,
vig19@yandex.ru,

O. M. Isaeva,

HSE University, Nizhny Novgorod,
oisaeva@hse.ru

The article is devoted to the consideration of human organizational behavior from the standpoint of the self-determination theory by E. Deci and R. Ryan. A system analysis of the possibilities of the self-determination theory allows a comprehensive approach to solving the problem of the formation of internal motivation of employees associated with a number of factors: the degree of employee involvement in work, leadership and management styles, job satisfaction and psychological well-being of employees of the organization, the psychological climate in work teams, staff readiness for organizational changes.

The purpose of the article is a system analysis of the most significant results of research conducted within the framework of the self-determination theory, for the study of the organizational behavior and the development of programs for its development. The general model of the organization of the research within the framework of the theory of self-determination involves the study of the personal characteristics of an employee and the characteristics of his workplace and working conditions as independent variables. The basic psychological needs and characteristics of employee motivation are considered as mediators in the research. The resulting variables are expressed in the quantity, quality and efficiency of the work performed, as well as in the characteristics of well-being, job satisfaction and absence of morbidity. The self-determination theory is a new and promising direction of scientific research and practical actions in the study of the organizational behavior. A system analysis of the content of internal motivation and the dynamics of its impact can be supplemented by studying the issue of localization of control of actions and responsibility for the choice made.

Keywords: system analysis; theory of self-determination; organizational behavior; intrinsic motivation.

For citation: Volkov I. V., Isaeva O. M. Possibilities of self-determination theory for studying the organizational behavior // Systems psychology and sociology. 2021. № 4 (40). P. 60–67. DOI: 10.25688/2223-6872. 2021.40.4.5

Volkov Igor Vladimirovich, PhD in Psychology, Assistant of the Department of Management Psychology of the N. I. Lobachevsky National Research University Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: *vig19@yandex.ru*

ORCID: 0000-0002-5044-7412

Isaeva Oksana Mikhailovna, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organizational Psychology, National Research “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: *oisaeva@hse.ru*

ORCID: 0000-0002-0926-5182

Введение

Понятие организационного поведения используется для изучения психологических и социально-психологических закономерностей поведения людей в организации на трех уровнях:

индивидуальном, групповом и организационном. При этом поведение людей в организации понимается как мультифинальный процесс, когда результирующая активность человека детерминирована системой индивидуально-личностных факторов и факторов организационной среды в широком и узком смысле

слова — от влияния организационной культуры до влияния стилей лидерства и управления. Среди объективных и субъективных факторов, определяющих поведение людей в организационной структуре, корпоративной культуре, организационных кризисах и конфликтах, а также факторов власти и лидерства особое место принадлежит мотивации поведения человека как результирующему производному от субъективных и объективных факторов поведения.

Мотивация организационного поведения характеризуется полимодальностью. Для ее изучения и понимания возможностей изменения поведения сотрудника учитывается влияние различных переменных. Исследуется влияние материального и морального фактора на организационное поведение; влияние наказания и похвалы; влияние соревновательных эффектов и самой процедуры организации разного рода соревнований; успех и неудачи коллектива рассматриваются как факторы влияния на организационное поведение; изучается социально-психологический климат; влияние общественного внимания к коллективу; привлекательность содержания деятельности; наличие перспективы, конкретной цели; прогноз и активность человека. При этом изучение мотивации организационного поведения с точки зрения внутренней мотивации сотрудников, ее содержания и структуры встречается значительно реже. В российской психологии, и особенно в практике управления персоналом, эти исследования практически не представлены за редким исключением [1]. Между тем этот подход сегодня приобретает особую популярность в международных исследованиях и в лучших практиках управления развитием человеческих ресурсов в организации [19].

В конце девяностых годов двадцатого века российским исследователям стала доступна публикация о соотношении внешней и внутренней мотивации человека с точки зрения характера и качества выполняемой им деятельности¹. В данной статье проводится

системный анализ результатов исследований, проведенных в рамках теории самодетерминации. Рядом авторов было показано, что возможность самостоятельного выбора деятельности, своевременная обратная связь и уверенность человека в своей компетентности выступают залогом эффективности выполнения работы различной степени перцептивной и когнитивной сложности [6; 11: с. 483]. Кроме того, была установлена прямая зависимость высокой внутренней мотивации к деятельности от удовлетворения потребности в компетентности и эффективности [7; 16].

В течение последних лет в рамках теории самодетерминации было выполнено много исследований организационного поведения [18; 20]. Целью данной статьи является обобщение результатов наиболее значимых исследований для изучения организационного поведения и разработки возможных программ развития организационного поведения для повышения его эффективности.

Системный анализ положений теории самодетерминации

Теория самодетерминации — метатеория, объединяющая в себе шесть относительно самостоятельных теорий, каждая из которых имеет обширную эмпирическую базу для подтверждения своих положений и постулатов [17]. Каждая из этих теорий базируется на признании общего тезиса о наличии трех базовых потребностей, определяющих характер поведения личности. Первая из них — *потребность в автономии*, т. е. стремление быть не только инициатором собственных действий, но самостоятельно регулировать поведение в зависимости от текущих задач. *Потребность в компетентности* также является базовым стремлением личности. Она заключается в желании быть эффективным и достигать определенных результатов деятельности. *Потребность во взаимосвязи с другими членами общества* выделяется с учетом того, что личность невозможно рассматривать в отрыве от социума. В ее основе лежит чувство принадлежности к определенной группе. В трудовой деятельности

¹ Чирков В. И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека // Вопросы психологии. 1996. № 3. С. 116–132.

и в жизнедеятельности эти три базовые потребности, а точнее, их полноценное удовлетворение, создают фундамент успешного функционирования [3; 9].

Первоначально в теории самодетерминации рассматривались различные типы мотивации человеческого поведения и деятельности, в том числе трудовой.

Интринсивная мотивация (внутренняя) — наиболее известный конструкт — может иметь автономный, самостоятельный и внешне контролируемый характер. Автономная мотивация характеризуется тем, что люди занимаются деятельностью с полным чувством готовности, по собственной воле и в результате личного выбора. При этом авторы полагают, что в контексте трудовой мотивации внешне детерминированная деятельность может при некоторых обстоятельствах быть также автономно мотивирована. Иными словами, выполнение работы, заданной внешне, может стать внутренней задачей, повышающей ценность работы и ставящей собственные цели для деятельности на каждом рабочем месте. Контролируемая мотивация либо за счет условных вознаграждений, либо под влиянием власти и статуса руководителя может сузить круг усилий сотрудников, дать краткосрочный выигрыш на целевые результаты и оказать

негативное побочное влияние на последующую производительность и вовлеченность сотрудников в работу [6].

Комбинации альтернатив — «автономность/контролируемость», «внешний/внутренний характер происхождения и контроля мотивации» — формируют типичные мотивационные типы поведения сотрудников (каузальные ориентации сотрудников) [18]. Чаще всего встречаются:

- ориентация на автономию, при которой удовлетворение трех базовых потребностей продуцирует инициативность и заинтересованность в работе;
- контролируемая ориентация: связана с внешним по отношению к человеку контролем и преимущественно с внешними инструкциями; потребность в автономии не выражена, но выражены потребности в компетентности и связанности с другими людьми;
- безличная ориентация, для которой характерна депривация базовых потребностей; эта ориентация направлена на выполнение деятельности и получение результата такого уровня, которые позволяют избежать негативных оценок и сбоев в работе.

Общая схема организационного поведения в теории самодетерминации представлена на рисунке 1 [7: с. 23].

Рис. 1. Общая модель исследований поведения в организации в теории самодетерминации

Для развития интринсивной мотивации важен уровень сложности выполняемой деятельности: для развития и поддержания внутренней мотивации деятельность должна быть оптимального уровня сложности. Простая деятельность не стимулирует развитие внутренней мотивации, поскольку не позволяет человеку почувствовать свою эффективность, пережить успех от преодоления трудностей и наглядно подтвердить собственную самореализацию.

Проведенные исследования показывают, что организационное поведение может создавать условия для развития внутренней мотивации [2; 4]. В теории самодетерминации изучаются возможности развития человеческих ресурсов в зависимости от типов мотивации [5]. В ряде исследований показано, что мотивация на рабочем месте меняется у человека от внешней, инактивной мотивации, направленной на соответствие внешним требованиям и оценкам деятельности, до личностной включенности, личной заинтересованности в работе и преимущественно личной по локализации и происхождению оценке качества деятельности [10; 14]. В современных исследованиях показана зависимость процессов удовлетворения базовых потребностей сотрудников организации от характеристик социально-психологического климата в организации, стиля управления, способа планирования и организации работы [8; 13]. Важную роль также играют компенсационные управленческие стратегии и миссия организации [12]. Можно утверждать, что организационные и социально-психологические особенности предприятия задают качество мотивационных тенденций поведения сотрудников.

Несколько крупных исследований деятельности руководителей организаций показали, что психологическое благополучие сотрудников предприятия связано с поддержкой и удовлетворением у людей потребности в автономии [1; 17]. Такие стратегии способствуют вовлеченности сотрудников в деятельность предприятия, что, в свою очередь, приводит к росту производительности труда и росту эффективности деятельности. Основываясь на идее о том, что труд во взрослом

возрасте выступает необходимым условием развития личности, можно предположить, что управление кадровым потенциалом на основе удовлетворенности потребности в автономии и внутренней мотивации будет способствовать развитию личностного потенциала сотрудников. Эта гипотеза нуждается в эмпирической проверке в условиях деятельности российских организаций.

Еще одним направлением исследований в рамках теории самодетерминации является разработка и адаптация уже созданных измерительных инструментов для оценки различных аспектов организационного поведения. Сегодня установлено, что одна из широко распространенных в этой сфере методик (опросник профессиональной мотивации (ОПМ)) обладает хорошими психометрическими характеристиками, удобна в использовании и для ученых, и для практиков. Результаты исследований, выполненных с помощью этого опросника, показали, что снижение увлеченности деятельностью, эмоциональное истощение, неадекватная самооценка эффективности деятельности сотрудников, а также скука связаны с автономной и контролируемой мотивацией. Напротив, было показано, что автономная мотивация обуславливает эффективное выполнение производственных задач и позитивное функционирование сотрудников [1].

Таким образом, поведение человека в организации детерминировано совокупностью влияния внешних и внутренних источников. Тем не менее интринсивная мотивация представляет собой совокупность динамических и содержательных характеристик, внутриличностных по происхождению и опосредованных содержанием деятельности. При условии высокого уровня развития внутренней мотивации человек действует с учетом внешних обстоятельств, однако не подчиняется им. Вместе с тем вопрос о том, как связаны различные виды мотивации и можно ли говорить в организационном поведении о генезисе интринсивной мотивации из других видов, остается открытым.

Заключение

Теория самодетерминации представляет собой новое и перспективное направление научных исследований и практических действий в области изучения организационного поведения людей и разработки стратегий его изменения. Системный анализ содержания внутренней мотивации и динамики ее воздействия может быть дополнен изучением вопроса локализации контроля действий и ответственности за совершенный выбор. На сегодняшний день актуальным является вопрос изучения того, как организационное поведение связано с содержанием и локусом социальных

сравнений. Что является для сотрудника организации фокусом и эталоном для самооценки в производственной сфере: он сам, его прошлый опыт, поведение и достижения других сотрудников и руководства организацией? Какими характеристиками организационной культуры и в целом организационной среды поддерживается механизм социального сравнения? Существует ли связь между типом и содержанием мотивационной основы деятельности и локусом социального сравнения? Эти и ряд других вопросов могут стать направлениями развития теории самодетерминации для изучения организационного поведения.

Литература

1. Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности / Е. Н. Осин и др. // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 4. С. 21–49.
2. **Allan B. A.** Outcomes of meaningful work: A meta-analysis / B. A. Allan et al. // *Journal of Management Studies*. 2019. Vol. 56. Iss. 3. P. 500–528. DOI: 10.1111/joms.12406
3. **Chen M. H., Tseng M., Teng M. J.** Creative entrepreneurs' well-being, opportunity recognition and absorptive capacity: Self-determination theory perspective // *Entrepreneurship Research Journal*. 2020. Vol. 10. Iss. 1. P. 20180171. DOI: 10.1515/erj-2018-0171
4. **Chiu H. H.** Employees' intrinsic and extrinsic motivations in innovation implementation: The moderation role of managers' persuasive and assertive strategies // *Journal of Change Management*. 2018. Vol. 18. Iss. 3. P. 218–239. DOI: 10.1080/14697017.2017.1407353
5. **Chua J., Ayoko O. B.** Employees' self-determined motivation, transformational leadership and work engagement // *Journal of Management & Organization*. 2021. Vol. 27. Iss. 3. P. 523–543. DOI: 10.1017/jmo.2018.74
6. **Deci E. L., Connell J. P., Ryan R. M.** Self-determination in a work organization // *Journal of Applied Psychology*. 1989. Vol. 74. Iss. 4. P. 580–590. DOI: 10.1037/0021-9010.74.4.580
7. **Deci E. L., Olafsen A. H., Ryan R. M.** Self-determination theory in work organizations: the state of a science // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2017. Vol. 4. Iss. 1. P. 19–43. DOI: 10.1146/annurev-orgpsych-032516-113108
8. **Denneson L. M., Ono S. S., Dobscha S. K.** The applicability of self-determination theory to health coaching: a qualitative analysis of patient experiences // *Coaching—An International Journal of Theory Research and Practice*. 2020. Vol. 13. Iss. 2. P. 163–175. DOI: 10.1080/17521882.2019.1673457
9. **Howard J. L.** Using bifactor exploratory structural equation modeling to test for a continuum structure of motivation / J. L. Howard et al. // *Journal of Management*. 2018. Vol. 44. Iss. 7. P. 2638–2664. DOI: 10.1177/0149206316645653
10. **Montani F.** Job insecurity and innovative work behavior: A moderated mediation model of intrinsic motivation and trait mindfulness / F. Montani et al. // *Stress and Health*. 2021. Vol. 37. Iss. 4. P. 742–754. DOI: 10.1002/smi.3034
11. **Ryan R. M., Deci E. L.** Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. New York: Guilford Publishing, 2017. 756 p. DOI: 10.1521/978.14625/28806
12. **Ryan R. M., Scott R. C.** Self-determination theory in human resource development: New directions and practical considerations // *Advances in Developing Human Resources*. 2018. Vol. 20. Iss. 2. P. 133–147. DOI: 10.1177/1523422318756954
13. **Sheldon K. M.** Comparing Holland and Self-Determination Theory Measures of Career Preference as Predictors of Career Choice / K. M. Sheldon et al. // *Journal of Career Assessment*. 2019. Vol. 28. Iss. 1. P. 28–42. DOI: 10.1177/1069072718823003

14. **Slemp G. R.** Leader autonomy support in the workplace: A meta-analytic review / G. R. Slemp et al. // *Motivation and Emotion*. 2018. Vol. 42. Iss. 5. P. 706–724. DOI: 10.1007/s11031-018-9698-y
15. **Slemp G. R., Kern M. L., Vella-Brodrick D. A.** Workplace well-being: The role of job crafting and autonomy support // *Psychology of Well-Being*. 2015. Vol. 5. Iss. 1. DOI: 10.1186/s13612-015-0034-y; URL: <https://psywb.springeropen.com/articles/10.1186/s13612-015-0034-y> (access date: 14.10.2021).
16. **Smokrović E.** The effect of job satisfaction, absenteeism, and personal motivation on job quitting: A survey of Croatian nurses / E. Smokrović et al. // *Journal of East European Management Studie*. 2019. Vol. 24. Iss. 3. P. 398–422. DOI: 10.5771/0949-6181-2019-3-398
17. **Solberg E., Lai L. D., Dysvik A.** When midway won't do: the curvilinear relationship between intrinsic motivation and willingness to be flexible // *Journal of Managerial Psychology*. 2021. Vol. 36. Iss. 2. P. 156–169. DOI: 10.1108/JMP-02-2020-0107
18. **Van den Broeck A.** Beyond intrinsic and extrinsic motivation: A meta-analysis on self-determination theory's multidimensional conceptualization of work motivation / A. Van den Broeck et al. // *Organizational Psychology Review*. 2021. Vol. 11. Iss. 3. P. 240–273. DOI: 10.1177/20413866211006173
19. **Yu S., Levesque-Bristol C., Maeda Y.** General need for autonomy and subjective well-being: A meta-analysis of studies in the US and East Asia // *Journal of Happiness Studies*. 2018. Vol. 19. Iss. 6. P. 1863–1882. DOI: 10.1007/s10902-017-9898-2
20. **Zhu Y. O., Gardner D. G., Chen H. G.** Relationships between work team climate, individual motivation, and creativity // *Journal of Management*. 2016. Vol. 44. Iss. 5. P. 2094–2115. DOI: 10.1177/0149206316638161

References

1. Professional'naya motivaciya sotrudnikov rossijskix predpriyatij: diagnostika i svyazi s blagopoluchiem i uspeshnost'yu deyatel'nosti [Professional motivation of employees of Russian enterprises: diagnostics and links with the well-being and success of activities] / E. N. Osin et al. // *Organizacionnaya psixologiya [Organizational Psychology]*. 2017. Vol. 7. Iss. 4. P. 21–49.
2. **Allan B. A.** Outcomes of meaningful work: A meta-analysis / B. A. Allan et al. // *Journal of Management Studies*. 2019. Vol. 56. Iss. 3. P. 500–528. DOI: 10.1111/joms.12406
3. **Chen M. H., Tseng M., Teng M. J.** Creative entrepreneurs' well-being, opportunity recognition and absorptive capacity: Self-determination theory perspective // *Entrepreneurship Research Journal*. 2020. Vol. 10. Iss. 1. P. 20180171. DOI: 10.1515/erj-2018-0171
4. **Chiu H. H.** Employees' intrinsic and extrinsic motivations in innovation implementation: The moderation role of managers' persuasive and assertive strategies // *Journal of Change Management*. 2018. Vol. 18. Iss. 3. P. 218–239. DOI: 10.1080/14697017.2017.1407353
5. **Chua J., Ayoko O. B.** Employees' self-determined motivation, transformational leadership and work engagement // *Journal of Management & Organization*. 2021. Vol. 27. Iss. 3. P. 523–543. DOI: 10.1017/jmo.2018.74
6. **Deci E. L., Connell J. P., Ryan R. M.** Self-determination in a work organization // *Journal of Applied Psychology*. 1989. Vol. 74. Iss. 4. P. 580–590. DOI: 10.1037/0021-9010.74.4.580
7. **Deci E. L., Olafsen A. H., Ryan R. M.** Self-determination theory in work organizations: the state of a science // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2017. Vol. 4. Iss. 1. P. 19–43. DOI: 10.1146/annurev-orgpsych-032516-113108
8. **Denneson L. M., Ono S. S., Dobscha S. K.** The applicability of self-determination theory to health coaching: a qualitative analysis of patient experiences // *Coaching-An International Journal of Theory Research and Practice*. 2020. Vol. 13. Iss. 2. P. 163–175. DOI: 10.1080/17521882.2019.1673457
9. **Howard J. L.** Using bifactor exploratory structural equation modeling to test for a continuum structure of motivation / J. L. Howard et al. // *Journal of Management*. 2018. Vol. 44. Iss. 7. P. 2638–2664. DOI: 10.1177/0149206316645653
10. **Montani F.** Job insecurity and innovative work behavior: A moderated mediation model of intrinsic motivation and trait mindfulness / F. Montani et al. // *Stress and Health*. 2021. Vol. 37. Iss. 4. P. 742–754. DOI: 10.1002/smi.3034
11. **Ryan R. M., Deci E. L.** Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. New York: Guilford Publishing, 2017. 756 p. DOI: 10.1521/978.14625/28806
12. **Ryan R. M., Scott R. C.** Self-determination theory in human resource development: New directions and practical considerations // *Advances in Developing Human Resources*. 2018. Vol. 20. Iss. 2. P. 133–147. DOI: 10.1177/1523422318756954

13. **Sheldon K. M.** Comparing Holland and Self-Determination Theory Measures of Career Preference as Predictors of Career Choice / K. M. Sheldon et al. // *Journal of Career Assessment*. 2019. Vol. 28. Iss. 1. P. 28–42. DOI: 10.1177/1069072718823003
14. **Slemp G. R.** Leader autonomy support in the workplace: A meta-analytic review / G. R. Slemp et al. // *Motivation and Emotion*. 2018. Vol. 42. Iss. 5. P. 706–724. DOI: 10.1007/s11031-018-9698-y
15. **Slemp G. R., Kern M. L., Vella-Brodrick D. A.** Workplace well-being: The role of job crafting and autonomy support // *Psychology of Well-Being*. 2015. Vol. 5. Iss. 1. DOI: 10.1186/s13612-015-0034-y; URL: <https://psywb.springeropen.com/articles/10.1186/s13612-015-0034-y> (access date: 14.10.2021).
16. **Smokrović E.** The effect of job satisfaction, absenteeism, and personal motivation on job quitting: A survey of Croatian nurses / E. Smokrović et al. // *Journal of East European Management Studie*. 2019. Vol. 24. Iss. 3. P. 398–422. DOI: 10.5771/0949-6181-2019-3-398
17. **Solberg E., Lai L. D., Dysvik A.** When midway won't do: the curvilinear relationship between intrinsic motivation and willingness to be flexible // *Journal of Managerial Psychology*. 2021. Vol. 36. Iss. 2. P. 156–169. DOI: 10.1108/JMP-02-2020-0107
18. **Van den Broeck A.** Beyond intrinsic and extrinsic motivation: A meta-analysis on self-determination theory's multidimensional conceptualization of work motivation / A. Van den Broeck et al. // *Organizational Psychology Review*. 2021. Vol. 11. Iss. 3. P. 240–273. DOI: 10.1177/20413866211006173
19. **Yu S., Levesque-Bristol C., Maeda Y.** General need for autonomy and subjective well-being: A meta-analysis of studies in the US and East Asia // *Journal of Happiness Studies*. 2018. Vol. 19. Iss. 6. P. 1863–1882. DOI: 10.1007/s10902-017-9898-2
20. **Zhu Y. O., Gardner D. G., Chen H. G.** Relationships between work team climate, individual motivation, and creativity // *Journal of Management*. 2016. Vol. 44. Iss. 5. P. 2094–2115. DOI: 10.1177/0149206316638161

УДК 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.6

СИСТЕМНАЯ ОЦЕНКА СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

Е. П. Васечко,

НВИ войск национальной гвардии, Новосибирск,
Vasechko.1977@bk.ru,

Т. А. Кононова,

НВИ войск национальной гвардии, Новосибирск,
Teka712@mail.ru

Статья посвящена проблеме системной оценки стрессоустойчивости курсантов военных институтов с целью создания программы, направленной на формирование высокой стрессоустойчивости военнослужащих. Развивать и формировать стрессоустойчивость курсантов необходимо задолго до того, как военнослужащие попадут в реальную боевую обстановку. В настоящей работе приводится анализ данных, полученных на этапе диагностики такого профессионально важного качества, как стрессоустойчивость.

В исследовании приняли участие курсанты Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии в составе штатных подразделений. По результатам исследования было выявлено, что курсантов можно отнести к группе людей с хорошими и средними адаптационными способностями. Обследуемые оценивают свой уровень стрессоустойчивости чуть выше среднего. При этом, согласно показателям методик, у обследуемых выявлен высокий уровень стрессочувствительности, учебного стресса, а также преобладание деструктивных способов преодоления стрессов над конструктивными. Исходя из полученных данных, необходимо систематически развивать и формировать стрессоустойчивость курсантов в рамках специализированных программ повышения стрессоустойчивости.

Ключевые слова: стрессоустойчивость; системная оценка; адаптация; личность военнослужащего; психологическая подготовка; военно-профессиональная пригодность; курсанты военных вузов.

Для цитаты: Васечко Е. П., Кононова Т. А. Системная оценка стрессоустойчивости курсантов военных институтов // Системная психология и социология. 2021. № 4 (40). С. 68–74. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.6

Васечко Евгений Петрович, преподаватель кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск.

E-mail: vasechko.1977@bk.ru

ORCID: 0000-0002-2132-6873

Кононова Татьяна Александровна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск.

E-mail: teka712@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9250-7359

UDC 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.6

THE SYSTEM ASSESSMENT OF STRESS RESISTANCE OF MILITARY INSTITUTES CADETS

E. P. Vasechko,

NMI of the National Guard troops, Novosibirsk,
Vasechko.1977@bk.ru,

T. A. Kononova,

NMI of the National Guard troops, Novosibirsk,
Teka712@mail.ru

The article is devoted to the problem of system assessment of stress resistance of military institutes cadets in order to create a program aimed at the formation of high stress resistance of military personnel. It is necessary to develop and form the stress resistance of cadets long before the servicemen get into a real combat situation. This paper provides an analysis of the data obtained at the stage of diagnosis of such a professionally important quality as the stress resistance of cadets.

Cadets of Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev of the National Guard troops as part of regular units took part in the research. According to the results of the study, it was revealed that the cadets can be attributed to a group of people with good and average adaptive abilities. The subjects assess their level of stress tolerance slightly above average. At the same time, according to the indicators of the methods, the subjects revealed a high level of stress sensitivity a high level of educational stress, as well as the predominance of destructive ways of overcoming stress over constructive ones. Based on the data obtained, it is systematically necessary to develop and form the stress resistance of cadets within the framework of specialized programs of increasing stress resistance.

Keywords: stress resistance; systemic assessment; adaptation; personality of a serviceman; psychological training; military-professional fitness; cadets of military universities.

For citation: Vasechko E. P., Kononova T. A. The system assessment of stress resistance of military institutes cadets // Systems psychology and sociology. 2021. № 4 (40). P. 68–74. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.6

Vasechko Evgeny Petrovich, teacher of the Department of Military Pedagogy and Psychology of the Novosibirsk Military Order of the Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia.

E-mail: vasechko.1977@bk.ru

ORCID: 0000-0002-2132-6873

Kononova Tatyana Alexandrovna, PhD in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Military Pedagogy and Psychology of the Novosibirsk Military Order of the Zhukov Institute named after Army General I. K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia.

E-mail: teka712@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9250-7359

Введение

Профессиональная подготовка будущих офицеров является психолого-педагогическим процессом, направленным на формирование и развитие профессионально важных качеств к предстоящей деятельности по обеспечению государственной безопасности. Одним из таких

качеств является стрессоустойчивость. Обучение в стенах военного института способствует формированию ответственности за принятые решения, а также повышению требований к моральным, боевым и психологическим качествам курсантов.

Будущих офицеров необходимо готовить в образовательной среде военного вуза не только с точки зрения формирования ряда

профессиональных компетенций, но и психологически. Психологическое обеспечение служебно-боевой деятельности — это комплекс мероприятий, направленный на изучение служебно-боевой деятельности, поддержание профессиональной пригодности военнослужащих посредством психологической диагностики профессионально необходимых и важных качеств, в частности стрессоустойчивости.

Стрессоустойчивость военнослужащих

Боевые действия зачастую сопровождаются повышенным стрессовым влиянием на психику военнослужащего [3; 10]. Реакция участника боевых событий на стрессовые факторы зависит как от их значимости для военнослужащего, так и от возможностей саморегуляции поведения [2]. Существенность влияния на психику военнослужащего различных боевых условий определяется также психологическими характеристиками его личности [12]. Результативность совладающего со стрессом поведения военнослужащего зависит от уровня развития способности преодолевать дестабилизирующее влияние боевых стресс-факторов на его психику [7; 11].

Особую актуальность проблема формирования стрессоустойчивости в войсках приобрела в связи с политической обстановкой на территориях советских республик после распада Советского Союза, экономическая нестабильность спровоцировала возникновение вооруженных конфликтов. Наиболее ярким примером явился Северный Кавказ в начале 90-х годов прошлого столетия. Решение задачи обеспечения правопорядка и безопасности государства требует применения последовательного системного подхода [8: с. 216] к формированию профессионально важных качеств военнослужащих, важнейшим из которых является стрессоустойчивость [6].

Анализ войсковой практики в период выполнения задач в Грозном на Северном Кавказе свидетельствует о значительных проблемах и затруднениях, которые испытывают военнослужащие в стрессовых (боевых) ситуациях, показывает низкую стрессоустойчивость, отсутствие единого подхода в развитии

и формировании стрессоустойчивости в период обучения и подготовки будущих офицеров войск национальной гвардии [4].

Стрессоустойчивость — это качество, которое необходимо формировать в процессе обучения, включая элементы практики и тренировки, что в будущем позволит значительно повысить уровень успешности в решении задач военного специалиста и сохранить психическое здоровье [9]. Это процесс целенаправленный, систематический и непрерывный, в структуру которого входят такие качества, как самооценка, адаптивность, жизнестойкость, коммуникабельность, смысложизненные ориентации и т. д. [5].

Исходя из вышесказанного, стрессоустойчивость можно рассматривать, как профессионально важное качество личности военнослужащего войск национальной гвардии РФ. При этом стрессоустойчивость необходимо развивать в процессе обучения курсантов военных вузов [1]. Период обучения представляет интерес в целенаправленной работе по осмыслению и формированию характеристик стрессоустойчивости курсантов и является наиболее важным возрастным периодом для личностного развития будущих военных.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие курсанты Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии РФ (НВИ РФ) в составе штатных подразделений. Цель исследования — системная оценка специфики и основных компонентов стрессоустойчивости курсантов.

Настоящая работа представляет собой диагностический этап исследования с целью дальнейшей разработки и апробации программы формирования стрессоустойчивости курсантов.

Системная оценка уровня стрессоустойчивости у курсантов проводилась с использованием следующих методик: многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина (МЛО-АМ), тест смысложизненных ориентаций в адаптации

Д. А. Леонтьева (СЖО), самооценка стрессоустойчивости личности Ю. В. Щербатых, тест на стрессоустойчивость Ю. В. Щербатых, тест на определение уровня учебного стресса Ю. В. Щербатых¹.

Были собраны две группы в количестве 90 человек в каждой — экспериментальная (ЭГ-1, средний возраст — 19,1 года) и контрольная (КГ-1, средний возраст — 19,3 года). В состав обеих групп вошли курсанты с одинаковым базовым уровнем образования и качественным психологическим показателем, определенном при поступлении на военную службу. Все испытуемые — мужчины.

Результаты оценки стрессоустойчивости

Результаты применения методики «Адаптивность» показали, что параметры «поведенческая регуляция», «коммуникативный

проходят серьезный отбор и лица с акцентуациями характера и признаками психопатий не допускаются к поступлению в военные институты.

Результаты применения методики определения смысложизненных ориентаций показали, что параметры «цели в жизни», «процесс жизни», «результативность жизни», «локус контроля — Я» и «общий показатель осмысленности жизни» выражены на среднем уровне. Это означает, что у курсантов есть цели на будущее, им нравится, как устроена их жизнь сейчас, они оценивают свою прошлую жизнь как продуктивную, они чувствуют себя в силах что-то частично менять в своей жизни, а жизнь в целом кажется им вполне осмысленной.

Параметр «локус контроля — жизнь» выражен на высоком уровне (табл. 1). Это означает: курсанты убеждены, что они могут полностью контролировать свою судьбу,

Таблица 1

Данные по результатам методики СЖО

Параметры	Средние значения		Уровень выраженности показателя
	ЭГ-1	КГ-1	
Цели в жизни	37,40	38,01	средний
Процесс жизни	32,71	32,60	средний
Результативность жизни	30,54	30,01	средний
Локус контроля — Я	25,09	24,91	средний
Локус контроля — жизнь	38,08	37,87	высокий
Общий показатель осмысленности жизни	110,43	110,35	средний

потенциал» и «моральная нормативность» выражены ниже статистической нормы. Это означает, что у курсантов могут проявляться следующие поведенческие особенности: склонность к нервно-психическим срывам, трудности в адаптации и принятии своей роли в коллективе, сложности в установлении новых коммуникаций, а также агрессия (скрытая или выраженная).

Показатель по параметру «личностный адаптационный потенциал» позволяет отнести курсантов к группе хороших адаптационных способностей. По всей видимости, это связано с тем, что обследуемые при поступлении

свободно принимать решения, ориентируясь на собственные желания и предпочтения.

Результаты применения методики самооценки стрессоустойчивости личности представлены в таблице 2. Учитывая полученные данные, можно заметить, что курсанты оценивают свой уровень стрессоустойчивости чуть выше среднего. Однако исходя из результатов других методик, обследуемые обладают повышенной самооценкой.

Результаты применения теста на стрессоустойчивость Ю. В. Щербатых приведены в таблице 3. Полученные данные показывают, что параметры «базовый уровень стрессочувствительности», «показатель динамической чувствительности к стрессам» и «общий уровень стрессочувствительности» имеют

¹ Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции. СПб.: Питер, 2006. С. 44–67.

Таблица 2

Данные по результатам методики самооценки стрессоустойчивости личности

Параметры	Средние значения		Уровень выраженности показателя
	ЭГ-1	КГ-1	
Самооценка стрессоустойчивости личности	33,97	34,13	выше среднего

Таблица 3

Данные по результатам теста на стрессоустойчивость

Параметры	Средние значения		Уровень выраженности показателя
	ЭГ-1	КГ-1	
Базовый уровень стрессочувствительности	105,96	106,82	высокий
Показатель динамической чувствительности к стрессам	77,70	77,30	высокий
Общий уровень стрессочувствительности	86,77	87,12	повышенный
Повышенная реакция на обстоятельства	27,65	26,95	средний
Склонность все излишне усложнять	27,40	27,61	высокий
Предрасположенность к психосоматическим заболеваниям	24,32	24,01	средний
Деструктивные способы преодоления стрессов	27,78	27,50	высокий
Конструктивные способы преодоления стрессов	26,50	26,43	средний

высокий уровень выраженности, что может говорить о низком уровне стрессоустойчивости. Кроме того, обследование демонстрирует, что курсантам свойственна склонность все усложнять при высоком уровне деструктивного способа преодоления стрессовых ситуаций.

В таблице 4 представлены данные курсантов по результатам теста на определение уровня учебного стресса. Высокий уровень учебного стресса может говорить о низкой способности к саморегуляции поведения, в результате которого у курсантов возникает сильное психологическое напряжение во время учебной деятельности.

взаимодействия, агрессивность, проявление замкнутости, повышение психической напряженности, снижение психологической устойчивости.

Таким образом, стрессоустойчивость как профессионально важное качество военнослужащего, безусловно, оказывает влияние на эффективность и скорость выполнения учебных и служебных задач. При низком уровне развития стрессоустойчивости невозможно исключить невротические и психотические расстройства, что в конечном счете может привести к потере боеспособности воинского подразделения. В этой связи некоторым курсантам с низкой стрессоустойчивостью

Таблица 4

Данные по результатам теста на определение уровня учебного стресса

Параметры	Средние значения		Уровень выраженности показателя
	ЭГ-1	КГ-1	
Уровень учебного стресса	85,76	86,68	высокий

Учебный стресс оказывает на курсантов высокую степень влияния, затрудняет деятельность как отдельно взятого военнослужащего, так и воинского коллектива. В стрессовых ситуациях наблюдается ухудшение дисциплины, снижение ценности нравственных форм поведения, нарушение межличностного

может потребоваться своевременная и квалифицированная психологическая помощь. Психологическая помощь может быть оказана военнослужащим как индивидуально, так и в группе посредством своевременной диагностики текущего состояния, проведения психологически-ориентированных бесед, анализа

независимых характеристик, а также терапевтических методик (когнитивно-поведенческая терапия, терапия посредством творческого самовыражения).

Заключение

Системная оценка результатов исследования позволяет сделать следующее обобщение: несмотря на то что у курсантов выявлен низкий уровень поведенческой регуляции, коммуникативных способностей и моральной нормативности, их можно отнести к группе людей с хорошими и средними адаптацион-

ными способностями. В целом обследуемые удовлетворены своей жизнью, хотя и не всегда уверены в своих силах. Курсанты оценивают свой уровень стрессоустойчивости чуть выше среднего. При этом, согласно показателям методик, у обследуемых выявлен высокий уровень стрессочувствительности, учебного стресса, а также преобладание деструктивных способов преодоления стрессов над конструктивными. Исходя из полученных данных, необходимо систематически развивать и формировать стрессоустойчивость курсантов в рамках специализированных программ повышения стрессоустойчивости.

Литература

1. **Авдиенко Г. Ю., Гайворонский Г. О.** Стрессоустойчивость военнослужащих войск национальной гвардии и программа по ее повышению // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2018. № 4 (5). С. 45–47.
2. **Аверьянов К. С., Митасова Е. В.** Влияние саморегуляции на уровень стрессоустойчивости у военнослужащих // Актуальные проблемы адаптации курсантов образовательных организаций МВД России к условиям профессиональной деятельности: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 26 февраля 2020 г.). М.: Моск. ун-т МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2020. С. 17–19.
3. **Ванесян А. С., Мокеев Г. И.** Формирование и повышение стрессоустойчивости — основа боеспособности военнослужащих Российской Федерации // Инновационная наука. 2020. № 9. С. 82–86.
4. **Васечко Е. П., Кононова Т. А.** Специфика учебного процесса в условиях военного института войск национальной гвардии Российской Федерации // Сибирский учитель. 2018. № 6. С. 14–18.
5. **Дербин П. А., Петровская М. В.** Развитие стрессоустойчивости военнослужащих как направление психологической работы в подразделении // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2012. № 1 (3). С. 215–217.
6. **Лемешева В. И., Солдатов Е. А.** Системные стрессы и способы формирования стрессоустойчивости военнослужащих // Известия Российской военно-медицинской академии. 2020. Т. 39. № S2. С. 146–147.
7. **Лямзин Е. Н., Саванин И. А.** Фактор стрессоустойчивости как совокупность психологической и физической подготовки военнослужащих // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 3. С. 211–214.
8. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
9. **Хадарцев А. А., Стариков Н. Е., Грачев Р. В.** Профессиональный стресс у военнослужащих // Вестник новых медицинских технологий. 2020. Т. 27. № 2. С. 74–82.
10. **Mohammad A. A. A.** Resilience, burnout, and role stress among military personnel // Middle East Current Psychiatry. 2012. Vol. 19. Iss. 2. P. 123–129. DOI: 10.1097/01.xme.0000407820.80263.73
11. **Sudom K. A., Lee J. E. C., Zamorski M. A.** A longitudinal pilot study of resilience in Canadian military personnel // Stress and Health. 2014. Vol. 30. Iss. 5. P. 377–385. DOI: 10.1002/smi.2614
12. **Webb-Murphy J. A.** Operational stress and correlates of mental health among joint task force Guantanamo bay military personnel / J. A. Webb-Murphy et al. // Journal of Traumatic Stress. 2015. Vol. 28. Iss. 6. P. 499–504. DOI: 10.1002/jts.22057

References

1. **Avdienko G. Yu., Gajvoronskij G. O.** Stressoustojchivost' voennosluzhashhix vojsk nacional'noj gvardii i programma po ee povu'sheniyu [Stress tolerance of the troops of the National Guard and the program

for its improvement] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii [Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard]. 2018. № 4 (5). P. 45–47.

2. **Aver'yanov K. S., Mitasova E. V.** Vliyaniye samoregulyacii na uroven' stressoustojchivosti u voennosluzhashhix [The influence of self-regulation on the level of stress tolerance in military personnel] // Aktual'ny'e problemy' adaptacii kursantov obrazovatel'ny'x organizacij MVD Rossii k usloviyam professional'noj deyatel'nosti: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 26 fevralya 2020 g.) [Current problems of adapting cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia to the conditions of professional activity. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. M.: Mosk. un-t MVD RF im. V. Ya. Kikoty, 2020. P. 17–19.

3. **Vanesyan A. S., Mokeev G. I.** Formirovaniye i povy'sheniye stressoustojchivosti — osnova boesposobnosti voennosluzhashhix Rossijskoj Federacii [The formation and increase of stress resistance is the basis of combat effectiveness of the military personnel of the Russian Federation] // Innovacionnaya nauka [Innovative science]. 2020. № 9. P. 82–86.

4. **Vasechko E. P., Kononova T. A.** Specifika uchebnogo processa v usloviyax voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii [Specifics of the educational process in the conditions of the military institute of the National Guard of the Russian Federation] // Sibirskij uchitel' [Siberian teacher]. 2018. № 6. P. 14–18.

5. **Derbin P. A., Petrovskaya M. V.** Razvitiye stressoustojchivosti voennosluzhashhix kak napravleniye psixologicheskoy raboty v podrazdelenii [Development of stress tolerance of military personnel as a direction of psychological work in the unit] // Sovremennyye tekhnologii obespecheniya grazhdanskoj oborony i likvidacii posledstviy chrezvy'chajny'x situacij [Modern technologies for providing civil defense and eliminating the consequences of emergency situations]. 2012. № 1 (3). P. 215–217.

6. **Lemesheva V. I., Soldatov E. A.** Sistemny'e stressy i sposoby formirovaniya stressoustojchivosti voennosluzhashhix [Systemic stresses and methods of forming the stress tolerance of military personnel] // Izvestiya Rossijskoj Voenno-meditsinskoj akademii [News of the Russian Military Medical Academy]. 2020. Vol. 39. № S2. P. 146–147.

7. **Lyamzin E. N., Savanin I. A.** Faktor stressoustojchivosti kak sovokupnost' psixologicheskoy i fizicheskoy podgotovki voennosluzhashhix [Stress tolerance factor as a combination of psychological and physical training of military personnel] // Psixologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti [Psychology and pedagogy of official activity]. 2021. № 3. P. 211–214.

8. **Ry'zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [Systems psychology]. M.: T8 Izdatel'skie Tekhnologii, 2017. 356 p.

9. **Xadarcev A. A., Starikov N. E., Grachev R. V.** Professional'ny'j stress u voennosluzhashhix [Professional stress in military personnel] // Vestnik novy'x medicinskix tekhnologij [Bulletin of new medical technologies]. 2020. Vol. 27. № 2. P. 74–82.

10. **Mohammad A. A. A.** Resilience, burnout, and role stress among military personnel // Middle East Current Psychiatry. 2012. Vol. 19. Iss. 2. P. 123–129. DOI: 10.1097/01.xme.0000407820.80263.73

11. **Sudom K. A., Lee J. E. C., Zamorski M. A.** A longitudinal pilot study of resilience in Canadian military personnel // Stress and Health. 2014. Vol. 30. Iss. 5. P. 377–385. DOI: 10.1002/smi.2614

12. **Webb-Murphy J. A.** Operational stress and correlates of mental health among joint task force Guantanamo bay military personnel / J. A. Webb-Murphy et al. // Journal of Traumatic Stress. 2015. Vol. 28. Iss. 6. P. 499–504. DOI: 10.1002/jts.22057

**ПСИХОЛОГИЯ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В ДЕТСТВЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА**

Г. А. Урунтаева,
ИИДСВ РАО, Москва,
lotsman52@mail.ru

В статье рассматривается нравственное развитие в детстве в творчестве русского писателя конца XIX – начала XX в. Леонида Николаевича Андреева. Этот процесс он анализирует в условиях резкого пессимистического контраста между светлым миром детства и жестоким миром взрослых, обусловленного взаимосвязью рождения с надвигающейся смертью; социальной несправедливостью; равнодушием близких взрослых. Нравственное взросление ребенка неосознанно стимулируют взрослые, родители, случайно создающие для него реальную ситуацию тяжелого морального выбора. В поисках выхода из нее ребенок самостоятельно решает нравственную проблему, опираясь на образную логику, в совокупности моральных чувств, разума и воли, поэтапно переходя от остро переживаемых эмоций относительно проблемы и ее отрицания к пониманию ее сущности и выбору способа действия.

Главным условием нравственного взросления является духовная деятельность самого ребенка, а важнейшими приобретениями — произвольность поведения, умение понять точку зрения другого человека. Поведение ребенка, теряя детскую непосредственность, превращается из импульсивного и ситуативного в волевое. Он осознанно начинает, с одной стороны, строить нравственное поведение, направленное на помощь человеку, а с другой — на активный протест против несправедливостей мира взрослых или поиск идеала лучшей жизни. Протест может принять асоциальную направленность, а найденный идеал оказаться быстро разрушающейся иллюзией, краткое обладание которой все-таки возрождает духовную жизнь маленького человека.

Важными средствами нравственного развития являются чтение сказок, общение с природой и сверстниками, художественное творчество. Возрастные особенности взросления Андреев видит в усложнении предмета нравственного поведения — от понимания к сочувствию человеку и поиску идеала; в усложнении структуры нравственной деятельности — от организации помощи ближнему к активному протесту против зла жизни; а индивидуальные — в своеобразии эмоциональных переживаний и выборе способа решения нравственной проблемы.

Ключевые слова: Леонид Андреев; детство; агрессия; апатия; аффект; детская непосредственность; нравственное развитие; произвольность поведения; умение видеть точку зрения другого человека.

Для цитаты: Урунтаева Г. А. Психология нравственного развития в детстве в творчестве Леонида Андреева // Системная психология и социология. 2021. № 4 (40). С. 75–91. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.7

Урунтаева Галина Анатольевна, доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, Москва.

E-mail: lotsman52@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3515-4889

UDC 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.7

PSYCHOLOGY OF MORAL DEVELOPMENT IN CHILDHOOD IN THE WORK OF LEONID ANDREEV

G. A. Uruntaeva,
ISCFE RAO, Moscow,
lotsman52@mail.ru

The article examines the moral development in childhood in the work of the Russian writer of the late XIX – early XX century Leonid Nikolaevich Andreev. He analyzes this process in the context of a sharp pessimistic contrast between the bright world of childhood and the cruel world of adults, caused by the relationship of birth with impending death; social injustice; indifference of close adults. The moral maturation of a child is unconsciously stimulated by adults, parents, who accidentally create for him a real situation of difficult moral choice. Trying to find a way out, the child independently solves a moral problem, relying on figurative logic, in moral feelings, reasoning and will as a whole, gradually moving from acutely experienced emotions about the problem and its denial to understanding its essence and choosing the way of action.

The main condition for moral maturation is the spiritual activity of the child himself, and the most important acquisitions are the arbitrariness of behavior, the ability to understand the point of view of another person. The child's behavior, losing its childlike spontaneity, turns from impulsive and situational into volitional. On the one hand he consciously begins, to build moral behavior aimed at helping a person, and on the other hand, to protest against the injustices of the adult world or the search for the ideal of a better life. The protest may take an antisocial orientation, and the found ideal may turn out to be a rapidly collapsing illusion, the brief possession of which still revives the spiritual life of the child.

Reading fairy tales, communicating with nature and peers, and artistic creativity may become an important means of moral development. Andreev sees the age-related features of growing up in the complexity of moral behavior — from understanding to empathy for a person and the search for an ideal, as well as in the complexity of moral activity structure — from the organization of helping some person to an active protest against the evil of life, and individual — in the originality of emotional experiences and the choice of a way to solve moral problems.

Keywords: Leonid Andreev; childhood; aggression; apathy; affect; childlike spontaneity; moral development; arbitrariness of behavior; ability to see the point of view of another person.

For citation: Uruntaeva G. A. Psychology of moral development in childhood in the work of Leonid Andreev // *Systems Psychology and Sociology*. 2021. № 4 (40). P. 75–91. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.7

Uruntaeva Galina Anatolyevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, honored worker of higher education of the Russian Federation. The Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia.

E-mail: *lotsman52@mail.ru*

ORCID: 0000-0003-3515-4889

Введение

В России на рубеже XIX и XX вв. детская психология и дошкольная педагогика, формирующиеся в относительно самостоятельные отрасли знания, в процессе обучения отдавали приоритет нравственному становлению личности [11: с. 41; 17: с. 85]. Наряду с учеными — педагогами и психологами — к проблемам нравственного становления личности в детском

возрасте обратились писатели с позиций гуманизма, уважения детей, веры в их природную чистоту, искренность и совершенство, считавшие детство особым и значимым этапом в жизни человека. Писатели, освещавшие мир детства, способствовали тем самым превращению художественной литературы в специфическое средство познания детской психологии наряду с научными методами [11: с. 87]. В самой традиции, идущей от Л. Н. Толстого с его повестью «Детство» (1852), где впервые

описывался внутренний мир одного ребенка, а чуть позже и в рассказах А. П. Чехова (1883–1889), предстают не только индивидуальные, но и родовые черты детства, его гуманистически значимые ценности, которые разрушает жестокий мир взрослых [4: с. 62].

Нравственное развитие в детстве традиционно рассматривалось во взаимосвязи познавательной, волевой, эмоциональной сфер, через выражение отношения ребенка к социуму, людям, природе и самому себе [7; 9; 15: с. 320]. Увоенные им знания норм и правил поведения в обществе, понятия о добре и зле превращаются в мотивы поведения [20–22]. Он добровольно начинает выполнять моральные нормы, следовать привычкам нравственного поведения. Совершая или не совершая поступок, ребенок переживает чувство удовлетворения или вины, стыда [18; 19]. Эмоционально-положительное отношение к нравственным нормам сказывается в гуманистических чувствах (уважение, забота, отзывчивость, сопереживание, долг, ответственность и пр.). Важным приобретением нравственного взросления является соподчинение мотивов, произвольность поведения. Соподчинение мотивов складывается при их борьбе в ситуации выбора поступка, а само поведение из «полевого» с его импульсивностью и ситуативностью превращается в «волевое», теряя непосредственность, ведь ребенок сам его выбирает, а его мотивом становится нравственная норма [10; 14: с. 324; 15: с. 293]. Пути нравственного развития во многом определяют не только детские виды деятельности, но общение со взрослым как источником моральных знаний и оценок, примером для подражания [8: с. 123; 9].

В настоящее время прослеживается снижение нравственного и познавательного развития детей, вызванное уменьшением числа тесных контактов, личностно-эмоционального общения родителей с ребенком и их заменой на взаимодействие детей с виртуальной реальностью [16]. Таким образом, актуальным является обращение к опыту анализа нравственного взросления в детстве, накопленному в художественной литературе. К психологии нравственного развития в детстве обращался русский писатель Серебряного века

Леонид Николаевич Андреев [4: с. 104], который в рассказах одного из периодов своего творчества (1898–1903) описал этот процесс в условиях разрушения взрослыми светлого мира детства.

Взаимоотношения детского и взрослого миров: психологические аспекты нравственного взросления

Леонид Андреев был глубоко уверен, что детям присуща природная невинность, любознательность, познавательная активность, уверенность в том, что окружающий мир прекрасен, справедлив, а взрослые, особенно близкие, — их защитники, помощники. Он описал, как дети Стрелецкой слободы появлялись весной, живые, неудержимые, громкие, и жили беспокойной, шумной, веселой жизнью вместе с животными — вертящимися собаками, озабоченными курами, белыми тощими кошками («Весенние обещания»). «Как мухи на солнце, они бегали, ползали, кружились, и каждый в своей живой подвижности походил на троих, а смех их был как немолчное жужжание» [1: с. 213]. Мишка-исследователь, едва начавший ходить, ползал по зеленеющей траве на солнечной стороне под забором. Испугавшись собаки, грозного вертлявого воробья, долго и громко плакал. Пытался поймать прилетевшее откуда-то белое и легкое перышко, одушевляя его, уговаривал: «Голубосек. Миленький. Подозди». Оставшись один, малыш ощутил страх неизвестности, одиночества: «...ему хотелось есть, и дом был страшно далек, и не было возле близких людей, — это было так ужасно, что он поднялся, всхлипнул и, опустившись на четвереньки, пополз, куда глаза глядят» [1: с. 213]. Но, доверяя даже незнакомому кузнецу Меркулову, Мишка, когда тот его поднял и понес, «сразу успокоился и, покачиваясь на руках, сверху вниз, серьезно и самодовольно смотрел на страшную и теперь веселую улицу и ни разу до своего дома не взглянул на незнакомого человека, спасителя его» [1: с. 213].

Андреев видел крушение детского доверия к миру взрослых, оптимистических

надежд на лучшее будущее в резком пессимистическом контрасте, обусловленном взаимосвязью рождения с надвигающейся смертью; социальной несправедливостью; позицией близких взрослых, занятых лишь собой, не желающих понять детскую природу. Вот жители подвала радостно купают шестидневного, еще безымянного младенца, прикасаясь к его живому, пушистому, как бархат, нежному и слабому тельцу («В подвале»). «И так, вытянув шеи, бессознательно озаряясь улыбкой странного счастья, стояли они, вор, проститутка и одинокий, погибший человек, и эта маленькая жизнь, слабая, как огонек в степи, смутно звала их куда-то и что-то обещала, красивое, светлое и бессмертное. И гордо глядела на них счастливая мать...» [1: с. 181]. Умиравшему Хижнякову казалось, «что это родился он сам для новой жизни, и жить будет долго, и жизнь его будет прекрасна. Он любил и жалел эту новую жизнь, и это было так радостно... А у изголовья уже усаживалась бесшумно хищная смерть и ждала спокойно, терпеливо, настойчиво» [1: с. 181]. Не суждено сбыться надеждам и этого малыша прежде всего из-за огромного социального разрыва между жителями подвала и богатых квартир: «...вверху, от низкого потолка, тяжелой каменной громадой подымался дом, и в высоких комнатах его бродили богатые, скучающие люди...» [1: с. 181]. Безрадостно жили многие маленькие и взрослые герои Андреева, как в Стрелецкой слободе: «...под низкими потолками хат с утра плакали дети, отравленные гнилым воздухом, ругались взрослые и колотились друг о друга, бессильные выбиться из тисков жизни. И всем было больно» [1: с. 209] («Весенние обещания»). Типична сцена дисгармоничных отношений хозяина книжного магазина и мальчика на побегушках: «Седобородый господин с благородным выражением лица почтительно говорил с кем-то по телефону... и крикнул: “Мишка!” — и, когда мальчик вошел, сделал лицо неблагородным и свирепым и погрозил пальцем. “Тебе сколько раз кричать? Мерзавец!”» [1: с. 184] («Книга»). Он поручил двенадцатилетнему Мишке отнести тяжелую связку книг под названием «В защиту обездоленных», которую сам затруднился поднять.

«На тротуаре Мишка толкал прохожих... Тяжелая кипа давила ему спину, и он шатался; извозчики кричали на него, и когда он вспомнил, сколько ему еще идти, он испугался и подумал, что сейчас умрет. Он спустил связку с плеч и, глядя на нее, заплакал» [1: с. 185]. В участке, куда городской привез Мишку, составили протокол, где он поставил крестик. Так, идеи о помощи страдающим существовали параллельно их миру, даже типографские наборщики не читали книги, а неграмотным они «вредили».

Беззащитные дети подвергались унижениям, влачили унылое существование в мире взрослых, разочаровывались в нем и родных людях, переживали одиночество в жизни и ранней смерти. Большая стриженная голова Сенисты, мальчика-подмастерья из ателье, была удобной для частых подзатыльников («Гостинец»). Он не хотел, чтобы уходил пришедший в больницу Сазонка, мастер-портной, чтобы «ответным взглядом он еще раз подтвердил обещание не оставлять его в жертву одиночеству, болезни и страху» [1: с. 151]. Прощаясь, мальчик, над которым витал призрак скорой смерти, «совсем просто, как взрослый, высвободил руку из-под одеяла и, как равный, протянул ее Сазонке. <...> Было что-то загадочное в прикосновении тонких горячих пальчиков: как будто Сениста был не только равным всем людям на свете, но и выше всех и всех свободнее, и происходило это оттого, что принадлежал он теперь неведомому, но грозному и могучему хозяину. Теперь его можно было назвать Семеном Ерофеевичем» [1: с. 152]. Лишь на четвертый день Пасхи Сазонка пришел по солнечной с яркими пятнами кумачовых рубах улице в больницу с гостинцем. Он увидел тело вчера вечером умершего Семена в мертвецкой, где стоял страшный холод, а небо через покрытое паутиной окно было по-осеннему серым и холодным. Город с нестройным гулом праздничных веселых колоколов не заметил смерть никому не нужного мальчика с выразительной фамилией Пустошкин. Лишь пьяница Сазонка обвинял себя, интуитивно утверждая гуманистическую ценность жизни и личности каждого ребенка, выражая позицию писателя: «Умер одинокий, забытый — как щенок,

выброшенный на помойку. Только бы на день раньше — и потухающими глазами он увидел бы гостинец, и возрадовался бы детским своим сердцем и без боли, без ужасающей тоски одиночества полетела бы его душа к высокому небу» [1: с. 157].

Заметим, что высокие показатели детской смертности в России, по сравнению с Западной Европой, тревожили не только исследователей. Андреев с горечью писал: «Вот длинный ряд маленьких, осевших бугорков. Кто там? Ах, да. Это дети! Маленькие, резвые, шаловливые надежды. Их было так много и так весело и людно было от них в душе — но одна за другой умирали они» [2: с. 194]. Созвучен мнению Андреева призыв его современника, учредителя и члена совета Союза борьбы с детской смертностью в России, ученого-педиатра Н. П. Гундобина: «Бороться с детской смертностью необходимо постоянно, не упуская этой борьбы из виду на один день. Всякое промедление, всякая остановка в деятельности будет стоить тысячи человеческих жизней и притом жизней юных, полных сил, на которые возлагается вся надежда страны. <...> Несчастные дети не имеют не только право, но даже возможности выразить свой протест и нужды, но их тихие стоны несутся по всей России» [6: с. 29].

Исследователи подчеркивали огромную роль матери в становлении личности ребенка. Другой современник Андреева — известный в то время педагог, психиатр и детский психолог И. А. Сикорский, утверждал: «Наилучшей воспитательной средой служит для ребенка постоянное общение с матерью, в том случае, если мать остается для него кормилицей и няней. <...> Из этого физиологического источника сближения матери с ее ребенком вырастают будущие чувства человеческой солидарности и альтруизма» [13: с. 46–47]. Но самого Андреева интересовали тяжелые переживания детей в ситуациях разрыва эмоционально близких отношений с матерью, нарушающей нравственные нормы (равнодушие, ложь, жестокость, несправедливость, пьянство и пр.).

Нравственные пороки взрослых, разрушая гармоничный мир детства и доверие к социуму, ставят перед ребенком проблемы добра

и справедливости, смысла и счастья жизни, невольно стимулируя его нравственное развитие. Его сущность писатель, а здесь и психолог, видел, с одной стороны, в освоении ребенком произвольности поведения, а с другой — в осознанном выборе протеста против зла взрослого мира и поиске нравственного идеала.

Освоение ребенком произвольности поведения

Андреев прекрасно понимал, как маленький ребенок видит природный и социальный, семейный мир. Так, душа шестилетнего Юры, героя рассказа «Цветок под ногою», открытая огромному миру во дворе дома, в саду, в городе, тянулась «ко всему: к солнцу, к ножу и оструганной им палке, к тем прекрасном и загадочным далям, что видимы с высоты железной крыши» [3: с. 142]. У наблюдательного, любознательного мальчика-исследователя интерес вызывали высокие заборы, деревья, собаки, люди, превращающие жизнь в непрерывное чудо. Часто днем, лежа на спине в траве или на крыше, он следил за глубокой синевой неба, за тихо проплывающими белогрудыми, серебряными или золотыми облаками. Подчиняясь непосредственному восприятию, подмечал то, что не видят взрослые с высоты своего большого роста: «землю... со всем ее неисчерпаемым богатством камней, травы, бархатистой горячей пыли и... изумительно разнообразного, таинственного и восхитительного сора... И, засыпая, последним ярким образом от прожитого дня он уносил с собою кусок горячего, залитого солнцем стертого камня или толстый слой нежно-жгучей щекочущей пыли» [3: с. 135–136]. По возвращении из города лучше всего помнил новый и необыкновенно интересный вид земли — «широкие, плоские каменные плиты, на которых и шаги, и самые ноги его кажутся ужасно маленькими, как две лодочки» [3: с. 136]. Юра, рассматривая мир со своей точки зрения, видя предметы такими, какими они даны в непосредственном восприятии, их размеры представлял так: отец и домашняя собака — 10 аршин; мать — 3; соседская злая

собака — 30; родной, одноэтажный, очень-очень высокий дом — верста; сад вокруг дома и деревья в нем неизмеримы, высоки бесконечно; город — неизвестно чего миллион. Он считал, что имя Юрий Михайлович Пушкарев присуще только ему, а офицера, ненастоящего Юрия Михайловича, так звали для шутки. Для этой особой умственной позиции, названной в свое время Ж. Пиаже эгоцентрической [12: с. 372], было характерно то, что Юра не мог смотреть на себя со стороны, не отделял себя от вещей: «Когда сильно и душисто пахла трава, то казалось, что это он сам пахнет так хорошо, а когда он ложился в постель, то, как это ни странно, в маленькую постель вместе с ним укладывались огромный двор, улица, косые нити дождя и пенистые лужи и весь огромный, живой, очаровательно-неизвестный мир. Так все вместе с ним и засыпало, так и просыпалось вместе с ним открывало глаза» [3: с. 142].

Но Юру начала волновать проблема отделения себя, своего Я от всего, что не он. Мальчик приходил к представлению о постоянстве мира, независимости его существования от своих желаний и состояний, когда выяснял, что оставленная вечером в саду палка наутро была там же, спрятанные в ящике бабки не изменились после темной ночи. «И вообще было удивительно и очень приятно, что и нянька, и дом, и солнце существуют не только вчера, но и каждый день; и от этого, проснувшись, хотелось смеяться и громко петь» [3: с. 143]. Разделяя людей на больших и маленьких, Юра больше ценил вторых, ведь с ними можно говорить обо всем. Поведение больших он считал глупым, так как они «расспрашивали о таких нелепых, всем известных, скучных вещах, что приходилось тоже притворяться глупым, картавить и отвечать нелепости; и, конечно, хотелось как можно скорее уйти от них» [3: с. 137].

Юра считал, что он стоит в центре жизни семьи, ведь отец и мама «были над ним, и вокруг него, и в нем самом два совершенно особенных человека, одновременно больших и маленьких, умных и глупых, своих и чужих» [3: с. 137]. Он был уверен, что его родители — очаровательные и единственные, очень хорошие люди, а других у него не могло быть. Юру

привлекали в родителях теплое отношение к нему, важные для совместной деятельности качества. С очень высоким, страшно умным, безгранично могущественным и потому немного страшным отцом интересно говорить о необыкновенных вещах, положив свою руку в его большую, сильную, горячую. С маленькой, очень доброй, нежной мамой у мальчика сложились тесные эмоционально-личностные, интимные отношения. Она «прекрасно понимает, что это значит, когда болит животик, и только с нею можно отвести душу, когда устанешь от жизни, от игры или сделаешься жертвою какой-нибудь жестокой несправедливости. И если при отце неприятно плакать, а капризничать даже опасно, то с нею слезы приобретают необыкновенно приятный вкус и наполняют душу такую светлой грустью, какой нет ни в игре, ни в смехе, ни даже в чтении самых страшных сказок» [3: с. 137–138]. Юра гордился тем, что в красавицу маму все влюблены, но беспокоился, когда на нее во время визитов «один из этих огромных, занятых собою и неизменно враждебных мужчин пристально и долго смотрит», ведь ее могут отнять. Тогда Юра ощущал, что каким-то образом заменяет отсутствующего отца, ему становилось тревожно и печально, когда мама отсылала его играть или спать. Но пока Юре было трудно встать на точку зрения другого человека, поэтому «когда он ложится в постель, является чувство спокойствия и такое впечатление, будто все уже кончилось: огни погашены, жизнь приостановилась, все засыпает, и подозрительный гость не то также уснул, не то ушел совсем» [3: с. 138].

Много раз он видел маму плачущей в каком-нибудь уголке; слышал ночью голоса — гневный, громкий отца и плачущий мамы; однажды вечером заметил отца рыдающим в кабинете, запомнив этот образ как что-то жуткое и чрезвычайно серьезное. Стремясь понять причину замеченного, Юра открыл страшную тайну: его прекрасные родители очень несчастны друг с другом, скрывая это. Он стал ощущать острую внутреннюю борьбу, связанную с противоречивыми переживаниями в отношении родителей, а также с выбором поступков, когда старался не показывать, что думает и чувствует, начав жить не только

в настоящем, но и в будущем. Открытие лжи в семье и ее возможной причины превращало поведение Юры из «полевого» с его импульсивностью и ситуативностью в «волевое»: он не только молчал о тайне как о святом и страшном, но и показывал всем, что все по-прежнему хорошо. Да и любить отца «нужно было так, чтобы он и этого не замечал, а вообще же делать вид, что жить на свете весело. И все это удалось Юре: отец так и не заметил, что он его любит особенно, а жить на самом деле было действительно весело, так что не было надобности в притворстве» [3: с. 142].

Счастливая жизнь Юры закончилась в необыкновенный день маминых именин, а вместе с нею ушла детская непосредственность, уступив место произвольности поведения. Удивительный праздник наступил во всей широте своей загадочности и великолепия, от которых Юра с детской непосредственностью сразу первый раз сошел с ума: визжал от восторга, выделывался, влез на высокую липу и стал кривляться. Сказочная ночь с разноцветными фонариками наполнила темнотой сад, дом, небо. От людей остались только голоса, от дома — треугольное окно из красного света, а на трубе блестела какая-то искорка. Второе сумасшествие Юры настало, когда он стал невидимым, растаял в ночи, стал воздухом и улетел: «Великая тайна ночи стала его тайной; и захотело маленькое сердце еще более тайного, в одиночестве тела возжаждало оно нечеловеческих слияний жизни и смерти» [3: с. 152]. С крыши подвала Юра подглядывал за происходящим в кухне, спальне, детской, за разговаривающими. Он пополз для большей таинственности по дорожкам, теперь кажущимися опасными. Юра так далеко ушел от людей и не знал, сколько прошло времени, возможно, десять лет, что стало страшно: «между ним и тем прошлым, когда он разгуливал, как все, раскрывалась такая пропасть, через которую, пожалуй, уж нельзя было перешагнуть» [3: с. 153]. Он чувствовал, что темноте нет конца, все потеряно навсегда, он остался один, о нем все позабыли, даже мама. Отчаявшись спастись, Юра пополз к вдруг замеченному загадочному, слабо мерцающему свету, которым оказалась

беседка. И здесь ощущение одиночества, забытости, прежде всего мамой, реализовалось в случайно увиденной сцене: офицер, ненастоящий Юрий Михайлович, обнял и целовал ее. Теперь Юра увидел реальную причину своей страшной тайны.

Потрясенный, переживая состояние аффекта, он ничего не слышал, внезапно забыл значения слов не только взрослыми произносимых, но и своих, каким раньше научился и умел говорить. Юра «помнил одно слово: “мама”, и безостановочно шептал его сухими губами, но оно звучало страшно, страшнее всего. И чтобы не крикнуть его отчаянно, Юра зажал себе рот обеими руками, одна на другую; и так оставался до тех пор, пока офицер и мама не вышли из беседки» [3: с. 155]. Произвольность поведения в ответ на нравственный конфликт помогла в этот момент сдерживать аффект. Продолжая его сдерживать в комнате играющих в карты взрослых, Юра выбрал, на его взгляд, надежный способ защиты отца, сокрытия от него сцены в беседке. Услышав, как лысый старик обвинял отца в нечестной игре, он с диким визгом и безумными слезами набросился на старика с кулаками и закричал: «Не смей обижать!». Когда вошла мать, мальчик закричал еще громче, отвлекая подозрения отца. Он не пошел к ней на руки, выражая протест, а крепко прижался к отцу, и тот отнес сына в детскую, где Юра, скрепя сердце, отпустил его. Мать, уложив сына в кровать, не держала его, как обычно за руку, а сидела отстраненно, будто его и не было. Вдруг, возможно, чувствуя свою вину, она встала на колени перед кроваткой и со слезами часто-часто, крепко-крепко стала его целовать. А тот откликнулся на ее порыв: «тяжело-сонным движением Юра поднял обе руки, обнял мать за шею и крепко прижался горячей щекой к мокрой и холодной щеке — ведь все-таки мама, ничего не поделаешь. Но как больно, как горько!» [3: с. 158]. Финал рассказа с символическим названием «Цветок под ногою» остался открытым: раздавлен «цветок» без сожаления в угоду своим прихотям самым близким взрослым — мамой, оказавшейся бессердечной, лживой, или ребенок, потеряв к ней доверие, а также детскую непосредственность, стал произвольно,

независимо от наличной ситуации строить собственное, личностное поведение; освоил умение видеть точку зрения другого человека, сопереживать ему, прощать его.

Овладеть этими качествами другому андреевскому персонажу — Вале, бедное лицо которого имело прямой серьезный взгляд, помогло самое важное его занятие — чтение сказок («Валя»). Приход незнакомой женщины (Акимовой) не только прервал захватывающее чтение Вали о подвигах смелого королевича Бовы, но кардинально изменил его мировосприятие и жизнь. Она назвалась его матерью, а Валя, живущий в приемной семье, очень удивился тому, что бывают две мамы. Он столкнулся с тяжелой нравственной проблемой, в мучительном решении которой переходил от ее отрицания, к страху перед странной женщиной — кровной матерью, когда-то бросившей его, потом к сочувствию к ней и наконец ее прощению и принятию, но его прежний чудный мир разрушился. Поскольку «для него слово не имело такого значения, как для взрослых» [3: с. 76], он равнодушно отнесся к неожиданному открытию о том, что его нынешняя мама — это тетя, а его настоящая мама — пришедшая незнакомка, отрицающая наличие нравственной проблемы. Вале она не понравилась, высокая, дурно пахнущая какой-то сыростью или гнилью, с костлявыми пальцами, неподвижным лицом, колючими ласками. Что-то фальшивое, неестественное звучало в ее голосе и смехе, фальшь была и в ее движениях. Для понимания возникшей проблемы он представил конкретную ситуацию из собственного опыта: его, маленького и смешного, как подаренного недавно беленького котенка, со всеми лапами помещающегося на блюде, давно принесла и отдала навсегда эта женщина, а теперь, когда он стал большим и умным, хочет взять себе.

Но отрицание проблемы не сняло ее, более того «эта странная женщина с лицом, таким безжизненным, словно из него выпили всю кровь, неизвестно откуда появившаяся и так же бесследно пропавшая, всколыхнула тихий дом и наполнила его глухой тревогой» [3: с. 77]. Поскольку бывшие мама и папа лишь ласкали Валу как тяжелобольного, который должен скоро умереть, он самостоятельно

пытался понять, почему странная женщина намерена забрать и погубить его. Мальчик обратился к огромному опыту человечества, содержащемуся в сказках. Напомним, как в книжном магазине «книги пестрыми рядами стояли на полках, и за ними не видно было стен; книги высокими горами лежали на полу; и позади магазина, в двух темных комнатах, лежали все книги, книги. И казалось, что безмолвно содрогается и рвется наружу скованная ими человеческая мысль, и никогда не было в этом царстве книг настоящей тишины и настоящего покоя» [1: с. 184] («Книга»).

Воображение Вали, опирающееся на чтение сказок, предоставляя ответ с помощью сказочных образов и их превращений, усиливало тревогу, боязнь, приводило к господству страха. Он боялся спать один, бредил и плакал по ночам, ощущая в углах своей комнаты тихий, таинственный мрак, призраков, хихикающих и выглядывающих из дверей темной комнаты, что-то большое и темное между корнями цветов. Вале казалось, что женщина поджидает его у дверей дома, чтобы унести «в какую-нибудь черную, страшную даль, где извиваются и дышат огнем злые чудовища» [3: с. 80]. Все злое и страшное принимало образ загадочной и безумно злой силы, желающей погубить человека, — полеты ужасных людей-чудовищ на колючих крыльях с красными, как угли, глазами, их жалобные, продолжительные вопли, острый как нож смех, дикая странная пляска при багровом свете факелов; человеческая кровь и мертвые белые головы с черными бородами. Эта сила становилась образом женщины, пришедшей за Валий. «...Это лицо... было такое длинное, худое, желтое, как у мертвой головы, и улыбалось хитрою, притворною улыбкой, от которой прорезывались две глубокие морщины со стороны рта. Когда эта женщина возьмет Валу, он умрет» [3: с. 82]. Теперь серьезному и задумчивому Вале даже быстро надоедали глупые, шумные, крикливые, неприличные дети, которые ломали цветы, рвали книги, прыгали по стульям и дрались, как обезьянки.

После отказа суда в иске Акимовой Валя избавился от страхов, а в фантастических играх с обезьянками стал самым изобретательным, опираясь на сюжеты прочитанных книг,

изображал индейцев или сына богини Кали. «И когда Валя, молчаливый и строгий, как истый сын богини Кали, сидел у отца на плечах и постукивал молоточком по его розовой лысине, он действительно напоминал собою маленького восточного князька, деспотически царящего над людьми и животными» [3: с. 87–88]. Теперь он, не испытывая к женщине страх, искажающий черты ее худого лица, стал думать о ней, как о других людях. Прислушиваясь к разговорам взрослых, часто называвших ее бедной, несчастной, Валя пытался понять эти эпитеты, и тогда «это бледное лицо, из которого выпили всю кровь, становилось проще, естественнее, ближе» [3: с. 88–89]. Интересуясь «бедной женщиной», он вспоминал прочитанные истории о других таких женщинах и начинал испытывать к ней жалость и робкую нежность, представлять, «что она должна сидеть одна в какой-нибудь темной комнате, бояться и все плакать, все плакать...» [3: с. 89]. Одной из таких историй была сказка о тихой, печальной, кроткой русалочке, которая пожертвовала всем ради любви к принцу и умерла в день его свадьбы на веселой принцессе. Восприятие сказки ребенком, считают исследователи, отличают необычайная непосредственность и эмоциональность, активное сопереживание героям, нравственная идентификация с ними, постановка себя на их место, предвосхищение событий, а значит, осознание смысла его поступков для разных людей [8: с. 63]. Такая специфика восприятия помогла Вале освоить умение представлять жизненную ситуацию другого человека, понимать глубину его страданий.

После отмены палатой решения окружного суда Валу присудили матери по крови. Но неизвестным оставалось, будет ли счастливой его будущая жизнь: «Извозчицы сани мягко стукали по ухабам и бесшумно уносили Валу от тихого дома с его чудными цветами, таинственным миром сказок, безбрежным и глубоким, как море, и темным окном, в стекла которого ласково царапались ветви деревьев. Скоро дом... навсегда исчез для Вали. <...> И тогда Валя думал, что они неподвижно стоят на одном месте; и все начинало становиться для него сказкою: и сам он, и высокая

женщина, прижимавшая его к себе костлявою рукою, и все кругом» [3: с. 91]. Вале, оказавшемуся в маленькой, грязной и жаркой комнате, не понравились жалкие картонные лошадки, тонкие оловянные солдатики, ведь он давно не любил и не играл в игрушки, но он осознанно из вежливости не показал этого женщине. А она с бледными, выцветшими глазами, с неприятной, насильственной, заискивающей улыбкой пыталась заговорить с ним, объяснить, что она одна во всем мире и ей не с кем посоветоваться, прося у него помощи, и наконец заплакала. Возможно, именно это наблюдение за страданиями бедной женщины стало последней каплей в перемене отношения к ней мальчика: «Валя решительно подошел к кровати, положил свою красную ручку на большую, костлявую голову матери и сказал с тою серьезною ответственностью, которая отличала все речи этого человека: “Не плачь, мама! Я буду очень любить тебя. В игрушки играть мне не хочется, но я буду очень любить тебя. Хочешь я прочту тебе о бедной русалочке?”» [3: с. 93]. Валя впервые назвал женщину мамой, предложив способ установления контакта — чтение сказки. Он не только простил мать, когда-то бросившую его, но ощутил себя ответственным за ее судьбу и принял свою судьбу, поэтому для Андреева мальчик, осознанно выбравший нравственную позицию, — человек.

В рассказе «Алеша-дурачок» Андреев описывает, как произвольность поведения, умение встать на точку зрения другого человека помогают одиннадцатилетнему гимназисту Мелиту осознанно строить нравственное поведение в определенной ситуации жалости, сочувствия и помощи конкретному человеку, но все-таки еще опирающееся на присущее образной логике представление о добре. Мелит встретил Алешу-дурачка в холодный ноябрьский день на ступенях парадного крыльца своего дома, в одежде более чем летней, сквозь дыры в которой проглядывало голое, синеватое тело. Он «с быстротой нерассуждающего детства», долго не раздумывая, составил простой, «чудный план помощи Алеше, имевший целью не только спасти его от холода, но обеспечить его будущность по меньшей мере на несколько

десятков лет» [3: с. 9]. По плану предполагалось дать Алеше «как можно больше денег», долго не размышляя о нужной сумме. Вытребованную у матери без лишних объяснений драгоценную бумажку в один рубль мальчик отдал Алеше, не задумываясь о цели и времени возможных ее трат.

Поскольку нравственное поведение мальчика еще требовало поддержки, разделения радости от сознания сделанного добра, он отправился за ними к дворнику Василию. Тот состоял в почетной должности поверенного, но отнюдь не бескорыстного друга, так как дружеская откровенность Мелита стоила ему десятка папирос из ящика отца. Заметим, что оценка нравственных поступков у Мелита еще не сложилась, ведь он важным считал оказание помощи Алеше и незначительным кражу папирос. Василий громко хохотал над трогательным рассказом о помощи Алеше, зная, что посылающая его собирать копеечки Акулина отберет все деньги. Мелит, готовый защищать справедливость даже в трудных ситуациях, уговорил дворника сходить к Акулине, несмотря на то что боялся ее, самую носатую, высокую, сильную, страшную и громогласную на свете. Он представлял ее ведьмой, «останавливаясь перед одним лишь вопросом: каким же должно быть помело, на котором она летает?» [3: с. 13]. В доме Акулины, узнав, что она отобрала деньги и избила Алешу, Мелит, проявляя физическую и вербальную агрессию, в гневе топнул ногой, прокричал высоким, отдавшимся у него в ушах голосом, что Акулина подлая, мерзкая женщина, но Василий вовремя потащил его к выходу. А дома его жестоко наказал отец за историю с рублем, настрого приказав не возиться с Алешей. С Василием мальчик об Алеше больше не говорил, поскольку тот отметил, что таких много и всех не пожалеешь. Но «смутное сознание царящей в мире несправедливости закрадывалось в душу» [3: с. 17], поэтому, встретив Алешу у дома, он сунул в его руку принесенный с кухни большой кусок хлеба. Мелит влюбился в Алешу, постоянно думал о нем в классе на уроках, дома в постели: «Нельзя дать другого названия тому чувству страстной нежности, какая охватывала меня

при представлении его лица, улыбки. <...> И мое детское сердце, еще не успевшее любить и страдать, сжималось от горячей жалости» [3: с. 17–18]. Однажды Мелит привел в дом спасенного из проруби Алешу, чтобы тот переменял одежду и обсушился. Выражая свою любовь, мальчик гладил Алеше руки, просил кухарку дать ему поесть, предлагал почитать сказку. Он просил отца, «захлебываясь в слезах, целуя эту суровую, но дорогую руку: — Папочка, родной, любимый... позволь ему остаться... он бедный, он дурачок... Его Акулина бьет. Папочка, дорогой мой, не гони его — а то я умру» [3: с. 22]. Нравственный порыв сына родители не поддержали, категорически запретив встречи с Алешей, которого с тех пор он не видел.

Главным условием нравственного взросления Андреев считал духовную деятельность самого ребенка, направленную на решение моральной проблемы, невольную поставленную взрослым; одним из его средств — обращение к культурно-историческому опыту человечества, содержащемуся в сказках; важным приобретением — произвольность поведения, умение видеть точку зрения другого человека. Ребенок, опираясь на образную логику в соответствии с возрастными и индивидуальными особенностями, поэтапно решает проблему в единстве нравственных чувств, разума, воли: от эмоционального отношения к ней, ее отрицания к пониманию ее сущности и реализации действия. Абстрактные нравственные категории дети связывают с конкретной ситуацией из собственного опыта, а объектом их нравственных чувств становится определенный человек.

Ребенок в поисках нравственного идеала

Даже живя в разрушающих личность условиях большого города, считал Андреев, вслед за гуманистической традицией, идущей в педагогической психологии от Ж.-Ж. Руссо, ребенок, прикоснувшись к призрачной, пусть и обреченной на крушение мечте о счастье, душевно возрождается благодаря наличию огромных потенциальных возможностей и взаимодействию с живой природой в общении со сверстником. Главного героя

из андреевского рассказа «Петька на даче» — десятилетнего Петьку — к парикмахеру Осипу Абрамовичу отдала кухарка Надежда три года назад, чтобы тот поставил сына на ноги, но не для его блага, а для поддержки ее, одинокой и слабой женщины, в случае болезни или старости. Эту парикмахерскую отличал скучный запах дешевых духов, надоедливые мухи, грязь, нетребовательный посетитель. «Невдалеке находился квартал, заполненный домами дешевого разврата. Они господствовали над этой местностью и придавали ей особый характер чего-то грязного, беспорядочного и тревожного» [3: с. 119]. Служащие заведения чаще всего кричали на самого маленького, худенького, веснушчатого Петьку — мальчика, т. е. ребенка из бедной семьи, взятого на обучение и выполняющего самую грязную работу, а в будущем, возможно, способного перейти в подмастерья. «Петькины дни тянулись удивительно однообразно и похоже один на другой, как два родные брата. И зимою и летом он видел все те же зеркала... И утром, и вечером, и весь божий день над Петькой висел один и тот же отрывистый крик: “Мальчик, воды”, — и он все подавал ее, все подавал. Праздников не было» [3: с. 123]. Петька не знал, мало или много он жил таким образом. Его жизнь скрашивало лишь редкое общение со старшим его на три года Николкой, готовым перейти в подмастерья. Иногда мальчики смотрели из окна на жизнь бульвара, а Николка рассказывал о женщинах и мужчинах грязные истории и смеялся. Он «важничал и держался, как большой: курил папиросы, сплевывал через зубы, ругался скверными словами и даже хвастался Петьке, что пил водку, но, вероятно, врал» [3: с. 120]. Петька, при отсутствии другого примера, завидовал Николке, считая его умным и бесстрашным, думал, что и он будет таким же когда-нибудь, но пока не приобрел вредные привычки и не ругался, зная много скверных слов.

Личность Петьки нивелировалась до безымянной обязанности «мальчика», а индивидуальность свелась к простому действию — подаче горячей воды, важность которого ускользала от него, поэтому он часто не слышал резкого крика о воде или разливал ее.

Отупляющий труд, однообразие, монотонность жизненного уклада угнетали, приводили не к протесту против жизни, а к переживанию апатии. Петька, становясь эмоционально пассивным, не знал скучно ему или весело. Даже не радовался приходу матери: «...лениво ел принесенные сласти, не жаловался и только просил взять его отсюда. Но затем он забывал о своей просьбе, равнодушно прощался с матерью и не спрашивал, когда она придет опять» [3: с. 124]. А она, не понимая его состояния, думала, что ее единственный сын — дурачок. Познавательные интересы мальчика ослабевали, нарастало безразличие к окружающему миру, физическая и психическая активность снижалась, поэтому «Петька спал много, но ему почему-то все хотелось спать, и часто казалось, что все вокруг него не правда, а длинный неприятный сон...» [3: с. 123–124]. По вечерам «прохожий видел маленькую, худую фигурку, сгорбившуюся в углу на своем стуле, и погруженную не то в думы, не то в тяжелую дремоту» [3: с. 123]. Равнодушный к своей внешности, Петька не замечал возрастающую худобу, появление нехороших струпьев на стриженной голове, всегда сонные глаза, полуоткрытый рот, грязные-прегрязные руки и шею. «Около глаз и под носом у него прорезались тоненькие морщинки, точно проведенные острой иглой, и делали его похожим на состарившегося карлика» [3: с. 124]. Но ощущение бессмысленности существования вызывало у Петьки не активный протест, а смутную надежду на лучшую жизнь, большое желание попасть куда-нибудь в другое место, но неизвестно, где и какое оно.

Собираясь с матерью на дачу, Петька, не зная, что это такое, предположил, что дача — то место, куда он стремился. Его эмоциональные переживания начали стремительно меняться уже на вокзале, затем в поезде, а душа открывалась многообразию новых и странных впечатлений. Он испытывал возбуждение и нетерпение от грохота и свистков паровозов, поражался широкой панорамой неба, равнины, поля, леса, моста и пр., открывающейся из окна поезда, которую он, городской житель, видел впервые в жизни. Боясь потерять малейшую подробность пути, «Петька прилип к окну, и только стриженная

голова его вертелась на тонкой шее, как на металлическом стержне» [3: с. 125]. Теперь его глаза не казались сонными, морщинки исчезли, будто по его «лицу кто-нибудь провел горячим утюгом и сделал его белым и блестящим» [3: с. 127].

На даче Петькино преобразование из «состарившегося карлика» в живого эмоционально восприимчивого ребенка продолжилось под воздействием богатства и силы всех видов восприятия. Он помолодел, сняв гимназическую куртку, а босыми ногами ощущал ласковое жжение или холод от шершавой земли. «В противоположность дикарям минувших веков, терявшимся при переходе из пустыни в город, этот современный дикарь, выхваченный из каменных объятий городских громад» [3: с. 127], переживал все многообразие чувств — страх, испуг, боязнь, робость, беспомощность, слабость перед лицом природы, неизведанными, непонятными небом, лесом, опушкой леса, прудом. Петька волновался, вздрагивал, бледнел, улыбался, и эти чувства вызывали интерес, желание проникнуть в тайны природы, ведь «все здесь было для него живым, чувствующим и имеющим волю» [3: с. 128]. Вступить в полное согласие с природой, взаимодействовать с ней, исследовать ее Петьке помог быстро с ним подружившийся гимназист Митя. Лидер, неистощимый на выдумки, он пристрастил Петьку вырезать в орешнике удочку, копать червей и удить рыбу, купаться до синевы от холода, играть в «классики», исследовать развалины дворца, где чудилось, что в мертвой тишине «вот-вот выскочит кто-нибудь из-за угла или в растрескавшейся амбразуре окна покажется страшная-престрашная рожа» [3: с. 129]. Природная чистота Петьки и общение с Митей возродили Петькину любознательность, познавательные интересы и активность. Теперь он начал самостоятельное поведение от постановки цели, выбора средств ее достижения до исполнения принятого решения, при этом стараясь не тратить время на такие неинтересные занятия, как еда. Таким образом, взаимодействие с природой и общение со сверстником как важнейшие факторы духовного развития за неделю

жизни на даче нивелировали отрицательные последствия трех лет бессмысленного пребывания в парикмахерской. Но они оказали не прямое воздействие, а преломились через опыт, внутренние душевные особенности мальчика, ведь Петька быстро и с огромным удовольствием перенял привычки исследователя от Мити, а не дурные от Николки. Отметим, что российские педагоги и врачи, утверждая благотворное влияние природы на физическое и психическое развитие особенно городских детей, лишенных чистого воздуха и солнечного света, рекомендовали отправлять их на каникулы в деревню. Врач-педиатр Н. П. Гундобин считал, что организация детских колоний в деревне имеет не только гигиеническое, оздоровляющее, но и воспитательное значение, поскольку дети могут непосредственно наблюдать за жизнью растений и животных, а также крестьян в ее разнообразных проявлениях [5: с. 21].

Страшной трагедией обернулось для Петьки известие о возвращении в город. Возникла ситуация острого конфликта между настоящей и прошлой жизнью, между внешним требованием вернуться в парикмахерскую, о которой мальчик забыл, и внутренним ощущением, что его мечта сбылась и он находится в том месте, куда всегда хотел уйти. «С одной стороны был факт — удочка, с другой призрак — Осип Абрамович. Но постепенно Петькины мысли стали проясняться, и произошло странное перемещение: фактом стал Осип Абрамович, а удочка, еще не успевшая высохнуть, превратилась в призрак» [3: с. 132]. И тогда, не видя выхода из неожиданно создавшейся критической ситуации, Петька пережил аффект. Это сильное и относительно кратковременное эмоциональное состояние сопровождали ярко выраженные двигательные и висцеральные проявления, нехарактерные для мальчика и удивившие мать, барина и барыню. «...Во рту у него пересохло, и язык двигался с трудом... он не просто заплакал, как плачут городские дети, худые и истощенные, он закричал громче самого горластого мужика и начал кататься по земле, как те пьяные женщины на бульваре. Худая ручонка его сжималась в кулак и била по руке матери, по земле, по чем попало, чувствуя боль от острых камешков и песчинок,

но как будто стараясь еще усилить ее» [3: с. 131–132]. Барин, барыня, да и мать не поняли трагедию Петьки, считая непродолжительным детское горе.

А Петька, хотя и попросил мать сохранить удочку в надежде на возвращение на дачу, покорно принял свою судьбу и в вагоне поезда не смотрел в окно, а сидел тихо, сложив ручки на коленях. Его глаза стали сонливыми и апатичными, около глаз и носа возникли тонкие морщины, как у старика. «Толкаясь среди торопившихся пассажиров, они вышли на грохочущую улицу, и большой жадный город равнодушно поглотил свою маленькую жертву» [3: с. 133]. Жизнь Петьки в грязной и душной парикмахерской текла по-прежнему. Но, вспоминая то место, где хорошо и хотелось бы быть, он по ночам с тихим волнением рассказывал Николке «о даче, и говорил о том, чего не бывает, чего никто не видел никогда и не слышал» [3: с. 134]. Придаст ли приобретенный Петькой опыт смысл его жизни, как долго продлится его духовное возрождение? С пессимизмом пишет Андреев об отсутствии у детей будущего: «Мимо проезжал обоз и своим мощным громыханием заглушал голоса мальчиков и тот отдаленный жалобный крик, который уже давно доносился с бульвара: там пьяный мужик бил такую же пьяную женщину» [3: с. 134].

Сашка тринадцати лет, герой рассказа «Ангелочек», осознавав несправедливость, бессмысленность, однообразие своего существования, оказался способным от пассивного переживания апатии, как у Петьки, перейти к активному протесту против жизни в близком социуме — семье, гимназии, — самостоятельно найти символ счастья, пусть иллюзорный. Сашке хотелось «не умываться по утрам холодной водой, в которой плавают тоненькие пластинки льда, не ходить в гимназию, не слушать там, как все его ругают, не испытывать боли в пояснице и во всем теле, когда мать ставит его на целый вечер на колени» [3: с. 24]. Но он не знал, как изменить жизнь или покончить с нею, в отличие от повзрослевшей героини-самоубийцы из рассказа «Молчание», поэтому «продолжал ходить в гимназию и стоять на коленках, и ему казалось, что жизнь никогда не кончится. Пройдет год,

и еще год, и еще год, а он будет ходить в гимназию и стоять на коленках» [3: с. 24]. Отметим, что для Андреева тяжелым фактором разлада ребенка с жизнью является полное разрушение его отношений с матерью из-за ее асоциальной позиции. Но активная, непокорная и смелая душа Сашки не позволяла спокойно принять зло, поэтому он мстил жизни, осознанно выбрав агрессию как способ протеста, вероятно, ориентируясь на поведение матери, как пример для подражания. Строя свое агрессивное поведение, он ясно представлял его цель (на кого оно направлено), формы ее достижения (вид агрессии) и возможный результат. Поэтому с обычным выражением дерзости и самоуверенности на лице Сашка дрался с товарищами (прямая физическая агрессия); грубил начальству (прямая вербальная агрессия); рвал учебники (косвенная физическая агрессия). Его прозвали в гимназии Волчонком за привычку подергивать углы губ от желания оскалить зубы. Он специально демонстрировал окружающим ужасающий результат ссор со сверстниками: «Когда в драке ему расшибли нос, он нарочно расковырял его еще больше и орал без слез, но так громко, что все испытывали неприятное ощущение, морщились и затыкали уши. Проорав сколько нужно, он сразу умолкал, показывал язык» [3: с. 25]. Еще один способ косвенной агрессии Сашке подсказала его творческая натура: рисование в тетради карикатур на орущего себя, заткнувшего уши надзирателя и дрожащего от страха победителя. Частой была карикатура на мать и себя: «толстая и низенькая женщина была скалкой тонкого, как спичка, мальчика. Внизу крупными и неровными буквами чернела подпись: “Прости прощенья, щенок”, — и ответ: “Не попрошу, хоть тресни”» [3: с. 25]. Но никто из учителей не проявил интереса к творчеству Сашки — рисованию — как средству нравственного развития, не подумал о направлении его бурной активности в социальное русло, а он остался наедине со своими проблемами. Прямую физическую агрессию как способ избавления от тягот жизни Сашка направил и на мать, когда она стала бить его за исключение из гимназии, а он укусил ее за палец. Теперь свободный до позднего вечера, когда

усиливался мороз, он бегал с ребятами, бил их, а боялся лишь голода, ведь мать его перестала кормить, но отец прятал для него еду.

Опираясь на высокий социальный интеллект, Сашка неплохо разбирался в людях, а поэтому лгал учителям, матери, испытывал отвращение к ее пьянству, грубости, неприязнь, ненависть, противодействие ей, но не лгал больному, жалкому отцу, сочувствовал его страданиям, презирал за слабость и ложь. Не уважал богачей Свечниковых, определивших его в гимназию, а потому сначала отказался идти к ним на елку: «А к этим чертям я не пойду. Жирны больно станут, если я к ним пойду. “Испорченный мальчик”, — протянул Сашка в нос. — Сами хороши, антипы толсторожие» [3: с. 27]. Выразив прямую вербальную агрессию благодетелям, он согласился пойти, но лишь с целью принести что-нибудь отцу, давно не имевшему хорошего табаку.

На празднике Сашка с презрительным высокомерием прислушивался к наивным речам детей, намеренно совершив несколько безнравственных поступков. Он стащил из кабинета хозяина папиросы для отца; не поклонился сестре хозяйки и сопровождавшему ее лысому господину, показав ему язык. Когда маленький Коля Свечников дал Сашке, внушающему к себе уважение ростом и репутацией злого, испорченного, пробковое ружье, тот не задумываясь выстрелил ему в нос. Покрасневший нос и слезы Коли не вызвали у Сашки жалости, ведь желание причинять зло, проявлять агрессию даже к младшему стало нормой поведения.

Все на празднике угрюмый и печальный Сашка воспринимал как чуждое и враждебное: елку, ослепляющую красотой и крикливым, наглым блеском множества свечей; окруживших ее чистеньких, красивых детей. В его маленьком изъязвленном сердце возникло нехорошее желание физической агрессии — толкнуть елку, чтобы она упала на эти светлые головки. Сашка с чрезвычайной остротой ощущал одиночество, ненужность, заброшенность: «казалось, что чьи-то железные руки взяли его сердце и выжимают из него последнюю каплю крови. <...> Думал, что у него есть отец, мать, свой дом,

а выходит так, как будто ничего этого нет и ему некуда идти» [3: с. 34]. Даже любимый перочинный ножичек стал плохим, ведь когда завтра он его сломает, у него ничего не останется. Но вдруг Сашка с изумлением заметил на елке воскового ангелочка, казавшегося живым и готовым улететь, — символ мечты, идеала, счастья, добра, красоты, т. е. именно «то, чего не хватало в картине его жизни и без чего кругом было так пусто, точно окружающие люди неживые» [3: с. 34]. На лице фигурки лежала не печаль, не радость, а «печать иного чувства, не передаваемого словами, не определяемого мыслью и доступного для понимания лишь такому же чувству. Сашка не осознавал, какая тайная сила влекла его к ангелочку, но чувствовал, что он всегда знал его и всегда любил, любил больше, чем отца, и больше, чем все остальное» [3: с. 35]. В полном недоумении, тревоге, непонятном восторге Сашка открыл внутреннюю, невидимую всем присутствующим красоту ангелочка, опасавшуюся яркого назойливого света в отличие от внешней нарядности елки и игрушек. Его ожесточенная душа оказалась готовой к пониманию прекрасного, надежде на счастье, возможно, благодаря творческой натуре, способности к рисованию или острого желания изменить беспросветность жизни. Получив игрушку от хозяйки после уговоров и угроз, он замирал в чувстве неземной радости, «улыбался тихой и кроткой улыбкой. Казалось, что когда нежные крылышки ангелочка прикоснутся к впалой груди Сашки, то случится что-то такое радостное, такое светлое, какого никогда еще не происходило еще на печальной, грешной и страдающей земле» [3: с. 39]. Это веяние человеческого счастья, счастья одинокого, всеми забытого Сашки коснулось всех в зале: «И перед сиянием его лица словно потухла сама нелепо разукрашенная, нагло горящая елка, и радостно улыбнулась седая, важная дама, и дрогнул сухим лицом лысый господин, и замерли в живом молчании дети... И в этот короткий момент все заметили загадочное сходство между неуклюжим, выросшим из своего платья гимназиста и одухотворенным рукою неведомого художника личиком ангелочка» [3: с. 40].

Сашка принес ангелочка отцу, с которым мог поделиться своим счастьем. Отживший отец и только начинающий жить сын с кротким покоем и безмятежностью на лицах рассматривали игрушку, по-разному понимая, плача и радуясь увиденной красоте, но «было что-то в их чувстве, что сливалось воедино сердца и уничтожало бездонную пропасть, которая отделяет человека от человека и делает его таким одиноким, несчастным и слабым» [3: с. 43]. Для Сашки «исчезло настоящее и будущее: и вечно печальный и жалкий отец, и грубая, невыносимая мать, и черный мрак обид, жестокостей и унижений и злобствующей тоски. Бесформенны, туманны были мечты Сашки, но тем глубже волновали они его смятенную душу. Все добро, сияющее над миром, все глубокое горе и надежду тоскующей о Боге души впитал в себя ангелочек...» [3: с. 42–43]. Отец и сын уснули, а повешенный у горячей печки восковой рождественский ангелочек, символ иллюзорности человеческих надежд, хрупкой и беззащитной красоты, несовместимой с жестокой жизнью, медленно таял. Андреев с пессимизмом пишет: «Вот ангелочек встрепенулся, словно для полета, упал с мягким стуком на горячие плиты. <...> В занавешенное окно пробивался синеватый свет начинающегося дня, и на дворе уже застучал железным черпаком зазябший водовоз» [3: с. 46]. И все-таки даже недолгое обладание иллюзией вскрывает огромные потенциальные возможности духовной жизни ребенка — пусть на неделю пребывания на даче или на один рождественский вечер.

Благодаря обретению детьми произвольности поведения, их нравственная деятельность, считал Андреев, с возрастом усложняется

по предмету и организации. Она направляется на пассивное ожидание идеала, имеющего наглядно-образный характер, его поиск, или на активный протест против зла жизни, в том числе асоциальный. Ребенок осознанно ставит цель деятельности, выбирает пути ее достижения, контролирует ее ход и результат. Средствами решения нравственных проблем являются общение с природой и сверстниками, художественное творчество, агрессия.

Заключение

Нравственное развитие в детстве Леонид Андреев представлял следующим образом: 1) его неосознанно запускают взрослые, случайно ставя ребенка в реальную ситуацию тяжелого нравственного выбора, тем самым разрушая светлый мир детства; 2) главным условием взросления выступает самостоятельная духовная деятельность ребенка с опорой на образную логику, приводящая к пониманию нравственной проблемы и нахождению способа ее решения; 3) важнейшими приобретениями ребенка являются произвольность поведения, умение понять точку зрения другого человека, принять и простить его, помогающие построить нравственное поведение; 4) средствами нравственного развития становятся чтение сказок, общение с природой и сверстниками, художественное творчество; 5) возрастные особенности взросления состоят в усложнении предмета и структуры нравственной деятельности; 6) индивидуальность ребенка сказывается в спектре, остроте, модальности эмоциональных переживаний относительно нравственной проблемы, в выборе средств ее решения.

Литература

1. Андреев Л. Н. Повести и рассказы. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1981. 512 с.
2. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Рассказы. 1898–1903 гг. М.: Худ. лит., 1990. 639 с.
3. Андреев Л. Н. Петька на даче. М.: Эксмо, 2007. 160 с.
4. Брусянин В. В. Дети и писатели. Литературно-общественные параллели. (Дети в произведениях А. П. Чехова, Л. Андреева, А. Н. Куприна и Ал. Ремизова). М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. 272 с.
5. Гундобин Н. П. О призрении и воспитании молодого поколения. СПб.: Изд. А. Е. Рябченко, 1901. 31 с.

6. **Гундобин Н. П.** Детская смертность в России и меры борьбы с нею. СПб.: Лит.-мед. журнал д-ра Окса, 1906. 31 с.
7. **Дементьева И. К., Попшой Д. Р.** Нравственное воспитание детей дошкольного возраста // Цифровая среда дошкольного детства: сб. мат. VI Междунар. научно-практ. конф. Киров, 2021. С. 31–33.
8. **Запорожец А. В.** Избранные психологические труды: в 2 т. Т. 1. Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика, 1986. 320 с.
9. **Космачева Н. В.** Психологические аспекты духовно-нравственного воспитания дошкольников // Педагогическое образование и наука. 2019. № 3. С. 45–49.
10. **Мельникова Н. В., Канунников Р. И.** Новообразования нравственной сферы в период детства // Дошкольник. Методика и практика воспитания и обучения. 2021. № 1. С. 56–61.
11. **Никольская А. А.** Возрастная и педагогическая психология в дореволюционной России: монография. Дубна: Феникс, 1995. 336 с.
12. **Пиже Ж.** Речь и мышление ребенка. М.; Л.: Учпедгиз, 1932. 412 с.
13. **Сикорский И. А.** Воспитание в возрасте первого детства. СПб.: Изд. А. Е. Рябченко, 1884. 206 с.
14. **Смирнова Е. О.** Психология ребенка. М.: ШКОЛА-ПРЕСС, 1997. 384 с.
15. **Урунтаева Г. А.** Детская психология. 4-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2020, 384 с.
16. **Урунтаева Г. А., Гошева Е. Н.** Современный дошкольник: тенденции изменения в детско-родительских отношениях и психическом развитии // Развитие человека в современном мире. 2019. № 3. С. 48–59.
17. **Чмелева Е. В.** История педагогики: педагогика дошкольного детства в России конца XIX – начала XX веков. М.: Юрайт, 2019. 194 с.
18. **Dahl A., Killen M.** A Developmental perspective on the origins of morality in infancy and early childhood // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01736; URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.01736/full> (access date: 23.10.2021).
19. **Britton J.** Young people as moral beings: Childhood, morality and inter-generational relationships // *Children & Society*. 2014. № 29 (5). P. 495–507. DOI: 10.1111/chso.12085
20. **Van de Vondervoort J. W., Hamlin J. K.** Preschoolers' social and moral judgments of third-party helpers and hinderers align with infants' social evaluations // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2017. № 164. P. 136–151. DOI: 10.1016/j.jecp.2017.07.004
21. **Wynn K.** Origins of value conflict: babies do not agree to disagree // *Trends in Cognitive Sciences*. 2016. № 20. P. 3–5. DOI: 10.1016/j.tics.2015.08.018
22. **Sommerville J. A.** Infants' understanding of distributive fairness as a test case for identifying the extents and limits of infants' sociomoral cognition and behavior // *Child Development Perspectives*. 2018. № 12. P. 141–145. DOI: 10.1111/cdep.12283

References

1. **Andreev L. N.** Povesti i rasskazy` [Tales and stories: collection]. Kujby`shev: Kujby`shevskoe kn. izd-vo, 1981. 512 p.
2. **Andreev L. N.** Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 1. Rasskazy`. 1898–1903 gg. [Collected works: in 6 vols. V. 1. Stories. 1898–1903]. M.: Xud. lit., 1990. 639 p.
3. **Andreev L. N.** Pet`ka na dache [Petya in the village: collection]. M.: E`ksmo, 2007. 160 p.
4. **Brusyanin V. V.** Deti i pisateli. Literaturno-obshhestvenny`e paralleli. (Deti v proizvedeniyax A. P. Chexova, L. Andreeva, A. N. Kuprina i Al. Remizova) [Children and writers. Literary and social parallels. (Children in the works of A.P. Chekhov, L. Andreev, A.N. Kuprin and Al. Remizov)]. M.: Tip. t-va I. D. Sy`tina, 1915. 272 p.
5. **Gundobin N. P.** O prizrenii i vospitanii mladogo pokoleniya [On the recognition and education of the young generation]. SPb.: Izd. A. E. Ryabchenko, 1901. 31 p.
6. **Gundobin N. P.** Detskaya smertnost` v Rossii i mery` bor`by` s neyu [Child mortality in Russia and measures to combat it]. SPb.: Lit.-med. zhurnal d-ra Okса, 1906. 31 p.
7. **Dement`eva I. K., Popshoj D. R.** Nравstvennoe vospitanie detej doshkol`nogo vozrasta [Moral education of preschool children] // Цифровая среда дошкольного детства: сб. мат. VI Междунар. научно-практ. конф. [Digital environment of preschool childhood: collection of materials. VI International. scientific and practical. conf.]. Киров, 2021. P. 31–33.
8. **Zaporozhec A. V.** Izbranny`e psixologicheskie trudy`: v 2 t. T. 1. Psixicheskoe razvitie rebenka [Selected psychological works: in 2 vol. V. 1. Mental development of the child]. M.: Pedagogika, 1986. 320 p.

9. **Kosmacheva N. V.** Psixologicheskie aspekty` duxovno-nravstvennogo vospitaniya doshkol`nikov [Psychological aspects of the spiritual and moral education of preschoolers] // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka [Pedagogical education and science]. 2019. № 3. P. 45–49.
10. **Mel`nikova N. V., Kanunnikov R. I.** Novoobrazovaniya npravstvennoj sfery` v period detstva [Novoformations of the moral sphere during childhood] // Doshkol`nik. Metodika i praktika vospitaniya i obucheniya [Preschoolnik. Methodology and practice of education and training]. 2021. № 1. P. 56–61.
11. **Nicol'skaya A. A.** Vozrastnaya i pedagogicheskaya psixologiya v dorevolucionnoj Rossii: monografiya [Age and pedagogical psychology in pre-revolutionary Russia: monograph]. Dubna: Feniks, 1995. 336 p.
12. **Piazhe Zh.** Rech` i my`shlenie rebenka [Speech and thinking of a child]. M., L.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1932. 412 p.
13. **Sikorskiy I. A.** Vospitanie v vozraste pervogo detstva [Upbringing at the age of his first childhood]. SPb.: Izd. A. E. Ryabchenko, 1884. 206 p.
14. **Smirnova E. O.** Psixologiya rebenka [Psychology of the child]. M.: ShKOLA-PRESS, 1997. 384 p.
15. **Uruntaeva G. A.** Detskaya psixologiya [Children's psychology]. 4-e izd., ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2020. 384 p.
16. **Uruntaeva G. A., Gosheva E. N.** Sovremenny`j doshkol`nik: tendencii izmeneniya v detsko-roditel'skix otnosheniyax i psixicheskom razvitii [Modern preschooler: trends in change in child-parental relations and mental development] // Razvitie cheloveka v sovremennom mire [Human development in the modern world]. 2019. № 3. P. 48–59.
17. **Chmeleva E. V.** Istoriya pedagogiki: pedagogika doshkol`nogo detstva v Rossii koncza XIX – nachala XX vekov [History of pedagogy: pedagogy of preschool childhood in Russia of the late XIX – early XX centuries]. M.: Yurajt, 2019. 194 p.
18. **Dahl A., Killen M.** A Developmental perspective on the origins of morality in infancy and early childhood // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01736; URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.01736/full> (access date: 23.10.2021).
19. **Britton J.** Young people as moral beings: Childhood, morality and inter-generational relationships // *Children & Society*. 2014. № 29 (5). P. 495–507. DOI: 10.1111/chso.12085
20. **Van de Vondervoort J. W., Hamlin J. K.** Preschoolers' social and moral judgments of third-party helpers and hinderers align with infants' social evaluations // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2017. № 164. P. 136–151. DOI: 10.1016/j.jecp.2017.07.004
21. **Wynn K.** Origins of value conflict: babies do not agree to disagree // *Trends in Cognitive Sciences*. 2016. № 20. P. 3–5. DOI: 10.1016/j.tics.2015.08.018
22. **Sommerville J. A.** Infants' understanding of distributive fairness as a test case for identifying the extents and limits of infants' sociomoral cognition and behavior // *Child Development Perspectives*. 2018. № 12. P. 141–145. DOI: 10.1111/cdep.12283

УДК 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.8

СИСТЕМНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО

Д. В. Иванов,
НГПУ, Новосибирск,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

В статье показано, что одним из источников развития психологической мысли стало самобытное явление русской жизни — народничество, которое повлияло на развитие социально-психологической и психолого-педагогической мысли в России. Рассматриваются психологические представления идеолога народничества, выдающегося мыслителя второй половины XIX – начала XX в. Н. К. Михайловского (1842–1904), который явился создателем стройной научной системы, написал ряд значимых сочинений по коллективной психологии, ставших основой социально-психологической мысли. Михайловский придерживался материалистического взгляда на мир и происходящие в обществе изменения. Человек, в представлениях мыслителя, думающий, переживающий, а главное, активный индивид, способный совершенствовать себя, свою природу и окружающий мир. Михайловский выступал сторонником идеи личности, актуальной для российской психологической теории на протяжении всего XIX в. Целостная личность в теориях мыслителя определяется как «органический» человек, восприимчивый к многостороннему «сочувственному опыту». Личность формируется в ходе жизнедеятельности в конкретных общественно-исторических условиях и накопления социального опыта. Основной проблемой социальной психологии, основоположником которой в отечественной психологической мысли стал Михайловский, является взаимодействие личности и массы. Рассмотрение и изучение психологических механизмов взаимодействия личности и массы — самые актуальные социально-психологические задачи, поставленные отечественным мыслителем в ряде своих сочинений.

Ключевые слова: Н. К. Михайловский; система; народничество; идеарх; герой; толпа; индивидуальность; высшая индивидуальность; борьба; органический человек; человек борющийся.

Для цитаты: Иванов Д. В. Системно-психологические идеи в творчестве Н. К. Михайловского // Системная психология и социология. 2021. № 4. (40). С. 92–112. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.8

Иванов Денис Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: *ivanovdirkutsk@yandex.ru*

ORCID: 0000-0002-2478-1468

SYSTEM-PSYCHOLOGICAL IDEAS IN THE WORK OF N. K. MIKHAILOVSKY

D. V. Ivanov,
NSPU, Novosibirsk,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

The article shows that one of the sources of the development of psychological thought was the original phenomenon of Russian life — populism, which influenced the development of socio-psychological and psychological-pedagogical thought in Russia. The psychological concepts of the ideologist of populism, an outstanding thinker of the second half of the XIX – early XX centuries, N. K. Mikhailovsky (1842–1904), who was the creator of a coherent scientific system, wrote a number of significant works that became the basis of socio-psychological thought, collective psychology, are considered. Mikhailovsky adhered to a materialistic view of the world and the changes taking place in the society. A person, as the philosopher considered, is a thinking, experiencing, and most importantly, active individual who is able to improve himself, his nature and the world around him. Mikhailovsky was a supporter of the idea of personality, relevant to Russian psychological theory throughout the nineteenth century. The “integral personality” in the theories of the thinker is defined as an “organic” person, receptive to a multi-sided “sympathetic experience”. The personality is formed in the course of life in specific socio-historical conditions and the accumulation of social experience. The main problem of social psychology, the founder of which was Mikhailovsky in Russian psychological thought, is the interaction of the individual and the “mass”. The consideration and study of the psychological mechanisms of interaction between the individual and the mass are the most relevant socio-psychological tasks set by the Russian thinker in a number of his writings.

Keywords: N. K. Mikhailovsky; system; populism; idearch; hero; crowd; individuality; supreme individuality; struggle; organic man; struggling man.

For citation: Ivanov D. V. System-psychological ideas in the work of N. K. Mikhailovsky // Systems Psychology and Sociology. 2021. № 4. (40). P. 92–112. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.8

Ivanov Denis Vasilievich, PhD in Pedagogical Sciences. Associate Professor at the Department of General Psychology and History of Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: *ivanovdirkutsk@yandex.ru*

ORCID: 0000-0002-2478-1468

Введение

История отечественной психологии находится в поиске своих ценностных основ, которые позволяют развивать современное психологическое знание, опираясь на самобытные, уникальные взгляды и теории, отражающие особенности национального исторического пути [43; с. 238].

Длительное время в истории отечественной психологии оставались незамеченными достижения мыслителей, чьи идеи по определенным, зачастую идеологически выверенным, основаниям не вписывались в общепризнанную канву исторических событий

в области психологического знания, а их место свободно отдавалось зарубежным авторам.

Так, взгляды и теории идеолога народничества (уникального явления в жизни русского общества) Н. К. Михайловского (1842–1904), яркого представителя отечественной философско-методологической и социально-психологической мысли второй половины XIX – начала XX в., оказались непредставленными должным образом в самой истории отечественной и мировой психологии. И если философские взгляды Михайловского интересны философам и социологам, то его достижения в области психологического знания еще нуждаются в тщательном рассмотрении,

не заканчивающемся написанием конкретной статьи, в которой акцент ставится на системно используемом понятии «борьба».

Народничество как источник социально-психологической и психолого-педагогической мысли в России

Современные исследователи, занимающиеся вопросами истории, понимают под историческими источниками явления прошлого, которые помогают познавать историю человеческого сообщества во всех его проявлениях [21: с. 291]. Вошедшее в историю движение народничества как особое явление русской культуры, идеология самобытного пути общественного развития России может рассматриваться в качестве одного из источников развития отечественной социально-психологической и психолого-педагогической мысли. Оно имеет свою историю в XIX столетии, начавшуюся после долгой общественной борьбы и противостояния различных социальных слоев в николаевской и постниколаевской России. Царь Александр II подписал 19 февраля 1861 г. манифест об освобождении русского крестьянина от многовековой феодальной зависимости [7: с. 492]. Реформа 1861 г. позволила активно развивать капиталистический способ производства, «русский капитализм». Однако реформа оставила крестьян без земли, так и не решив поставленных задач, связанных с их освобождением до конца, что создавало напряженность и приводило к массовым крестьянским движениям [40: с. 144–166]. Стало заметным переселение безземельных крестьян в города, где они пополняли ряды рабочих, их дети вливались в ряды фабричной молодежи (пролетариата), занимающейся сугубо «практическим делом».

Обострение в обществе продолжало существовать, что оживляло, в свою очередь, демократическое, революционное движение в царской России, где существенную роль играли студенческие кружки, в которых обсуждались идеи освободительного характера, представления о человеке и его сущности, устройства им общества и совместного, зачастую неравноправного «сожителства» людей

в этом обществе, ценность человеческой борьбы. Участились студенческие волнения, активизировалась демократическая публицистика [4: с. 455; 8: с. 150].

В 1862 г. появляется общество «Земля и воля» [11: с. 437], предвосхитившее создание народнических в узком смысле этого слова кружков. Народники верили, что информирование, пропаганда передовых идей освободительного характера, распространение литературы среди народа (городских рабочих как посредников между интеллигенцией и сельским крестьянством, среди самих крестьян) станут двигателем прогресса, научат человека борьбе за себя и свои свободы, приведут к существенным социальным и политическим сдвигам в России.

Здесь можно заметить, что само народничество возникло как своеобразный отголосок продолжительных дискуссий в обществе, связанных с выбором Россией своего исторического пути и места в мировой истории. Зачинателем этих дискуссий стал один из мыслителей первых десятилетий XIX века, привлекающий к себе внимание историков психологии, — П. Я. Чаадаев [49: с. 18], оказавший существенное влияние на философскую и общественную мысль своего столетия [41: с. 197–244]. Чаадаев писал о необходимости общения как взаимодействия между людьми в человеческом сообществе. В своем «Письме третьем» из знаменитого трактата «Философические письма» (1830) он подчеркнул: «Лишенные общения с другими сознаниями, мы мирно щипали бы траву, а не размышляли о своей природе» [47: с. 385]. Для Чаадаева было характерно, как заметит историк общественной мысли, философ Н. А. Бердяев, ожидание решения проблем социального порядка, «русское ожидание, выражающее русский пневмоцентризм» [3: с. 46], стремление к объединению совместных усилий, внутренняя тяга к сотрудничеству. Чаадаевское желание общаться с «другими сознаниями», взаимодействовать со многими людьми ярко проявлялось у новых поколений российской «совестливой» интеллигенции, представляющей себе страдания русского народа, закабаленного многовековой феодальной зависимостью («Человек для них выше принципа собственности, и это определяет русскую

социальную мораль» [3: с. 103]). Бердяев настаивает на том, что все русское народничество «вышло из жалости и сострадания» [3: с. 103], иными словами, это сугубо человеческое явление, характеризующее историю народа, его умонастроения. Морально-нравственные чувства, возникшие здесь в процессе совместной людской деятельности, останутся в фокусе интересов психологической мысли и ее направлений — социальной, педагогической, возрастной — на протяжении всего XIX в.

Близко знавший Чаадаева, общавшийся с ним, испытывавший на себе влияние его идей [41: с. 198–223], «один из крупнейших мыслителей XIX столетия» [11: с. 256; 41: с. 198–223] А. И. Герцен — «гениальный родоначальник народничества» [18: с. 47], написавший в духе устоявшихся в философии тенденций материализма свои «Письма об изучении природы» (1844–1845), настаивавший здесь на единстве сознания и деятельности человека, слова которого не должны расходиться с его дальнейшими делами (что было характерно для интеллигента-народника, ходившего в народ), — способствовал своими работами, а главное, периодическим изданием «Колокол» (1857–1867), которое он выпускал вместе с Н. П. Огарёвым, распространению революционных идей, самой революционной теории в России. Тот же Бердяев даже ставит Герцена у «истоков народнического, своеобразно русского социализма» [3: с. 73]. Современные психологи считают, что и Чаадаев, и Герцен вместе с Огаревым внесли свой вклад в развитие психологических идей, в становление социальной психологии в России XIX в. [38: с. 43; 49: с. 18, 78]. Их философские предпочтения и психологические взгляды становились своего рода основанием для понимания сути самой работы с народом — «хождением в него» с целью организовать массы, а также темами для обсуждений на собраниях в первых «народнических» кружках и организациях.

Народничество как особое явление русской культуры — «течение чрезвычайно сложное и многостороннее» [18: с. 47], идеология, опиравшаяся на комплекс системно разрабатывавшихся экономических, социально-политических, философско-социологических и психологических теорий, подчеркивавших самобытность русского пути развития, —

ощутило массовый подъем в 70-х гг. XIX в. Это время считается периодом расцвета народничества. Тысячи выходцев из кружков, среди которых были молодые интеллектуалы, вчерашние студенты ходили в народ с целью взаимодействия и длительного общения с ним («общения с другими сознаниями»), разъяснения и обучения новым передовым демократическим взглядам, далеким от программы реакционных действий царского правительства.

В 1872 г. на русском языке выходит фундаментальная работа немецкого экономиста и философа К. Маркса «Капитал», ставшая «настойной книгой образованных людей» [8: с. 150]. По трудам Маркса будут сверять свои мысли многие поколения интеллигенции и пролетариата в России. «Русский марксизм... воспринял... исторический материализм, теорию развития капитализма и теорию грядущей пролетарской революции, и применил их к русской жизни, к развитию русских общественных отношений» [13: с. 65]. Марксизм станет позднее базальным основанием развития науки, в том числе психологической, в Новейшее время.

Активная позиция интеллигенции 60–70-х гг. XIX столетия, вера в потенциал народа и стремление оказать помощь в его обучении, способствовали возрастанию интереса к психолого-педагогическим и психологическим идеям, их реализации в практической деятельности [33: с. 14]. Бердяев подчеркивал, что еще со времен А. Н. Радищева русская интеллигенция «искала свободы и правды жизни» [3: с. 168], поэтому неудивительно, что она пошла в народ, чтобы обрести правду жизни, воспитать у него чувство свободы, тем самым улучшить экономическое положение. Стали известны имена «проводников идей в народ», посвятивших свою жизнь его воспитанию и обучению, внесших значительный вклад в развитие педагогической и возрастной психологии в России: К. Д. Ушинский, В. Я. Стоюнин, Н. Х. Вессель, Н. Ф. Бунаков, П. Ф. Каптерев, В. П. Острогорский, А. Н. Острогорский, В. И. Водовозов, Е. Н. Водовозова и др. [21: с. 132; 46: с. 58]. Многие «народные учителя», выполняя свой долг перед народом, уходили в провинцию, организовывали различные школы, принимали

участие в широкой культурно-просветительской работе, создавали профильные издательства, выпускавшие литературу, доступную широким слоям населения в России [23: с. 65; 33: с. 13]. Своеобразным девизом интеллигенции XIX столетия было: «Надо дело делать!»¹, он помогал создавать смысловые оттенки эпохи.

В это же время всем были известны имена идейных лидеров и влиятельных идеологов народничества — П. Л. Лаврова, «человека обширной учености» [3: с. 137], «ветерана революционной теории» [11: с. 480], и Н. К. Михайловского — «человека умственно одаренного» [3: с. 133; 8: с. 149]. Их идеи, выступления в периодической печати и сочинения стали стержневыми для «ходивших» в народ [8: с. 149].

Сами же народники, особенно времени зрелого народничества, верили в прогресс, в человека и его восходящие способности, в необходимость личностно-ценностной борьбы, позволяющей человеку реализовывать свои потенциальные возможности, и борьбы общественно-полезной, сплачивающей общество, приобретающей очертания социально значимых движений и организаций, обеспечивающих развитие прогресса [16]. Они пропагандировали рационализм и реалистическое отношение к жизни, неприятие в любом проявлении мистицизма, приоритет нравственного и трудового воспитания, технического и естественно-научного образования, настаивали на создании реальных и высших технических училищ и посвящали свои статьи актуальным на тот момент вопросам развития педагогики и психологии, называя при этом первую «дочкой» второй (Н. В. Шелгунов, А. П. Щапов, П. Н. Ткачев, С. Н. Южаков) [28].

Однако в конце 70-х гг. XIX в. стало ясно, что народническое движение не добилось успеха, наступил кризис. Ознаменовалось это усилением стачечной борьбы, волнениями и бунтами крестьян [8: с. 152–153]. Однако, например, Бердяев по этому поводу давал такое пояснение: «Судьба народников 70-х годов была трагична потому, что они не только встречали преследования со стороны власти, но они не были приняты народом, который имел иное мирозерцание, чем интеллигенция, иные

верования. Крестьяне иногда выдавали представителям власти народников-интеллигентов, которые готовы были отдать свою жизнь народу. Это привело к тому, что интеллигенция перешла к террористической борьбе» [3: с. 132].

В 1879 г. в результате распада «Земли и воли» возникают «Народная воля» (А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская, А. И. Желябов и др.) и «Черный передел» (В. Г. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и др.), в которых оказалось много как теоретиков, так и деятельных организаторов, агитаторов и манипуляторов, интуитивно понимавших и осваивавших на практике психологию человека в группе, практическую групповую психологию. «Черный передел» сохранил приверженность взглядам народников первых поколений, их философским исканиям. «Народная воля» предложила вместо хождения в народ и объяснений с ним тактику запугивания правящих кругов и террора. Постепенно террор стал приобретать самодовлеющее значение, что создавало проблемы для развития революционного движения в России [8: с. 151]. Народовольцы подвергались постоянному преследованию со стороны правительства Александра III. Желание обучить и просветить народ, «хождение в него» закончилось печально, в том числе отголоском этого стало введение известного циркуляра «О сокращении числа учеников в гимназиях и прогимназиях и изменении состава оных» (1887), прозванный циркуляром о кухаркиных детях, который «обрезал», хоть и с некоторым историческим запозданием, возможность получения гуманитарного теоретического образования, поиска самостоятельного образа мышления, зато ориентировал на сугубо практический, ремесленный, прикладной характер деятельности простого русского человека.

В 80-х гг. XIX в. народничество стало медленно угасать. Руководящая роль переходит в руки пролетариата [11: с. 439]. Одним из факторов последовавших изменений стало то, что «воспиталось» поколение пролетариата — фабричной молодежи, включенной в «практическую работу», начавшей играть активную роль в революционной деятельности, продвинувшейся в ней дальше, чем «хождение» и объяснение гуманистических истин крестьянству.

¹ Чехов А. П. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.: Правда. С. 242.

В целом народничество как особое явление русской культуры, вобравшее в себя различного плана теории, так или иначе связанные с человеком и обустройством им мира и общества, причем как сугубо теоретические, так и нашедшие свое завершение в практической деятельности, стало своего рода источником для развития многих направлений в науке, в том числе и поисков психологической мысли того времени.

Однако и после 80-х гг. XIX в. осталось распространенное в обществе влияние видных идеологов зрелого народничества, признаваемых различными его направлениями, среди которых Н. К. Михайловский, внесший свой вклад в развитие отечественной психологической мысли [17: с. 51].

Н. К. Михайловский — «властитель дум людских» своего времени

К изучению наследия одного из мыслителей XIX столетия, крупного идеолога народничества, пионера отечественной социально-психологической мысли [40: с. 259, 264] Николая Константиновича Михайловского стали обращаться сравнительно недавно. На его имени долгое время лежала печать мелкобуржуазного революционного деятеля, не вписавшегося в общую канву революционного дела в России, не оценившего в должной мере марксизм. С ленинской подачи был известен и мелкобуржуазный характер мировоззрения русского философа [25: с. 14; 40: с. 264]. Революционер и государственный деятель XX столетия В. И. Ленин подчеркивал, что Михайловский разделял «все слабости буржуазно-демократического движения»², поэтому после Октябрьской социалистической революции 1917 г. он не был включен в круг лиц, чье наследие подлежало глубокому, вне критики, изучению.

Научное наследие Михайловского — одного из основателей социальной, или, в его терминологии, коллективной, психологии, — несмотря на попытки вписать его имя

и его субъективно-антропоцентрический подход («основы мирозерцания») [13: с. 23] в советскую науку, оказалось вне доступа и интересов отечественных ученых, отдавших в конечном итоге лавры первооткрывателей этой науки французским мыслителям — Гюставу Лебону, изучавшему психологию народов и масс, Габриэлю Тарду, исследовавшему феномен подражания и социальный конфликт [49: с. 146], Эмилю Дюркгейму, писавшему об общественной обусловленности человеческого сознания, «коллективных представлениях», о разделении общественного труда.

Однако во время «оттепели» имя Михайловского постепенно возвращалось в историю общественных наук: его либо постоянно критиковали, либо по достоинству оценивали разработанные им положения и идеи. Сдвиг произошел благодаря фундаментальной монографии А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова «Русская философия XI–XIX веков» [11: с. 566], вышедшей в 1970 г., в которой излагалась, хотя и с критических позиций, система философских взглядов этого мыслителя, но подчеркивалось его «выдающееся положение в литературе» [11: с. 568], выделялись периоды его жизнедеятельности. Эти же авторы выступили несколько ранее с монографией подготовительного характера «Идеологи русского народничества»³, материал которой использовался ими в дальнейшем.

Для исследователей научного наследия Михайловского 70-е гг. прошлого столетия были плодотворными. К его идее о роли и месте психологического фактора в историческом процессе обратился теоретик и историк социальной психологии Б. Д. Парыгин [38: с. 277–298], а затем один из ведущих историков отечественной психологии в советское время — Е. А. Будилова. В своей докторской диссертации и подготовленной на ее основе монографии она рассматривала уже сами психологические идеи Михайловского [4: с. 456]. Кроме того, начиная с 70-х гг. XX в. появляются диссертации, поднимающие его наследие до уровня системы психологических и социологических взглядов.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 24. М.: Политиздат, 1961. С. 334.

³ Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Идеологи русского народничества. Л.: ЛГУ, 1966. 148 с.

Среди таких диссертаций выделяется работа Л. И. Рудакова, выполненная под руководством Б. Д. Парыгина, в которой представлен предмет социальной психологии, определенный русским мыслителем как «сопряжение двух вопросов высокой важности» — роли великих людей и психологии масс [41: с. 192]. Особый интерес для историка отечественной истории психологии могут представлять диссертационные исследования Б. Н. Чикина [48] и П. А. Пинтса [39].

Работа Чикина, выполненная под руководством крупного московского историка философии И. Я. Щипанова, позволяла рассматривать деятельность Михайловского как важнейшую и своеобразную страницу истории общественной мысли в России [48: с. 194]. Чикин исследовал характер эволюции взглядов русского мыслителя в тесной связи с общественной деятельностью последнего [48: с. 21–37]. Позже он будет вновь возвращаться к идеям Михайловского в своем научном творчестве [50].

В диссертации Пинтса, подготовленной с позиций ленинградской философской школы В. П. Федотова, обстоятельно рассматривалась проблема личности и психологические механизмы ее взаимодействия с социальной группой, которые выявил в свое время Михайловский [39: с. 86–108].

Появляются также работы, посвященные общественно-политическим взглядам мыслителя и их природе, его идейной роли в народническом движении 70–80-х годов XIX в., общественной деятельности [5: с. 15; 24: с. 5]. В конце 70-х гг. XX в. Б. Н. Чикин, основываясь на собственных исследованиях, читает в МГУ курс истории социальной психологии, в котором обстоятельно представляет психологические теории Михайловского [49: с. 141]. Неудивительно, что имя Михайловского вернулось к исследователям, находящим в отечественной психологической мысли прошлого существенный потенциал для развития российской общественной науки сегодняшнего дня.

Краткий библиографический анализ показывает, что в фокусе научных интересов находятся антропологические, философские, психологические идеи Михайловско-

го (см., например, работы А. Ю. Вязинкина [9: с. 65; 10], Р. Х. Денильхановой [14: с. 15; 15] и др.). Психологи, наши современники, — Б. Д. Парыгин [37: с. 7–9; 38: с. 44–46], В. П. Баранников, И. Е. Задорожнюк [1], Е. П. Белинская [2], Т. Д. Марцинковская [27: с. 273–275], рассматривая вопросы истории социальной психологии, признают его приоритет в создании социально-психологической науки. В ходе проведения различных конференций обнаруживается интерес к коллективной психологии и многим другим достижениям Михайловского. В 2017 г. вышел сборник научных трудов, посвященных 175-летию со дня рождения Михайловского, что должно способствовать внесению его в календарь памятных дат российской общественной науки [34: с. 5].

Из истории общественной жизни XIX столетия известно, что Михайловский являлся властителем дум народнической интеллигенции того времени. Он оставался знаковым мыслителем, направлявшим умонастроение интеллигенции и читающих масс и после распада «Земли и воли» в 1879 г. [11: с. 438], когда потребовались новые усилия и поиски путей преобразования отечества. Оставаться в центре внимания прогрессивной общественности Михайловскому помогало то, что он был талантливым публицистом и эссеистом. Он осознавал свою связь с эпохой, современниками и той социальной группой, вдохновителем которой являлся, мог позволить себе писать эссе, выражая личную точку зрения на проблему, понимая, что ею обязательно будут интересоваться, его размышлений по поводу актуальной темы будут ждать. Сам Михайловский как эссеист говорит о своем желании быть услышанным: «Я не принадлежу к числу тех величественных олимпийцев, которые говорят, что им все равно — читают их или нет; признаться, я им даже немножко не верю, и во всяком случае мне это не все равно: я очень хочу, чтобы меня читали...» [32: стлб. 407].

В. И. Ленин, подчеркивал, что Михайловский «горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой

печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к “подполью”, где действовали самые последовательные и решительные демократы разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью»⁴. Однако были и другие оценки Михайловского, а именно: как одного «из самых больших и творческих умов у нас, создатель стройной системы, объединяющих правду-истину и правду-справедливость...» [36: с. 132].

Михайловский родился в 1842 г. в небольшом городе Калужской губернии в разгар николаевской эпохи с ее крепостническим изнурением. Учился в Костромской гимназии, а затем в столичном Корпусе горных инженеров. Здесь среди институтской молодежи он проникся политическими настроениями неприятия существующей реальности и получил опыт дискуссионного взаимодействия, но не получил полной соответствующей аттестации [13: с. 8]. Его как критически мыслящего и проникнутого духом неприятия повседневности привлекла сама перспектива прогрессивных изменений в общественной жизни. Обнаружился юношеский, «скрученный в тугую спираль» борцовский потенциал, позволивший направлять и реализовывать возможности личности в практической деятельности. Одно из таких возможных для себя практических действий он увидел в публицистике с ее борцовскими идеями. Знакомство с издателем и журналистом В. А. Крепниным, выпускавшим «Рассвет; журнал наук, искусств и литературы для взрослых девиц» (1859–1869), где начинал свою успешную деятельность молодой критик и философ Д. И. Писарев, владевший умами молодежи 60-х гг. XIX в., способствовало закреплению в сознании Михайловского выбранных жизненных приоритетов. В «Рассвете», издававшемся для «расширения умственного кругозора» молодежи, было много разделов, включая и педагогику, и историю, и словесность, и др., где можно было начинающему автору найти свою нишу, реализовать интерес к публицистике, высказаться публично по важному в данный момент времени

вопросу. Получив первый опыт публичного выражения мнения, Михайловский сотрудничает с петербургским редактором, литератором и поэтом Н. С. Курочкиным, выпускавшим «Книжный вестник» (1860–1867), который выходил с периодичностью два раза в месяц и требовал приложения литературных сил. В 1867 г. Михайловский уже работает с ежемесячным научно-политическим и литературным журналом «Современное обозрение», издававшемся Н. Л. Тибленом, где печатался, ставший впоследствии «ветераном революционной теории» П. Л. Лавров, а также начинает работать над романом «Борьба», который не увидит свет [34: с. 16]. Имевший представление о литературном потенциале Михайловского Курочкин, познакомившись с рукописью романа «Борьба», остается уверенным в приоритете для него публицистических сочинений. Также он договорится с поэтом и издателем Н. А. Некрасовым, возглавлявшим после закрытия царским правительством «Современника», основанного еще русским гением А. С. Пушкиным, журнал «Отечественные записки» (1818–1884, с перерывами). В этом толстом журнале, широко известном в интеллигентских кругах, в разные годы работали и публиковались выдающийся критик В. Г. Белинский — «рыцарски честная, святая натура» (Н. К. Михайловский), много сделавший в свое время для популяризации этого издания; мыслители А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. А. Бакунин; поэты и прозаики В. А. Жуковский, Д. В. Давыдов, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Бенедиктов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, Ф. М. Достоевский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. А. Соллогуб, С. Я. Надсон; любомудры — В. Ф. Одоевский, М. П. Погодин, С. П. Шевырев; славянофилы — А. С. Хомяков, С. Т. Аксаков и мн. др. В 1868 г. с «Отечественными записками» начал свое сотрудничество Н. К. Михайловский, в результате которого для него расширился круг общения и взаимодействия, развились литературные навыки. В журнал писал К. Маркс, симпатизировавший народникам в их борьбе с самодержавием [11: с. 636] и чьи идеи и критику капитализма разделял Михайловский, хотя и критиковавший впоследствии марксизм, в том числе

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 24. М.: Политиздат, 1961. С. 333–334.

за принижение роли личности на фоне группы (класса).

После 1877 г. Михайловский совместно с М. Е. Салтыковым-Щедриным и Г. З. Елисеевым стал выпускающим редактором этого журнала. Историк и публицист Елисеев («Он был сам народ», — писал о нем Михайловский (цит. по: [35: с. 360]) оказал на мыслителя влияние своими идеями о личности и борьбе за ее свободу [34: с. 16].

В литературно-публицистической деятельности Михайловского период его работы в «Отечественных записках» очень важный, «созидательный» [11: с. 567]. В этом журнале «проявлялась литературная деятельность Михайловского в лучшую пору его умственного развития, когда его талант развернулся с наибольшим блеском и когда он завоевал себе прочную всероссийскую популярность» [13: с. 50]. Здесь им накоплен большой опыт научно-публицистической работы, сформированы социологические и социально-психологические теории, нашедшие отражение в многочисленных статьях-трактатах [11: с. 568], последовавших за знаменитой работой «Что такое прогресс?» (1869). В ней Михайловский, рассматривая обширный материал человеческой культуры, предлагает понимать прогресс как постепенное приближение «к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми» [30: стлб. 150]. Верил, что квалифицированный и качественный труд профессионально обученных и способных к такому труду работников создает благоприятные условия развития всего человечества. Благодаря этой статье на Михайловского обратила внимание российская интеллигенция, его стиль узнаваем, он занял выдающееся положение в литературе. Исследователи литературного наследия XIX в., младшие современники Михайловского, отмечали тесную взаимосвязь и преемственность его взглядов и А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева. Это был один ряд, связавший их неразрывно [18: с. 46].

Представителей этого ряда (за исключением Михайловского, который в свое время писал П. Л. Лаврову в одном из писем:

«Я не революционер, всякому свое» (цит. по: [34: с. 33])) видели в советской историографии как революционных демократов, имевших собственные психологические воззрения [44: с. 23]. Их психологические взгляды характеризуются в истории российской психологии следующими прогрессивными положениями: человек познает существующий мир, понимает необходимость взаимосвязи жизни и знаний, теории и практики, чувственного и сугубо логического; особенности психических процессов определяются качествами конкретного индивида. Считали, что конкретно-исторические условия жизни, деятельность (дело) формируют личность, которая проявляет собственную активность, действительное отношение к окружающей ее действительности. Свойства человеческой личности находят свое отражение в поведении, познаются через их внешнее проявление. Настаивали и многократно подчеркивали, что существенным условием полноценного развития личности является единство познавательной и эмоциональной сфер. Саму психофизическую проблему они решали с позиции материализма, в их представлении психическое как предмет психологии не было тождественно физиологическому, что представлялось как предмет физиологии [44: с. 50].

Михайловского, хоть и не причастного к ряду революционных демократов, называли идейным наследником «Современника» [35: с. 355], разделявшим и жизненную философию, представлявшую русскую литературу как мощное средство формирования общественной психологии [4: с. 284; 40: с. 191–211]. Михайловский способствует изданию собрания своих сочинений, понимая необходимость фиксирования таким образом журнальных статей и обеспечения их доступности для читателей.

Михайловский интересовался западноевропейской литературой и публицистикой. Из работ зарубежных авторов русского мыслителя-народника интересовали сочинения Ж.-Ж. Руссо, П.-Ж. Прудона, О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Милля, Ч. Р. Дарвина [9: с. 30, 31]. Его внимание привлекали идеи и теории Ч. Ломброзо, С. Сигеле, Г. Тарда, Г. Лебона и др., которые он обсуждал

и критиковал. Михайловский всегда находился среди знаковых для революционного дела в России личностей, мог дискутировать с ними, проверять на практике выводы собственных теоретико-методологических умозаключений. Начиная с 1892 г. Михайловский, сменивший после закрытых в 1884 г. «Отечественных записок» несколько изданий, включая неудачный опыт сотрудничества с «Северным вестником» (1885–1898), становится одним из ведущих авторов журнала «Русское богатство» (1876–1918) [13: с. 58]. В 1894 г. он, будучи человеком «с широким образованием и не менее широким кругозором, свойственным русскому интеллигенту» [13: с. 87], возглавляет «Русское богатство», ставшее при нем «органом народничества» и очень популярным периодическим изданием [11: с. 570; 13: с. 58]. Редакция журнала будет способствовать распространению сочинений Михайловского, чье жизненное кредо нашло отражение в совете, данном им одному из публицистов и литературных критиков — А. Г. Горнфельду, считавшего его одним из своих учителей: «Писать для других, не для себя» (цит. по: [34: с. 40]).

Михайловский был «властителем дум людских» своего времени, а жизнь, вобравшую в себя и аресты и ссылки, как многие интеллигенты-народники того времени, которым нужно было «дело делать», посвятил борьбе «против всех и всяких проявлений крепостнического гнета»⁵.

В 1900 г. общественность отмечала 40-летие публицистической и общественной деятельности Н. К. Михайловского во всероссийском масштабе [34: с. 44]. Это событие, затронувшее всю прогрессивную общественность России, дает возможность представить Михайловского идеархом, чьи творческие и борцовские жизненные устремления задавали направление в поиске смысла жизни, влияли на умонастроения нескольких поколений интеллигенции XIX–XX вв.; автором стройной системы научных взглядов, в том числе социально-психологических теорий, определяющих развитие психологической

науки, которая, без сомнения, добилась значимых результатов в настоящее время, но до сих пор продолжает искать ответы на вопросы о механизмах массовых явлений, характеристиках лидеров.

В отечественной художественной культуре сохранился портрет интеллигента-народника, борца за народное счастье, написанный художником-реалистом Н. А. Ярошенко, обращавшим серьезное внимание на психологический образ изображаемых им лиц (см. рис.).

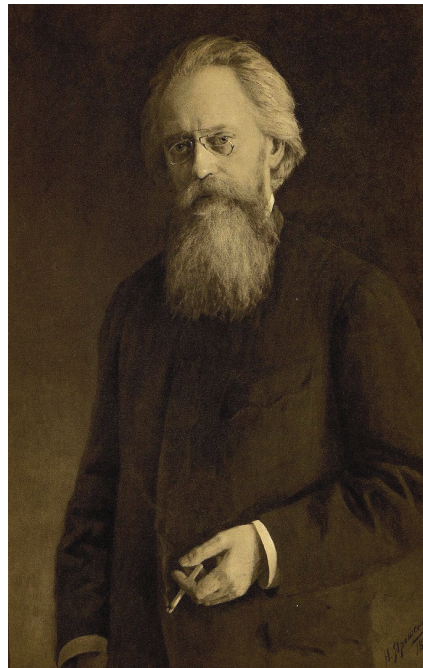

Рис. Н. А. Ярошенко. Портрет Николая Константиновича Михайловского. 1893 г.
Источник: URL: <https://magisteria.ru/data/2021/04/id-1-Portret-N.-K.-Mihaylovskogo.jpg>
(дата обращения: 25.10.2021).

О том, что представители общества, «посвятившие себя поиску его счастья», воспринимались многими как сильные, энергичные борцы, говорится в исторически ценном документе той эпохи — воспоминаниях писателя М. Горького о встречах с Михайловским. «Буревестник революции» писал о нем: «До этой встречи я знал Николая Константиновича только по портретам... Он измерял меня ласковым взглядом немножко насмешливых глаз, как боец. Его манера говорить выдавала в нем человека, привычного к словесным дуэлям. Иногда его взгляд как бы ослеплял

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 24. М.: Политиздат, 1961. С. 334.

блеском какой-то острой, невеселой мысли. От него веяло нервной силой, возбуждавшей меня»⁶. Горький пытается соединить в своем представлении знакомые ему идеи Михайловского и образ их автора одной общей мыслью: борющийся человек умеет доносить свои взгляды и доносит их до общества, прислушивающегося к нему.

За свою активную, общественно ценную жизнь Михайловский написал ряд значимых сочинений, которые становились источниками для развивавшихся на их основе философской, социологической, социально-психологической мысли дореволюционной России. Он вел широкую общественную деятельность, откликался в своих статьях на события, становившиеся исторически значимыми для России. Он, и это соответствовало его ожиданиям, всегда был в центре внимания общественности благодаря своим постоянным выступлениям в прессе, ведению большой публикационной работы. У него был хороший слог, и он мог убеждать своих слушателей и читателей, умел сохранять отношения с теми, кто придерживался диаметральных с ним взглядов, глубоко понимал человеческую психологию, как индивидуальную, так и массовую.

Н. К. Михайловский о человеке, толпе и борьбе

Живой интерес Н. К. Михайловского к психологическим вопросам истории психологии объясняют насущными потребностями народничества [37: с. 7; 38: с. 44], идеологом и теоретиком которого он являлся. Однако сам характер и логика развития научного знания требовали объяснения тем нескончаемым массовым волнениям и революциям, которые потрясали человечество на протяжении столетий и особенно явственно были зримы в XIX в. Поиск разрешающего характера ответов осуществлялся учеными различных научных отраслей. К этому поиску подключился имевший научный опыт осмысления

человеческой природы и условий его существования Михайловский.

Историко-психологическая реконструкция и психологическая интерпретация научного наследия Михайловского, его публицистических статей, эссе и писем, которые считаются важными источниками истории психологической мысли [4: с. 284], позволяют представить общий круг психологических идей, которых придерживался этот мыслитель, объясняя природу человека и общества им созданного. Наибольший интерес вызывают положения его теорий, касающиеся человеческой борьбы, проявляющей себя в разнообразных вариантах и лицах.

Необходимо отметить, что сам Михайловский придерживался материалистического взгляда на мир и происходящие в обществе изменения. Его интересовали реальные события в жизни человека и людского сообщества. Психологический тезаурус, освоенный им, являлся незаменимым при объяснении вопросов, связанных с человеком и социумом. «Психическое содержание» человека опосредовано познанием мира опытным путем. Человек, в представлениях мыслителя, думающее, переживающее, а главное, активное существо. Он способен совершенствовать себя, свою природу. Основной проблемой психологии является личность, поиски путей ее развития и поддержания. Михайловский всегда выступал сторонником идеи личности, актуальной для российской психологической теории на протяжении всего XIX в. Личность в его понимании стремится к сохранению самооценности и критическому отношению к миру. Целостная личность в теориях мыслителя определяется как «органический» человек («неделимое»), восприимчивый к многостороннему сочувственному опыту. Личность формируется в ходе жизнедеятельности в конкретных общественно-исторических условиях и накопления социального опыта. Поведение человека может наблюдаться в деятельности, в стремлении к реализации общественных идеалов, сознание его обусловлено ими и теми общественными связями, в которые он включен с рождения. Основной проблемой социальной психологии, основоположником которой он стал в отечественной психологической

⁶ Горький М. Собрание сочинений: в 18 т. Т. 18: Литературные портреты. М.: Гос. изд-во худож. л-ры, 1963. С. 186.

мысли, является взаимодействие личности и народа. Рассмотрение и изучение психологических механизмов взаимодействия личности и массы — самые актуальные социально-психологические задачи, поставленные Михайловским в различных сочинениях. Его взгляды и теории, их взаимообусловленность и взаимосвязь носят системный характер, дополняют друг друга. Взгляды Михайловского на проблемы человеческой борьбы оказываются родственными в их общем контексте взглядам революционных демократов (А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева), они из одного ряда, связавшего их в истории, который представил историк общественной мысли Р. В. Иванов-Разумник [18: с. 46].

Михайловский заметил, что человеческое общество всегда заинтересованно относилось к людской активности, подавляя ее у одной группы лиц и поощряя ее проявления у другой. Активность обнаруживается в борьбе — ценностном опыте человечества, представленном в истории культуры. Тематика борьбы и героизма как движущих сил исторического процесса, общественного развития, формирования самого человека и его личности также всегда интересовали общество, пытавшееся на протяжении тысячелетий объяснять и правильно «встраивать» в перспективы своего развития борцовский и героический опыт, как личный, так и коллективный, многократно описанный в самых разнообразных источниках.

Особое внимание привлекает предложенная Н. К. Михайловским теория героя и толпы [17: с. 51–52]. Он написал эпохальную и оставшуюся незавершенной работу, которая так и называется: «Герои и толпа» (1882) [29: с. 280–394]. Этот труд определяют еще как эссе, он стал историческим источником, позволяющим передавать опыт переживаний и взглядов конкретного лица на общественно значимую проблему. К теории героя и толпы он неоднократно возвращался в последующих работах: «Научные письма: к вопросу о героях и толпе» (1884), «Патологическая магия» (1887), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1893). Была подготовительного характера статья «Сила подражания» (1879), выделяемая

из цикла работ историками социальной психологии [38: с. 46], что подчеркивает длительный характер размышлений Михайловского относительно социально-психологических проблем.

Анализируя достижения Михайловского, его современник и последователь Н. И. Кареев по этому поводу скажет: «Психологическая ориентация социологии Михайловского выразилась в том важном значении, какое он приписывал фактору подражания в образовании общественных настроений и даже общественного поведения в известной работе «Герои и толпа» (1882), вышедшей в свет много раньше книги Тарда (в 1890 г. — *Прим. Д. И.*)...» [20: с. 65], где рассматривались законы подражания. В русском переводе эта книга французского ученого Г. Тарда называлась «Законы подражания» (1892). Сам Михайловский отмечал, что его работа «Герои и толпа» вышла на восемь лет раньше тардовской книги [32: с. V]. В плане создания теории толпы Михайловский опередил западноевропейских мыслителей, наблюдавших также массовые явления и понимавших необходимость раскрытия их психологических механизмов, исходя из логики развития психологической науки.

В своих работах Михайловский останавливается на вопросах общественных отношений, начинает размышлять о том, что существуют определенные явления, характерные для группы людей. Одно из таких явлений, которое часто наблюдается в людском сообществе, — возникновение толпы. Это — масса, она внушаема, увлекаема самыми разнообразными (высокоблагородными, низкими, нравственно-безразличными) примерами. Масса заражается ими, подражает кому-то либо автоматически, бессознательно, либо, наоборот, осознанно противопоставляясь, двигается вослед за волей ведущего ее человека-героя, выразителя определенных (приемлемых или неприемлемых) потребностей, желаний, чувств, инстинктов, мыслей.

Возникающий на массовом фоне множества людей, человек, определяемый как герой, организует толпу, увлекает своим примером. Он занимает место условного первого борца в восприятии актуальной сиюминутной

идеи, поскольку возвышается над остальными, диктует им свою волю, ведет их за собой. Однако он же зависит и от настроения толпы, вынужден бороться в конкретный момент времени и за себя, и за свой статус. Здесь понятие борьбы необходимо для объяснения внутренней «механики» протекающих процессов. Стать героем, занять место борца может любой, первый встречный, возвысившийся над толпой по воле случая и обстоятельств. «Это не первый любовник и не человек, совершающий великий подвиг. Наш герой может, пожалуй, быть и тем, и другим...» [29: с. 285]. Кроме того, Михайловский отдает себе отчет, что в исторической практике герой не всегда выступает идеалом, а толпа не есть образец для подражания. Однако мыслитель приходит к убеждению, что толпе необходим герой-борец за нечто высшее и далекое. При этом он не обольщается относительно нравственной характеристики героя, поскольку считает приоритетной задачу, состоящую в «изучении механики отношений между толпой и тем человеком, которого *она* (курсив мой. — Д. И.) признает великим» [29: с. 284]. Михайловский не «изыскивает мерил величия» героя-борца. Его привлекает сам гнозис борьбы, а именно познание ее элементов и смыслов в ходе взаимодействия героя и толпы. Михайловский представляет свою теорию героев и толпы и не вводит в морально-нравственные рамки борцовские интенции объектов своего исследования. Толпа борется совместно со своим героем, выражает протест посредством «вольницы» и «подвижничества». Вольница — это активное возмущение, идущее напролом и готовое снести все препятствия, стоящие на пути (народные бунты, религиозные войны и т. п.) [12: с. 319]. Вольница — витальная, не поддающаяся регламентации и ритуализации борьба, имеющая достаточно подтверждений своего присутствия в истории человеческой культуры. Подвижничество являет собой другой характерный для борьбы полюс противоборства и противостояния, отличный от вольницы: в понимании Михайловского, это пассивное сопротивление возникающим обстоятельствам и условиям. Однако и в первом (активная борьба), и во втором (пассивная борьба) случае толпа имеет своего

предводителя, героя-борца, за призывом которого она следует.

Михайловский — один из первых мыслителей, кто обратил внимание на поведение «завороженной» героем толпы. Создатель теории героя и толпы предлагал различать автоматическое (неосознанное) и осознанное подражание. Так, неосознанное подражание более свойственно массе, что объясняется ее внушаемостью и силой, потенциальными возможностями героя.

Интенции борьбы героя завораживают идущую за ним толпу, поскольку одним из механизмов их взаимодействия выступает подражание, под которым подразумевается стремление и способность человека соответствовать своему окружению [6: с. 258]. Однако свои интенции герой встраивает в общую с толпой борьбу.

Для Михайловского герой толпы становится борющейся индивидуальностью — человеком борющимся. Тема героев и толпы явилась органическим продолжением выдвинутой Михайловским теории борьбы за индивидуальность. Он вводит понятие «борьба за индивидуальность» и позже эта борьба за человека и его индивидуальные возможности, личность останется в психологии как необходимый выход в практическое приложение теоретических установок [30]. Это целый комплекс взглядов мыслителя, его социологический и социально-психологический системно- и идеогенез борьбы. Здесь Михайловский исходит из того предположения, что человеческое общество постоянно вступает в борьбу с личностью («...его борьба с личностью никогда не кончится, причем шансы борьбы будут клониться то в ту, то в другую сторону» [32: стлб. 417]). Общество заинтересовано в активности, борцовской инициативности человека, но выступает за всяческое ее ограничение. Человек становится интересен многим, а отсюда и разнообразные сложности в управлении им.

Привлекая на свою сторону античную мысль и опираясь на взгляды Платона, Михайловский пытается показать, каким образом разделение труда, характерное вообще для общества, повлияло на возникновение борьбы за индивидуальность. Сейчас признается

приоритет Михайловского в вопросе о влиянии разделения труда на формирование личности человека. В его постановке и описании он превзошел французского философа, социолога и психолога Э. Дюркгейма [45: с. 347], т. е. того, кто считался основоположником этого исследовательского направления.

Сам Михайловский различает два вида разделения труда: органическое и общественное. Первый предполагает разделение трудовых функций между «органами отдельного индивида», а второй — разделение труда между людьми, т. е. сословно-классовое деление общественных функций [12: с. 313]. Для него важно, чтобы читатель увидел парадоксальность такого разделения труда. Так, с одной стороны, постоянная специализация в своем виде деятельности (обучение конкретным трудовым действиям), с другой — полная изоляция в этой деятельности и беспомощность в любом другом ее виде. Михайловский даже приводит в пример Платона, рассуждавшего о воспитании воинов, которым рекомендуется «заниматься своим воинским делом по возможности избегая подражаний кому бы то ни было из не воинов» [32: стлб. 415]. Здесь «подражание кому бы то ни было» означает четкую специализацию в своем виде деятельности: мыслитель — думает, ремесленник — работает, воин — защищает (участвует в сражениях) и нельзя пренебрегать этим разделением труда во благо сохранения стабильности общества. В свою очередь, размышляя над этим положением, Михайловский убеждается, что платоновское общество устраивает разделение физического и умственного труда, и в этом случае думающий воин ему не нужен, поскольку последний может проявить неповиновение и создать угрозу стабильности всего общества. Михайловский видит в этом источник вековой борьбы между обществом и личностью, что становится основанием его анализа борьбы за индивидуальность. Он настаивает на общественной полезности и личностной ценности борьбы, ее необходимости во взаимоотношениях человека с обществом и средой. При этом видит разницу между борьбой за существование и борьбой за индивидуальность в итоговых результатах их проявлений: «Результат борьбы

за существование есть приспособление к исторически данной общественной среде. Результат борьбы за индивидуальность — обратный: приспособление среды» [30: стлб. 532]. Человек либо борется, пытаясь удержаться в заданных рамках своего существования, либо сам формирует условия и определяет границы своего бытия. Данные понятия в теории Михайловского являются смыслогенетическими. Так, пытаясь понять ход рассуждений автора теории борьбы за индивидуальность, Н. И. Кареев скажет: «Исходным пунктом мышления Михайловского было противоречие между истинами естествознания и основными тенденциями обществоведения, между двумя правдами, как он сам позднее охарактеризовал это противоречие, между правдой-истиной и правдой-справедливостью. С одной стороны, это была борьба за существование как фактор, по Дарвину, прогресса в мире растений и животных, с другой — это были призывы к солидарности, без которой человечество не может идти вперед. Разрешение данного противоречия Михайловский стал искать в исследовании индивидуальности (по терминологии обществоведения)» [20: с. 60].

Михайловский старается проследить эволюцию феноменов борьбы и солидарности (содружества). Человечество, борясь за существование, постепенно приспосабливается к окружающей среде (общественно-полезная борьба), достигнув определенного результата в этой борьбе, оно пытается подчинить себе среду, создает свой собственный мир, где к жизни вызываются процессы расслоения интересов, желаний, потребностей людей и обнаруживается борьба за индивидуальность. Михайловский под данным явлением понимает осмысление человеком окружающей его реальности — «расширение своей формулы жизни», необходимость освоения различных видов деятельности — «вводить в нее все новые и новые элементы, обнимать все больший и больший круг наслаждений...» [30: стлб. 532].

Индивидуальность представляет собой также дефиницию, содержащую понятия, которые можно в современной психологии обозначить как «самообнаружение», «самопредъявление», «самоопределение». Человек может самостоятельно определяться в своей

жизни. Однако на каком-то этапе возникает борьба уже между стремящимся к новым рубежам человечности индивидом и обществом, сохраняющим традиции как условие своего стабильного существования, что усиливает интенцию борьбы человека за собственную индивидуальность.

Михайловский предлагает использовать понятие «высшая индивидуальность». В конечном счете человек («индивидуальность») внешне и внутренне борется с обществом — с высшей индивидуальностью, типом общественного развития, общественным строем. Это позволяет понимать общий план теории борьбы, включающий драматический аспект осознания человеком жизненной необходимости собственной индивидуальности в противопоставлении ее высшей индивидуальности. Индивидуальность отстаивается человеком посредством борьбы, которая включает и противостояние окружающей среде, и обществу, особенно если последним создаются препятствия в виде традиций и требований.

Михайловский не исключает, что борьба велась и ранее, на всех предыдущих этапах развития человеческой цивилизации, причем на всех уровнях жизнедеятельности индивида, который, именно благодаря борьбе, достигал определенных идеалов человечности.

В его теории присутствует также описание простой и сложной кооперации людей. Первая — это общественный союз равных индивидов, имеющих одинаковые интересы, независимые от разнообразия профессий, а вторая — общность разнородных по функциям, социальному положению и т. п. людей. Для первой характерным является солидарность, а для второй — антагонизм [12: с. 313]. Антагонизм как борьба способствует определенным широкоплановым социальным изменениям даже в рамках коснеющих традиций, порождает смыслогенез становления и развития индивидуальности. Михайловский уверен, что «мы носим в себе начало свободы, независимости, неприспособленности к данной форме общества, задаток лучшего будущего, задаток успешной борьбы за индивидуальность» [32: стлб. 423–424]

В теории Михайловского выделяется идея совершенствования человеком собственной

природы посредством его личной заинтересованности («психологически напряженного желания») в борьбе за себя, где соединяется сразу несколько сфер — «желательное», «полезное», «нравственное», — что и представляет требуемую для конкретной индивидуальности реальность. Именно такого рода условия дают возможность человеку развиваться и самосовершенствоваться.

В качестве идеалов воспитания человека у Михайловского особо выделяются индивидуальность и ценность борьбы. В самой ценности борьбы за индивидуальность видится смысл воспитания, становления человека. Описание борьбы содержит понятие внутреннего и внешнего, непредопределенность своего проявления, прогрессивного и регрессивного, деструктивного и конструктивного. Теории борьбы за индивидуальность, героя и толпы и другие идеи органично включены у Михайловского в общий контекст его методологических исканий и размышлений. Основной целью теорий Михайловского является прогресс человечества, развитие человечности, где борьба представляет собой тот механизм закономерного преобразования, который, несмотря на частые проявления своей дисгармоничности, служит этому прогрессу. Можно подчеркнуть, что для Михайловского в качестве критерия социального прогресса выступает индивидуальность, а маркера — борьба за нее.

Мыслитель был также уверен, что общественное развитие, социальный прогресс не должны осуществляться ценой потери качеств человека, его индивидуально выраженных возможностей [26: с. 238]. Изучая личность, Михайловский рассматривает прогресс, цели этого прогресса, скрытые и идеальные формы общественного построения как возможность для разрешения противоречий между физиологическим и общественным распределением труда, между индивидом и обществом. Когда каждый сохраняет свои качества, свою целостность («целостность неделимых»), когда существует меньшее разделение труда между людьми, тогда в понимании Михайловского наступает прогресс.

В этом вопросе Михайловский описывается на имевшую место к этому времени

теорию личности, социальную определенность и на идею борьбы в ее личностно-ценностной и общественно полезной причинности. Системный смыслогенезис теории Михайловского представлен конгруэнтностью борьбы и человека, но допускает несоответствия контуров борьбы и человеческого бытия в идеале: человека, его индивидуальности должно стать «больше». Что же касается причинности борьбы, то для Михайловского вполне реальными являются общественно полезная и личностно-ценностная, даже при необходимости — армейско-военная, причины, актуализирующие противоборство на всех этапах и уровнях становления человеческого общества во всеобщей истории и развития отдельного человека в ходе его личной истории жизни.

Теоретические положения Михайловского служат базисом для развития самой идеи о человеке борющемся в российской социально-психологической науке.

Для истории отечественной психологической мысли оказываются важными и представление о значимости общения в жизни человека и человеческого сообщества, к которому апеллировал П. Я. Чаадаев в «Письме третьем» своих «Философических писем» в первой трети XIX в., и теории борьбы за индивидуальность, героя и толпы и др., разработанные в последней трети XIX в. Н. К. Михайловским, автором стройной системы. Взгляды этих идеархов, чьи творческие и борцовские жизненные устремления оказались направляющими в жизненном поиске и умонастроении нескольких поколений интеллигенции XIX–XX вв., позволяют отметить достижения российской психологической мысли, ее самостоятельность в поиске ответов на вопросы о сущности человека и его взаимоотношениях с обществом себе подобных.

Взгляды Михайловского являются определенным вкладом в формирование представлений о психологии человека, общества и значимости противоборства, оказались ценными для общей теории борьбы по сравнению со взглядами его старших современников (А. И. Герцена, В. Г. Белинского,

Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева).

Можно отметить первенство Михайловского в формулировке идей и направлений исследования в области социальной психологии над родоначальниками социальной психологии — Г. Лебоном (проблемы психологии народов, масс и их вожаков), Г. Тардом (проблема социальных конфликтов, взаимодействий и их влияния на психику человека), Э. Дюркгеймом (проблема влияния разделения труда на человека, его личность).

Заключение

Народничество как уникальное явление в истории России стало своего рода источником развития психологической мысли в XIX столетии. Активная позиция интеллигенции, ее вера в потенциальные возможности народа, стремление участвовать в его обучении, воспитать у него чувство свободы, желание улучшить экономическое положение формировали интерес к психолого-педагогическим и социально-психологическим идеям, их реализации в практической повсеместной деятельности. Стали известны имена многих мыслителей, посвятивших свою жизнь воспитанию и обучению народа, внесших значительный вклад в развитие педагогической и возрастной психологии в России. Особое место в истории народничества занимает Н. К. Михайловский, создавший научное системное учение, заложивший основу социально-психологической мысли в России, определивший предмет социальной психологии (коллективной психологии) исходя из понимания ценности личности, психологии масс и их взаимодействий.

Историко-психологическая реконструкция и психологическая интерпретация научного наследия Михайловского позволяют представить общий круг психологических идей, ту систему понятий, которых придерживался этот мыслитель, объясняя природу человека и общества им созданного. Наибольший интерес вызывают положения его теорий («борьба за индивидуальность», «герой и толпа» и др.), касающиеся человеческой борьбы,

проявляющей себя в разнообразных вариантах и лицах. Феномен борьбы можно рассматривать как системное понятие теорий мыслителя. Сам Михайловский настаивает на общественной полезности и личностной ценности борьбы, ее необходимости во взаимоотношениях человека с обществом и средой, допускает и армейско-военную необходимость актуализации борьбы. Описание борьбы содержит понятие внутреннего и внешнего, а также непредопределенность своего проявления, прогрессивного и регрессивного, деструктивного и конструктивного. Системный смыслогенезис теорий Михайловского

представлен конгруэнтностью борьбы и человека, но допускает несовпадения контуров борьбы и человеческого бытия в идеале: человека, его индивидуальности должно стать «больше».

Наши современники справедливо подчеркивают, что важным условием развития современного психологического знания является «синтез междисциплинарных знаний о человеке» [42: с. 72]. Системно-психологические идеи Михайловского, представляющие собой подобного рода синтез, должны способствовать продвижению современных знаний о человеке, его борьбе и созданном им обществе.

Литература

1. **Баранников В. П., Задорожнюк И. Е.** Проблемы «коллективной психологии» в работах Н. К. Михайловского // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 106–112.
2. **Белинская Е. П.** У истоков социальной психологии: сравнительный анализ «психологии масс» Г. Лебона и концепции «героев и толпы» Н. К. Михайловского // Вестник Московского университета. Серия: Психология. 2012. № 1. С. 9–18.
3. **Бердяев Н. А.** Русская идея. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2017. 320 с.
4. **Будилова Е. А.** Труды по истории психологии: сб. / отв. ред.: Т. И. Артемьева, А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Наука, 2009. 504 с.
5. **Виленская Э. С.** Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века: монография. М.: Наука, 1979. 303 с.
6. **Вичев В.** Мораль и социальная психика: монография. М.: Прогресс, 1978. 358 с.
7. **Всемирная история: в 10 т. Т. 6.** Новая история. [1789–1870 гг.] / отв. ред. Н. А. Смирнова. М.: Изд-во соц.-эконом. л-ры, 1959. 830 с.
8. **Всемирная история: в 10 т. Т. 7.** [1870–1917 гг.] / отв. ред. А. А. Губер. М.: Изд-во соц.-эконом. л-ры, 1960. 820 с.
9. **Вязинкин А. Ю.** Философская антропология Н. К. Михайловского: дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2014. 141 с.
10. **Вязинкин А. Ю.** Идеал целостной личности в философском наследии П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 9. С. 72–75.
11. **Галактионов А. А., Никандров П. Ф.** Русская философия XI–XIX веков: монография. Л.: Наука, 1970. 652 с.
12. **Галактионов А. А.** Русская социология XI–XX веков. СПб.: Лань, 2002. 416 с.
13. **Горев Б. И.** Николай Константинович Михайловский: Его жизнь, литературная деятельность и мирозерцание. М.: Мол. гвардия, 1931. 94 с.
14. **Денильханова Р. Х.** Проблема личности в философии Н. К. Михайловского: дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. 163 с.
15. **Денильханова Р. Х.** Борьба за индивидуальность, Проблема личности в публицистике Н. К. Михайловского: монография. М.: Воробьев А. В., 2009. 146 с.
16. **Иванов Д. В.** Значимость борьбы как ценности для человека в философско-психологических размышлениях П. Л. Лаврова // Вестник ИрГСХА. 2006. № 28. С. 69–73.
17. **Иванов Д. В.** Представление о феномене борьбы в российской философско-психологической мысли (XIX – начало XX в.): монография. Иркутск, 2006. 88 с.
18. **История и психология: сб. / под ред. Б. Д. Парыгина, Л. И. Анцыферовой.** М.: Наука, 1971. 381 с.
19. **Иванов-Разумник Р. В.** А. И. Герцен. Петроград: Колос, 1920. 187 с.
20. **Кареев Н. И.** Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. 368 с.

21. **Кольцова В. А.** История психологии. Проблемы методологии: монография. М.: ИП РАН, 2008. 512 с.
22. **Кулешова Л. Н.** История отечественной психологии воспитания, (60-е годы XIX – 60-е годы XX в.): дис. ... д-ра психол. наук. Ставрополь, 1999. 379 с.
23. **Лидак Л. В.** Педагог как объект научной рефлексии в российской педагогической психологии второй половины XIX – XX вв.: дис. ... д-ра психол. наук. Ставрополь, 2001. 400 с.
24. **Макаров В. П.** Формирование общественно-политических взглядов Н. К. Михайловского. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1972. 56 с.
25. **Макаров В. П.** Общественная мысль в России XIX – начала XX в.: история, историография, источниковедение (работы разных лет): сб. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2008. 192 с.
26. **Малявин С. Н.** История русской социально-философской мысли. М.: Дрофа, 2003. 256 с.
27. **Марцинковская Т. Д.** История психологии. М.: Академия, 2003. 544 с.
28. **Милованов К. Ю.** Просветительская идеология русского народничества // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 2. № 4 (53). С. 37–47.
29. **Михайловский Н. К.** Сочинения: в 6 т. Т. 6. СПб.: Издание Эл. Зауэр, 1885. 452 с.
30. **Михайловский Н. К.** Борьба за индивидуальность (социологические очерки) // Сочинения Н. К. Михайловского: в 6 т. Т. 1. Ч. 2. СПб.: Редакция журнала «Русское богатство», 1896. Стлб. 422–594.
31. **Михайловский Н. К.** Еще о героях // Сочинения Н. К. Михайловского: в 6 т. Т. 2. СПб.: Редакция журнала «Русское богатство», 1896. Стлб. 366–404.
32. **Михайловский Н. К.** Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Философия истории Луи Блана и другие работы. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. 904 стлб.
33. **Никольская А. А.** Возрастная и педагогическая психология дореволюционной России: монография. Дубна: Феникс, 1995. 336 с.
34. **Н. К. Михайловский: Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения): сб. / отв. ред. Г. Н. Мокшин.** Воронеж: ИД ВГУ, 2017. 300 с.
35. **Овсяннико-Куликовский Д. Н.** История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX в. Ч. 1. М.: Типо-лит. Рус. Тов-ва, 1908. 390 с.
36. **Овсяннико-Куликовский Д. Н.** Литературно-критические работы: в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1989. 525 с.
37. **Парыгин Б. Д.** История отечественной социальной психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 2. С. 5–20.
38. **Парыгин Б. Д.** Социальная психология: истоки и перспективы: монография. СПб.: СПбГУ, 2010. 536 с.
39. **Пинтс П. А.** Проблема личности в социологии Н. К. Михайловского: дис. ... канд. филос. наук. Л., 1974. 161 с.
40. **Рудаков Л. И.** Социально-психологические воззрения Н. К. Михайловского: дис. ... канд. филос. наук. Л., 1971. 276 с.
41. **Рудаков Л. И.** Социальная философия П. Я. Чаадаева и русская философская и общественная мысль XIX века: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2000. 282 с.
42. **Рыжов Б. Н.** Системная психология: монография. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
43. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
44. **Смирнов А. А.** Развитие и современное состояние психологической науки в СССР: монография. М.: Педагогика, 1975. 352 с.
45. **Социология в России / под ред. В. А. Ядова.** М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. 696 с.
46. **Урунтаева Г. А.** Теоретико-методические основы изучения воспитателем ребенка-дошкольника в истории отечественной психологии: вторая половина XIX – 20–30-е гг. XX в.: дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2003. 503 с.
47. **Чаадаев П. Я.** Полное собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. 800 с.
48. **Чикин Б. Н.** Социологическая система Н. К. Михайловского: дис. ... канд. филос. наук. М., 1973. 216 с.
49. **Чикин Б. Н.** Из истории социальной психологии в России XIX века. М.: МГУ, 1978. 164 с.
50. **Чикин Б. Н.** Десница и шуйца Н. К. Михайловского // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 1990. № 5. С. 58–69.

References

1. **Barannikov V. P., Zadorozhnyuk I. E.** Problemy` «kollektivnoj psixologii» v rabotax N. K. Mixajlovskogo [Problems of “collective psychology” in the works of N. K. Mikhailovsky] // Psixologicheskij zhurnal [Psychological journal]. 1993. Vol. 14. № 2. P. 106–112.
2. **Belinskaya E. P.** U istokov social`noj psixologii: sravnitel`ny`j analiz «psixologii mass» G. Lebona i koncepcii «geroev i tolpy`» N. K. Mixajlovskogo [At the origins of social psychology: a comparative analysis of G. Lebon's “psychology of the masses” and the concept of “heroes and crowds” N. K. Mikhailovsky] // Vestnik Moskovskogo universitetat. Seriya: Psixologiya [Bulletin Moscow University. Ser.: Psychology]. 2012. № 1. P. 9–18.
3. **Berdyayev N. A.** Russkaya ideya [Russian idea]. SPb.: Azbuka; Azbuka-Attikus, 2017. 320 p.
4. **Budilova E. A.** Trudy` po istorii psixologii: sb. [Proceedings on the history of psychology: collection] / otv. red. T. I. Artem`eva, A. L. Zhuravlev, V. A. Kol`czova. M.: Nauka, 2009. 504 p.
5. **Vilenskaya E`. S.** N. K. Mixajlovskij i ego idejnaya rol` v narodnicheskom dvizhenii 70-x – nachala 80-x godov XIX veka: monografiya [N. K. Mikhailovsky and his ideological role in the populist movement of the 70s – early 80s of the XIX century: monograph]. M.: Nauka, 1979. 303 p.
6. **Vichev V.** Moral` i social`naya psixika: monografiya [Moral and the social psyche: monograph]. M.: Progress, 1978. 358 p.
7. Vsemirnaya istoriya: v 10 t. T. 6. Novaya istoriya. [1789–1870 gg.] [World History: in 10 vols. V. 6. A new story. [1789–1870]] / otv. red. N. A. Smirnova. M.: Izd-vo socz.-e`konom. l-ry`, 1959. 830 p.
8. Vsemirnaya istoriya: v 10 t. T. 7 [1870–1917 gg.] [World History: in 10 vols. V. 7. [1870–1917]] / otv. red. A. A. Guber. M.: Izd-vo socz.-e`konom. l-ry`, 1960. 820 p.
9. **Vyazinkin A. Yu.** Filosofskaya antropologiya N. K. Mixajlovskogo: dis. ... kand. filos. nauk [Philosophical anthropology N. K. Mikhailovsky: dis. ... Candidate of Philosophical Sciences]. Tambov, 2014. 141 p.
10. **Vyazinkin A. Yu.** Ideal celostnoj lichnosti v filosofskom nasledii P. L. Lavrova, N. K. Mixajlovskogo [Ideal of a holistic personality in the philosophical heritage of P. L. Lavrov, N. K. Mikhailovsky] // Manuskript [Manuscript]. 2020. Vol. 13. Iss. 9. P. 72–75.
11. **Galaktionov A. A., Nikandrov P. F.** Russkaya filosofiya XI–XIX vekov: monografiya [Russian philosophy of the XI–XIX centuries: monograph]. L.: Nauka, 1970. 652 p.
12. **Galaktionov A. A.** Russkaya sociologiya XI–XX vekov [Russian sociology of the XI–XX centuries]. SPb.: Lan`, 2002. 416 p.
13. **Gorev B. I.** Nikolaj Konstantinovich Mixajlovskij: Ego zhizn`, literaturnaya deyatel`nost` i mirosozerczanie [Nikolai Konstantinovich Mikhailovsky: His life, literary activity and world vision]. M.: Mol. gvardiya, 1931. 94 p.
14. **Denil`xanova R. X.** Problema lichnosti v filosofii N. K. Mixajlovskogo: dis. ... kand. filos. nauk [The problem of personality in the philosophy of N. K. Mikhailovsky: dis. ... Candidate of Philosophical Sciences]. M., 2006. 163 p.
15. **Denil`xanova R. X.** Bor`ba za individual`nost`, Problema lichnosti v publicistike N. K. Mixajlovskogo: monografiya [The struggle for individuality, The problem of personality in the journalism of N. K. Mikhailovsky: monograph]. M.: Vorob`ev A. V., 2009. 146 p.
16. **Ivanov D. V.** Znachimost` bor`by` kak cennosti dlya cheloveka v filosofsko-psixologicheskix razmy`shleniyax P. L. Lavrova [The significance of wrestling as a value for a person in philosophical and psychological reflections of P. L. Lavrov] // Vestnik IrGSHA [Bulletin of the IrGSHA]. 2006. № 28. P. 69–73.
17. **Ivanov D. V.** Predstavlenie o fenomene bor`by` v rossijskoj filosofsko-psixologicheskoy my`сли (XIX – nachalo XX v.): monografiya [Idea of the phenomenon of struggle in Russian philosophical and psychological thought (XIX – early XX centuries): monograph]. Irkutsk, 2006. 88 p.
18. Istoriya i psixologiya: sb. [History and psychology: collection] / pod red. B. D. Pary`gina, L. I. Ancyferovoj. M.: Nauka, 1971. 381 p.
19. **Ivanov-Razumnik R. V.** A. I. Gercen [A. I. Herzen]. Petrograd: Kolos, 1920. 187 p.
20. **Kareev N. I.** Osnovy` russkoj sociologii [Fundamentals of Russian sociology]. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaxa, 1996. 368 p.
21. **Kol`czova V. A.** Istoriya psixologii. Problemy` metodologii: monografiya [History of psychology. Problems of methodology: monograph]. M.: IP RAN, 2008. 512 p.
22. **Kuleshova L. N.** Istoriya otechestvennoj psixologii vospitaniya (60-e gody` XIX – 60-e gody` XX v.): dis. ... d-ra psiol. nauk [History of the Russian psychology of education (60s XIX – 60s XX centuries): dis. ... Doctor of Psychological Sciences]. Stavropol`, 1999. 379 p.

23. **Lidak L. V.** Pedagog kak ob`ekt nauchnoj refleksii v rossijskoj pedagogicheskoj psixologii vtoroj poloviny` XIX–XX vv.: dis. ... d-ra psixol. nauk [Teacher as an object of scientific reflection in Russian pedagogical psychology of the second half of the XIX–XX centuries.: dis. ... Doctor of Psychological Sciences]. Stavropol`, 2001. 400 p.
24. **Makarov V. P.** Formirovanie obshhestvenno-politicheskix vzglyadov N. K. Mixajlovskogo [Formation of socio-political views of N. K. Mikhailovsky]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1972. 56 p.
25. **Makarov V. P.** Obshhestvennaya my`sl` v Rossii XIX – nachala XX v.: istoriya, istoriografiya, istochnikovedenie (raboty` razny`x let): sb. [Public thought in Russia of the XIX – early XX centuries: history, historiography, source studies (works of different years): collection]. Nizhnij Novgorod: NNGASU, 2008. 192 p.
26. **Malyavin S. N.** Istoriya russkoj social`no-filosofskoj my`sli [History of Russian socio-philosophical thought]. M.: Drofa, 2003. 256 p.
27. **Marcinkovskaya T. D.** Istoriya psixologii [History of Psychology]. M.: Akademiya, 2003. 544 p.
28. Milovanov K. Yu. Prosvetitel`skaya ideologiya russkogo narodnichestva [Educational ideology of Russian populism] // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika [Domestic and foreign pedagogy]. 2018. Vol. 2. № 4 (53). P. 37–47.
29. **Mixajlovskij N. K.** Sochineniya: v 6 t. T. 6 [Works: in 6 vols. Vol. 6.]. SPb.: Izdanie E`l. Zaue`r, 1885. 452 p.
30. **Mixajlovskij N. K.** Bor`ba za individual`nost` (sociologicheskie ocherki) [Struggle for individuality (sociological essays)] // Sochineniya N. K. Mixajlovskogo: v 6 t. T. 1. Ch. 2 [Works by N. K. Mixajlovskij: in 6 vols. V. 1. Ch. 2]. SPb.: Redakciya zhurnala «Russkoe bogatstvo», 1896. Column 422–594.
31. **Mixajlovskij N. K.** Eshhe o geroyax [Still about the heroes] // Sochineniya N. K. Mixajlovskogo: v 6 t. T. 2 Works by N. K. Mixajlovskij: in 6 vols. Vol. 2]. SPb.: Redakciya zhurnala «Russkoe bogatstvo», 1896. Column 366–404.
32. **Mixajlovskij N. K.** Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. T. 3: Filosofiya istorii Lui Blana i drugie raboty` [Complete collected works: in 10 vols. Vol. 3: Philosophy of the history of Louis Blanc and other works]. SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1909. 904 columns.
33. **Nikol`skaya A. A.** Vozrastnaya i pedagogicheskaya psixologiya dorevolucionnoj Rossii: monografiya [Age and pedagogical psychology of pre-revolutionary Russia: monograph]. Dubna: Feniks, 1995. 336 p.
34. N. K. Mixajlovskij: Chelovek. My`slitel`. Obshhestvenny`j deyatel` (k 175-letiyu so dnya rozhdeniya): sb. [N. K. Mikhailovsky: Man. Thinker. Public figure (on the 175th anniversary of birth): collection] / otv. red. G. N. Mokshin. Voronezh: ID VGU, 2017. 300 p.
35. **Ovsyaniko-Kulikovskij D. N.** Istoriya russkoj intelligencii. Itogi russkoj xudozhestvennoj literatury` XIX v. Ch. 1 [Ovsyaniko-Kulikovskij D. N. The history of the Russian intelligentsia. The results of Russian fiction of the XIX century. Part 1]. M.: Tipo-lit. Rus. Tov-va, 1908. 390 p.
36. **Ovsyaniko-Kulikovskij D. N.** Literaturno-kriticheskie raboty`: v 2 t. T. 2 [Literary and critical works: in 2 vols. Vol. 2]. M.: Xudozh. lit., 1989. 525 p.
37. **Pary`gin B. D.** Istoriya otechestvennoj social`noj psixologii [History of domestic social psychology] // Metodologiya i istoriya psixologii [Methodology and History of Psychology]. 2006. Vol. 1. Iss. 2. P. 5–20.
38. **Pary`gin B. D.** Social`naya psixologiya: istoki i perspektivy`: monografiya [Social psychology: origins and perspectives: monograph]. SPb.: SPbGU, 2010. 536 p.
39. **Pints P. A.** Problema lichnosti v sociologii N. K. Mixajlovskogo: dis. ... kand. filos. nauk [Personality problem in sociology N. K. Mikhailovsky: dis. ... Candidate of Philosophical Sciences]. L., 1974. 161 p.
40. **Rudakov L. I.** Social`no-psixologicheskie vozreniya N. K. Mixajlovskogo: dis. ... kand. filos. nauk [Socio-psychological views of N. K. Mikhailovsky: dis. ... Candidate of Philosophical Sciences]. L., 1971. 276 p.
41. **Rudakov L. I.** Social`naya filosofiya P. Ya. Chaadaeva i russkaya filosofskaya i obshhestvennaya my`sl` XIX veka: dis. ... d-ra filos. nauk [Social philosophy of P. Ya. Chaadaev and Russian philosophical and social thought of the XIX century: dis. ... Doctor of Philosophy]. SPb., 2000. 282 p.
42. **Ry`zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya: monografiya [Systems psychology: monograph]. M.: T8 Izdatel`skie Tekhnologii, 2017. 356 p.
43. **Ry`zhov B. N.** Istoriya psixologicheskoy my`sli. Puti i zakonomernosti [History of psychological thought. Paths and patterns]. M.: FLINTA, 2021. 352 p.
44. **Smirnov A. A.** Razvitie i sovremennoe sostoyanie psixologicheskoy nauki v SSSR: monografiya [The development and modern state of psychological science in the USSR: monograph]. M.: Pedagogika, 1975. 352 p.

45. Sociologiya v Rossii [Sociology in Russia] / pod red. V. A. Yadova. M.: Izd-vo In-ta sociologii RAN, 1998. 696 p.
46. **Uruntaeva G. A.** Teoretiko-metodicheskie osnovy` izucheniya vospitatelem rebenka-doshkol`nika v istorii otechestvennoj psixologii: vtoraya polovina XIX – 20-30-e gg. XX v.: dis. ... d-ra psixol. nauk [Theoretical and methodological foundations of the study by the teacher of a child-preschool in the history of Russian psychology: the second half of the XIX – 20–30s. XX century: dis. ... Doctor of Psychological Sciences]. SPb., 2003. 503 p.
47. **Chaadaev P. Ya.** Polnoe sobranie sochinenij: v 2 t. T. 1 [Complete collected works: in 2 vols. Vol. 1]. M.: Nauka, 1991. 800 p.
48. **Chikin B. N.** Sociologicheskaya sistema N. K. Mixajlovskogo: dis. ... kand. filosof. nauk [Sociological system of N. K. Mikhailovsky: dis. ... Candidate of Philosophical Sciences]. M., 1973. 216 p.
49. **Chikin B. N.** Iz istorii social`noj psixologii v Rossii XIX veka [From the history of social psychology in Russia of the XIX century]. M.: MGU, 1978. 164 p.
50. **Chikin B. N.** Desnicza i shujcza N. K. Mixajlovskogo [Desnitsa and Shuitsa N. K. Mikhailovsky] // Vestnik MGU. Seriya 7. Filosofiya [Bulletin of Moscow University. Seriya 7. Philosophy]. 1990. № 5. P. 58–69.

Информация

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ЖУРНАЛА «СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ», 2021, № 4 (40)

«SYSTEMS PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY» AUTHORS, 2021, № 4 (40)

РОМАНОВА Евгения Сергеевна — доктор психологических наук, профессор. Заведующая кафедрой общей и практической психологии, заведующая лабораторией социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии МГПУ. Заслуженный учитель Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования. Почетный профессор МГПУ, член президиума УМО университетов Российской Федерации. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Москва (Россия).

ROMANOVA Evgeniya Sergeevna — Doctor of Psychological Sciences, Professor. Head of the Department of general and practical psychology, Head of the Laboratory of Social-and-Psychological Researches in Education at the Institute of Special Education and Psychology of the MCU. Honorary Teacher of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. Laureate of the President of the Russian Federation Education Award. Laureate of the Russian Federation Government Education Award. Honorary Professor of the Moscow City University, member of the Presidium of Educational and Methodological Consolidation of the Universities of the Russian Federation. Honorary Worker of Higher School of the Russian Federation, Moscow (Russia).

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

РЫЖОВ Борис Николаевич — доктор психологических наук, профессор. Профессор кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии МГПУ. Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Москва (Россия).

RYZHOV Boris Nikolayevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor. Professor of the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Special Education and Psychology of the MCU. Laureate of the Russian Federation Government Education Award, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Moscow (Russia).

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

АЛЕКСЕЕНКО Мария Сергеевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник НИИЦ (АКМ и ВЭ), преподаватель авиационно-учебных центров «Школа Аэрофлота» и S7 Training. Специалист по профессиональному психологическому отбору военных летчиков и пилотов гражданской авиации, Москва (Россия).

ALEKSEENKO Maria Sergeevna — PhD in Psychology, Senior Researcher of the Research Institute of the Scientific Research Institute (AKM and VE). Lecturer at the «Aeroflot School» and «S7 Training Aviation Training» centers. Specialist in professional psychological selection pilots of civil aviation and air force officer, Moscow (Russia).

E-mail: ulitsapesen@gmail.com

БРЕУСЕНКО-КУЗНЕЦОВ Александр Анатольевич — доктор психологических наук, доцент. Профессор кафедры истории и теории психоанализа Международного института глубинной психологии, Киев (Украина).

BREUSENKO-RUZNETSOV Alexander Anatolyevich — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor. Professor of the Department of History and Theory of Psychoanalysis, International Institute of Depth Psychology, Kiev (Ukraine).

E-mail: br.kuznetsov@gmail.com

ВАСЕЧКО Евгений Петрович — преподаватель кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск (Россия).

VASECHKO Evgeny Petrovich — teacher of the Department of Military Pedagogy and Psychology of the Novosibirsk Military Order of the Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk (Russia).

E-mail: vasechko.1977@bk.ru

ВОЛКОВ Игорь Владимирович — кандидат психологических наук, ассистент кафедры психологии управления Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород (Россия).

VOLKOV Igor Vladimirovich — PhD in Psychology, Assistant of the Department of Management Psychology of the N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod (Russia).

E-mail: vig19@yandex.ru

ВОЛКОВА Елена Николаевна — доктор психологических наук, профессор Института психологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург (Россия).

VOLKOVA Elena Nikolaevna — Doctor of Psychological Sciences, Professor. The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg (Russia).

E-mail: envolkova@yandex.ru

ИВАНОВ Денис Васильевич — кандидат педагогических наук, доцент. Доцент кафедры общей психологии и истории психологии НГПУ, Новосибирск (Россия).

IVANOV Denis Vasilievich — PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor. Associate Professor at the Department of general psychology and history of psychology of the NSPU, Novosibirsk (Russia).

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

ИСАЕВА Оксана Михайловна — кандидат психологических наук, доцент. Доцент кафедры организационной психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Нижний Новгород. (Россия).

ISAEVA Oksana Mikhailovna — PhD in Psychology, Associate Professor. Associate Professor of the Department of Organizational Psychology, National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod (Russia).

E-mail: oisaeva@hse.ru

КОНОНОВА Татьяна Александровна — кандидат психологических наук, доцент. Профессор кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск (Россия).

KONONOVA Tatyana Alexandrovna — PhD in Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Military Pedagogy and Psychology of the Novosibirsk Military Order of the Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia.

E-mail: teka712@mail.ru

КОТОВА Ольга Викторовна — эксперт лаборатории социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия).

KOTOVA Olga Viktorovna — Expert of the Laboratory of Social-and-Psychological Researches in Education at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow (Russia).

E-mail: KotovaOV@mgpu.ru

УРУНТАЕВА Галина Анатольевна — доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, Москва (Россия).

URUNTAEVA Galina Anatolyevna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, honored worker of higher education of the Russian Federation. The Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education, Moscow (Russia).

E-mail: lotsman52@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Журнал «Системная психология и социология» публикует оригинальные теоретические работы и исследования по проблемам системных описаний в психологии и социологии.

В научном журнале размещаются следующие виды работ:

- методологические и теоретические статьи;
- статьи, описывающие новый метод, тест, опросник и т. д.;
- эмпирические исследования;
- информационно-аналитические материалы;
- рецензирование статей, книг и т. д.

В зависимости от жанра статья должна иметь определенную структуру. Если статья описывает эмпирические исследования, новые методические приемы, тесты, опросники и т. д., то структура статьи включает следующие разделы: «Введение», «Методика», «Результаты и их обсуждение», «Выводы», «Заключение», «Литература».

Информационно-аналитические статьи, методические и теоретические статьи предполагают наличие таких разделов, как «Введение», «Результаты», «Выводы», «Заключение», «Литература».

В редакцию принимаются материалы объемом до одного авторского листа (не более 40 тыс. знаков с пробелами). Объем статей, подготовленных по заказу редакции, не ограничивается. Текст должен быть набран шрифтом *Times New Roman*, 14-м кеглем, через 1,5 интервала с выравниванием по ширине. Поля: слева — 2 см, справа — 1 см, верхнее и нижнее — по 2 см соответственно. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Заголовки разделов статьи печатаются шрифтом *Times New Roman*, полужирным, 14-м кеглем, без курсива, по центру столбца. В конце заголовков разделов точка не ставится (например, Результаты).

Заголовок статьи оформляется по образцу: название (по центру страницы, заглавными буквами, полужирным шрифтом, 14-й кегль, не более 7 слов, без точки в конце названия).

Ниже — инициалы и фамилия автора. Например: И. И. Иванов.

Укажите также, пожалуйста, **уникальный номер ORCID каждого из авторов**.

Статья должна начинаться с расширенной аннотации (не менее 200 и не более 250 слов, или 1600–1850 знаков с пробелами), в которой полностью раскрывается структурная логика статьи, включая разделы «Введение», «Методология и методика исследования», «Результаты исследования», «Заключение».

После аннотации указывается перечень ключевых слов (5–10 слов). Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой. Текст аннотации набирается прямым (без курсива) шрифтом с точкой в конце.

Название статьи, равно как и аннотация, ключевые слова, обязательно предоставляется с переводом на английский язык.

Библиографические ссылки при цитировании приводятся в конце статьи в алфавитном порядке на русском и английском языках. Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках (например: [15: с. 140]), где первая цифра означает порядковый номер из списка литературы, а вторая — номер страницы источника (если это цитата)).

Упоминание всех персоналий в тексте статьи обязательно с инициалами.

В списке литературы желательно указывать **не менее 20 источников**. Из них, желательно, чтобы **половина была на английском языке**, при этом **цитируемые источники** (как русскоязычные, так и англоязычные, индексируемые в РИНЦ, Scopus и WoS) — это издания **за последние 5 лет**. Также следует указывать DOI для тех источников, у которых он есть (о наличии DOI можно узнать по ссылке: <http://search.crossref.org/>) и на которые есть ссылки

в тексте статьи. При упоминании (ссылке) на источники более раннего года выпуска эти источники указываются в постраничной сноске (внизу листа со сквозной нумерацией) и в список литературы эти ссылки не включаются. Количество ссылок на работы автора статьи должно быть ограничено одним-двумя источниками, при ссылке на работы других авторов допускается упоминание двух-трех источников.

Рисунки, графики, схемы нельзя сканировать, они должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения. К статье отдельно прилагаются файлы с рисунками, графиками в таком формате, чтобы легко можно было внести правки согласно требованиям публикации.

К статье необходимо приложить следующие сведения об авторе: фамилия, имя и отчество полностью; ученая степень и звание; место работы и должность; контактный телефон и адрес электронной почты, подписанное фото каждого автора 3 × 4 (в формате *.jpg). Сведения об авторе (кроме контактных данных) должны быть представлены на русском и английском языках.

Рецензирование проходит в период от одного до трех месяцев. Решение о публикации принимается на основе результатов рецензирования редколлегией. В случае положительного решения публикация происходит в порядке очередности поступления материалов в редакцию.

Материалы предоставляются как по электронной почте журнала: systempsychology@mgpu.ru, так и в распечатанном виде (+ копия статьи на диске в электронном формате *.doc. Word 2000, 2003 (и выше)) в Институте психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

Адрес редакции журнала: 127287, Москва, Петровско-Разумовский пр., д. 27.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Телефон: 8 (495) 612-67-16

AUTHOR GUIDELINES

An article should ordinarily not exceed 40 000 of signs, including references and tabular material. It should be typed in standard Times New Roman 11 print, with 1 line spacing in MS Office files (Word 2000, 2003 and etc.). Exceptions may be made with prior approval of the Editor in Chief.

It is authors' responsibility to ensure their reviews are comprehensive and as up to date as possible so the data are still current at the time of publication.

Article Structure

Abstract

A concise and factual abstract is required (**not exceeding 200–250 words**). The abstract should state briefly the introduction, purpose of the research, research methods, the principal results and major conclusions. References here should be avoided.

Keywords

Immediately after the abstract, provide a maximum of **5–10 keywords**. Be careful with abbreviations: only abbreviations firmly established in the field may be eligible.

Introduction

Research methods

Results and discussion

Conclusion

Literature (**at least 20 references or more and over the last 5 years predominantly**). As the author of your research article, you should refer to your own works not more than twice, but in so doing every other authors of the works you need to refer should be cited not more than twice or three times.

Graphical Abstract and Tables

A graphical abstract is optional, its use is encouraged as it draws more attention to the article. The graphical abstract should summarize the contents of the article in a concise, pictorial form designed to capture the attention of a wide readership. Graphical abstracts should be submitted as a separate file via email. The image should be readable using a regular screen resolution. Preferred file types: *tiff, *pdf or MS Office files. Please submit tables as editable text and not as images. Tables can be placed either next to the relevant text in the article, or on separate page(s) at the end. Number tables consecutively in accordance with their appearance in the text and place any table notes below the table body.

Every author should send the following information: his full surname, name, his academic status and degree; his unique **ORCID identifier**, the place of his work and information about the post he takes; contact information, including e-mail and his photo 3 × 4 (Preferred file types: *tiff, *jpg).

Contact Details for Submission

Authors are requested to submit their articles and contact details electronically via e-mail: systempsychology@mgpu.ru. Authors also should remember to supply the names and contact details of all co-authors, mentioned in the article.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Tel.: 8 (495) 612-67-16

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

2021

№ 4 (40)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1

Телефон: + 7 (499) 181-50-36

Подписано в печать: 00.03.2022 г.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Объем 7,5 печ. л. Тираж 1000 экз.